Александр Малиновский

Собрание сочинений

Том второй

12+

Александр Станиславович Малиновский
Собрание сочинений. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68012023
SelfPub; 2022

Аннотация

В первые два тома настоящего собрания сочинений известного русского писателя Александра Малиновского вошли произведения, объединённые одним главным героем Александром Ковальским. В них автор показывает русскую жизнь, какой она сложилась во второй половине XX века. Послевоенное село, село и город второй половины прошлого века, индустриализация и химизация народного хозяйства. Взлёты и падения. Перестройка. Всё это нашло своё отражение в двух томах, охватывающих сорок лет (1957-1997 гг.) жизни героев повествования. Писались эти книги в течение десяти лет. Так сложилось это эпическое полотно. Книги 3-го и 4-го тома состоят из повестей, рассказов и стихов, написанных в разные годы.

Содержание

Под открытым небом 6
Книга четвёртая 6
I 6
II 11
III 27
IV 31
V 39
VI 46
VII 53
VIII 62
IX 69
X 74
XI 82
XII 90
XIII 96
XIV 109
XV 119
XVI 129
XVII 145
XVIII 155
XIX 172
XX 179
XXI 184

XXII 193
XXIII 209
XXIV 223
Конец ознакомительного фрагмента. 237

Александр Малиновский
Собрание сочинений. Том 2

* * *

Под открытым небом
История одной жизни

Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания – почка, из которой разовьётся их счастье…
А. И. Герцен

Спутали нас учёные люди.
Григорий Мелехов (М. Шолохов. «Тихий Дон»)

Книга четвёртая
Встречный ветер

Ручей среди сухих песков…
Куда спешит и убегает?
Зачем меж скудных берегов
Так стойко путь свой пролагает?
И. Бунин

I

Молодость хороша ощущением пути. К этой мысли Алек-

сандр Ковальский будет неоднократно возвращаться через три с лишком десятка лет. А пока ему двадцать четыре. Он сидит в светлом просторном кабинете главного инженера большого нефтехимического завода. Главный и его заместитель Самарин решают, в какой цех направить молодого специалиста.

«А насколько важно, в какой попаду? – успевает подумать Ковальский. – Много ли зависит только от этого?»

– Мы, кажется, прошлый раз говорили о втором? – произнёс главный.

– Да, но там уже есть два молодых специалиста. В этом году неплохой парень закончил вечернее отделение. И остался на рабочей должности. Ещё вот его, Ковальского, однокашник с месяц назад пришёл. Некий перебор, – ответил Самарин.

– Ничего. Перейти в другой цех никогда не поздно. А здесь он скорее почувствует пульс всего завода. – Главный цепко взглянул на Александра. – Какая тема диплома?

Ковальский назвал и добавил:

– Это ближе к четвёртому цеху… Где газоразделение…

– И во втором есть похожий процесс, – то ли возразил, то ли уточнил главный и посмотрел на заместителя, словно заставляя подтвердить сказанное.

Ковальский понял, что в этом кабинете, похоже, бывает прав только его хозяин и невольно чуть улыбнулся.

Самарин уловил улыбку и понимающе слегка кивнул.

– Оформляйтесь во второй, – сказал главный. И к Самарину: – Дайте команду отделу кадров.

– Хорошо, – отозвался тот.

Когда они вдвоём вышли из кабинета, Самарин обронил:

– В какой-то степени он прав: цех по набору процессов один из самых насыщенных. Многое там узнаешь. Может, как раз для тебя… Иди в кадры. Я позвоню.

* * *

Прошло четыре года, как Ковальский, уехав учиться на дневном отделении института, выселился из заводского общежития, а мало что в нём изменилось. В подвале – тот же теннисный стол. И вахтёры остались прежние, и комендант Нина Георгиевна.

Когда Ковальский сидел в её кабинете, дожидаясь, в какую комнату она его определит, раскрылась дверь и деловитой походкой, слегка подбоченясь, вошёл парень.

– Ковальский, ты ли?

Парень дружески обнял его за плечи и тут же всплеснул несколько раз над головой руками, будто тихо поаплодировал.

– А я, понимаешь, услышал, что будешь оформляться сегодня к нам, думаю: дай-ка перехвачу. Нина Георгиевна, можно я его к себе возьму, а? Мы с ним начинали вместе учиться. Хороший парень!

Только после этой фразы Александру стало понятно, кто перед ним.

– Свино… – пытался он вспомнить, – Николай?

– Так точно: Николай Васильевич Свинарёв. Мы были на одном потоке, только вы – совмещённики, а я на дневном начинал.

Говоря это, Свинарёв важно и осанисто двигался по кабинету. Карие глаза его смотрели на Александра упрямо и немигающе.

– Пойдёшь к нему? – комендант внимательно взглянула на Ковальского и чему-то улыбнулась.

– Ну, раз так, что ж выбирать… свои…

– Вот-вот, свои, – обрадовался Николай. – Давай в восемьдесят седьмую. Я буду в комнате!

Когда они остались одни, Нина Георгиевна почему-то переспросила:

– Пойдёшь?

Александр кивнул головой.

* * *

Сосед удивил Ковальского в первый же день.

– Как ты вылетел из института? – поинтересовался Александр мимоходом, разбирая свои вещи.

– Высшая математика подвела.

– Каким образом?

– Дак, понимаешь, – доверительно пояснял Свинарёв, – в математике я ни бум-бум. Переверни дроби ногами вверх – уже не понимаю, что дальше и как? В этом деле сообразиловка нужна.

– В высшей математике, вроде бы, дроби не самое главное…

– Я вообще говорю. Она вся с неожиданностями. Раз – и непонятно. Короче, из-за неё пострадал.

Вечером состоялся ещё один своеобразный разговор.

– У тебя вся тумбочка вузовскими учебниками за третий курс забита. Учишься в вечернем? Или заочном? – поинтересовался Ковальский.

– Как бы тебе это объяснить… – замялся Свинарёв.

– Готовишься восстановиться? У тебя академический?

– В том-то и дело, что отпуск два года назад, в шестьдесят шестом кончился.

– И что же?

Николай вздохнул и поглядел на собеседника так пристально и значительно, что Александру стало не по себе.

– Книги для авторитету!

– Какого?

– Ну, какого?! Я – общественник. Член комитета комсомола завода, член горкома. Мне лучше быть с дипломом. Рабочий класс – хорошо. Гегемон! Но теперь это уже не то.

– Что-то не понимаю, – Александр остановился около окна. – Ты учишься или нет?

– Нет. Но пусть думают, что учусь, понял? У меня всё спланировано. И тебе помогу по партийной линии сделать своё будущее – самое верное дело! Давай друг дружке доверять и помогать. У тебя и фамилия хорошая для этого. Не то что моя – Свинарёв. Ты знаешь, учёные говорят: имя и фамилия влияют на успехи в жизни. А мне от роду не повезло, и не моя она – отчима. Мать так состряпала. По отцу я – Давыдов!

«Опять врёт», – подумал Ковальский, но промолчал.

– Я тут для авторитета кое-что делаю. Понимаешь, слова собираю для лексикону. Люди уважают того, кто слова мудрёные говорит. И я говорю, когда надо.

– Ну и какие же слова насобирал, – поинтересовался Ковальский.

– Какие? Например: адекватно, эйфория, инфантильность. И это… как уж… – прецендент. – Николай махнул горестно рукой: – кажный раз «нэ» буква втискивается! Мне говорили несколько раз об этом.

«Прохвост, очевидно, а мне жалко его почему-то, – думал, слушая соседа, Александр, – шелухой оброс».

II

Ковальский не торопился с экзаменом на допуск к работе начальником технологической смены. Изучал рабочие места аппаратчиков, машинистов, насосчиков, желая знать всё

то, что потом пригодится. И поочерёдно сдавал экзамены, позволявшие самостоятельно действовать на разных участках цеха в качестве рабочего.

Это, в общем-то, обычная практика, но Ковальский после очередной сдачи некоторое время обязательно трудился на соответствующем месте. То же и у однокашника по институту Николая Гарина – Хризантемы, так его звали в группе. Только тот отставал от Ковальского на пару экзаменов.

Через полгода они получили допуск к работе начальниками смен, но мест свободных не было. Ковальский стал работать старшим, а Хризантема – рядовым аппаратчиком.

Принимал экзамены у них начальник цеха Чухвичёв, который пришёл в цех одновременно с ними. Задёрганный ежедневными заботами, он изучил производство хуже, чем они. Заместитель по технологии второй месяц болел. Забот прибавилось и новый начальник явно не успевал за всем.

Порой экзаменатор проявлял такое явное незнание технологии, что Ковальскому становилось за него неловко.

Приученный в цехе по производству полиэтилена, где работал до перехода на дневное отделение института, составлять развёрнутые материальные балансы, он и здесь, освоив все рабочие места, легко это делал, что приводило Чухвичёва в замешательство.

– Всё! Довольно с меня! Выйдет заместитель, освобожусь немного, засяду за учёбу. Кое-что мне растолкуете, хорошо?

– Хорошо, – согласился Ковальский.

Чухвичёв до этого работал на соседнем заводе начальником вспомогательного цеха. А здесь громадное производство. Многое надо было осваивать заново.

Они и не предполагали, что через пять лет Чухвичёву придётся сдавать цех новому начальнику – Ковальскому. Но это когда ещё будет!

* * *

Нелегко работать в смену. Особенно четыре ночных подряд. Установки цеха, перерабатывая углеводородное сырьё, поступавшее по железной дороге, подземным и наземным трубопроводам, выдавали его в технологические цепочки целого ряда производств завода. Цех определял ритм всего предприятия.

В одну из ночных вахт Ковальский поднялся на верхнюю площадку самой высокой установки. Он и раньше, когда проходил стажировку, бывал здесь. Но теперь на нём лежала ответственность начальника смены. А это совсем иное.

…Внизу светилось яркими огнями бытовочное помещение, за ним – операторная. Через дорогу направо высилась тёмная громадина здания производства полиэтилена, слева – ярко освещённые помещения цехов газоразделения. Завод, состоящий из колонного, компрессорного, реакторного оборудования, из разной величины зданий, соединённых трубопроводными эстакадами, раскинулся окрест на четыреста

гектаров. Огромные языки двух факелов в незначительном удалении от заводской ограды, полыхая, шумели, сливаясь с общим утробным гулом огромного заводского живого организма.

Вся эта громадина, с множеством зданий и сооружений, хитросплетениями эстакад, железнодорожных путей, продуктопроводов и полыхающими факелами завораживала и тревожила одновременно.

Александру показалось, что он, как в детстве, находится на излюбленном месте – Бариновой горе. Такая перспектива внизу и вдали! Широта и необъятность! Только летом там, на Бариновой горе, внизу была светлая, в изумрудной зелени лента реки, а здесь другие краски: тёмные и жёлтые. А вместо сверкающего серебристого купола церкви буйствовал красно-рыжий плотоядный гудящий язык заводского факела. Будто жалил потускневшее небо.

Нет, это совсем другое. Здесь не было места ни деду Ивану, ни его раздумчивым словам. Здесь, на заводе, и люди другие. И говорят они по-другому. И об ином.

Он почувствовал, что похожее уже где-то видел. И вспомнил: ещё более пугающая картина стояла перед глазами, когда читал в тёмной книжице стихотворение поэта Михаила Герасимова. Её название было жутковатым – «Железные цветы». Поразившие его стихи он отметил карандашом и отложил книгу на тумбочку. Несколько раз потом, в комнате, проходя мимо, заглядывал на страничку с будоражащими,

ошарашивающими строчками:

Завод вонзил два рога
В седое брюхо туч.
От раненого бога
Сочится красный луч.
Он с облачной перины,
Пронзённый, без ребра,
Спустил свой лик старинный
В окладах серебра.

«Ведь он безоговорочно признаёт существование Бога и так говорит о нём? И – с маленькой буквы! Что это? Жутко! Разве можно? – Эти мысли обжигали сознание. – Он предупреждает нас, всех живущих: несдобровать всем гостям на Земле, если так будем вести себя по отношению к Богу? Или он сам так относится к Богу? Не понять…»

Александр долго не мог успокоиться, зная, что в его комнате есть эта книжка. С такими стихами… Лежит на тумбочке. А ведь написана так давно. И так давно обращена к людям. А кто услышал?

Теперь здесь, на тридцатиметровой высоте, глядя на ночной завод и ночное небо, Александр с содроганием понимал: да, человек вонзил рога в небо. Он и Землю вспорол тем же рогом или рогами. Человек переходит грань допустимого. Не о том ли говорил лысоватый профессор Засекин, когда предвидел гибель цивилизации во всё разрастающемся техниче-

ском прогрессе?

И тут Ковальский спохватился: «Я смотрю на завод глазами своего деда. Но я – молодой специалист, нефтехимик. Ведь и в нефтехимию-то пошёл только потому, что она, и этот вот завод, создана для того, чтобы было всё целесообразно. Завод призван спасать природу, – нашёл Ковальский довод в пользу пыхтящего и свистящего огромного существа. – Назначение его – утилизация газов, образующихся после нефтедобычи. Претерпев переработку, они превращаются в фенол, ацетон и синтетический спирт, идущий, в конечном счёте, на получение каучука и резины. Логический, замкнутый цикл. Опять забываю, что платим недёшево, но за благо!.. Сколько сейчас факелов в Сибири! Нефтедобычу развернули, а газопереработки рядом нет. И трубопроводов, по которым можно было бы доставить газ на заводы, – нет. По железной дороге всё не увезёшь…».

– Верно ли мыслю? – проговорил вслух Ковальский. И сам же ответил: – Конечно, верно!

…Он успокоился и стал было спускаться, но остановился, вспомнив недавний случай.

Ему хотелось как можно больше узнать о заводе. Прослышав, что намечено включение отремонтированной факельной установки, напросился посмотреть.

– Факельное хозяйство у нас – целая система жизнеобеспечения. На каждом заводе, как правило, не менее двух факельных стволов: один – действующий, другой – в резерве. В

обычном режиме на дежурную запальную свечу в час подаётся около полутонны лёгкого газа. Он обеспечивает постоянное горение. Это необходимо для того, чтобы в аварийной ситуации моментально сбросить газообразные продукты на сжигание, оберегая и оборудование, и людей, – основательно говорил оператор Андрей, с которым Ковальский отправился на факельную установку.

…Все операции по переключению они проделали успешно. Ковальскому даже доверили выстрелом из ракетницы в струю газа на тридцатиметровой высоте зажечь факел.

Когда ехали в автобусе назад, притихший Андрей попросил притормозить. Потом вышел и остановился у каких-то зарослей.

Присмотревшись, Ковальский увидел кладбищенские ограду и кресты. Вернувшись, Андрей сказал, будто извиняясь:

– Дед мой и бабка лежат, а там, подальше – шабры с нашей улицы.

– Как они сюда попали?

– Это деревенское кладбище. Тут наша деревня когда-то была. А теперь – очистные сооружения завода. Отхожее место, одним словом.

Голос его дрогнул.

– А где жильё?

– Когда завод строили, деревушку снесли…

Ковальскому стало не по себе.

– Там, – будничным тоном, уже в автобусе, махнул рукой Андрей, – за оградой, метров через двести – наш сад был. Вишни и сейчас стоят, почерневшие…

Автобус снова затрясло на ухабистой дороге.

«Сколько всего строится в стране, – невольно подумал Александр, – покупаем целые заводы за рубежом. Девиз: решительным рывком преодолеть техническое отставание от Запада. Здорово! Вот и контракт с концерном «Фиат» на постройку автомобильного завода, судя по газетам, вовсю реализуется. Через два года, в семидесятом, должен появиться в Тольятти наконец-то свой массовый отечественный легковой автомобиль. Но при таких масштабах наверняка сколько будет всего понаковеркано? Почему-то по-другому не умеем…»

* * *

…Ковальский постоял ещё немного на лестничной площадке, глядя на хищный огненный язык факела, от которого ветер доносил запах сероводорода, схожий с запахом тухлых яиц, и пошёл вниз. В голове крутилось: «Этот факел, как Змей Горыныч из детской сказки». Он и принимал, и отвергал такое сравнение. До конца осмыслению оно не поддавалось.

…Александр долго отсутствовал, надо было поторопиться. Вспомнив недавнее совещание, на которое был пригла-

шён как председатель совета молодых специалистов, подумал: «В

докладе начальник объединения говорил, что в текущем году на строительство очистных сооружений будет потрачено около девяти миллионов рублей. Но как восполнить уничтожение целой деревни? На месте кладбища – заводские отстойники нечистот! Так ли должно быть? Начали строить «трикотаж-ку», обнаружили братскую могилу красноармейцев, погибших в бою с белочехами, пришлось срочно перезахоронить…».

…Когда вошёл в операторную, там было всего трое рабочих.

– Где остальные?

– Кто где, но большинство чревоугодничают, – ответил старший аппаратчик Митясов. У него была такая манера: обязательно сказать необычно.

Ковальский посмотрел на часы: два часа ночи. Как правило, в это время либо в буфете соседнего цеха, либо здесь, у себя, все поочерёдно подкреплялись. Недавно придумали, как жарить картошку и коптить колбасу. Завернув в бумагу, кладут кульки с провизией в сумку из кирзы, сумку – на пышущий жаром паропровод.

Положенное во вредном цехе молоко как раз в кон! С картошечкой! Но картошечку можно и с сальцом! И с такой вот колбасой – тоже неплохо.

Как-то Ковальский заметил, что перекусившие возвраща-

ются подозрительно порозовевшими и притихшими, стараясь не привлекать к себе внимания. Всё открылось, когда вместе с одним из таких «перекусивших» перекрывал большую задвижку на эстакаде. От напарника пахло спиртным.

Тогда, спустившись на землю, Ковальский крепко отчитал провинившегося и попросил от его имени предупредить остальных, что выпивки не допустит. Пусть прекратят по-доброму. Без выяснения отношений.

…Сейчас догадывался, что где-то явно идёт «перекус». Но где? «Искать не буду, не ищейка же я? Но что-то надо делать», – соображал он.

…Дальняя дверь в операторную со стороны раздевалки открылась и вошёл один из сменных котельщиков – разбитной, но безобидный и безотказный в общем-то малый.

– Станиславич, пойдёте со мной?.. – проговорил он, испытывающе глядя на Ковальского.

– Куда?

Александр уже всё понял: «Кажется, провокация», – пронеслось в голове.

Парень, как мог, ответил:

– В бытовке, мы, это, ну, они, в общем… меня послали вас пригласить…

– Не в женской бытовке-то хотя бы, а? – произнёс Ковальский и отметил про себя: «Завожусь, кажется… Но не тютей же сейчас быть? Слопают».

Они вошли в бытовку. У стола, выдвинутого на простор-

ное место меж шкафов, шесть человек. Так хорошо пахло свежеиспечённой картошкой и горячей колбасой! Идиллия, да и только!

«Вот, черти, и машинисты здесь, и насосчики. Все рабочие места ослаблены, по одному человеку осталось. Рисковые ребята, однако! Случись неполадка, оперативности в переключениях не будет. Недалеко до беды!»

– Товарищ начальник, – от стола выдвинулся кареглазый, с широким плоским лицом Фёдор Абдулатипов. – По маленькой перед картошечкой, уважьте и не судите строго!

Фёдор говорил вкрадчиво, тихо. Смотрел цепкими глазами нагло и выжидательно.

«Только дай коготку увязнуть – по локоть оторвут. Выпей раз, второй уже не откажешься, либо не сможешь запретить. Проверяют, черти», – пронеслось в голове. Спросил:

– Что это? – и указал на бутылку из-под молока в центре стола.

Он угадал ответ.

– Спиртяшка заводской, но не думайте, что так себе. Перетроенный – три раза перегоняли, по Менделееву. И очищенный – есть умельцы.

– Есть, есть, – подтвердили остальные чуть ли не хором.

Ковальский увидел, что форточка напротив открыта. «Только бы попасть – тогда будет эффект, а если в оконный переплёт или в стекло – конфуз».

Фёдор, перехватив его взгляд, враз понял: разливать не

придётся. Потянулся за бутылкой, но Ковальский опередил, ухватив цепко пальцами за самую макушку, вырвал её из окружения душистой закуски.

– Хорошие мои! На природе, после работы с вами с удовольствием, а сейчас…

– Не попадёте! – упредил его Фёдор.

Все разом уставились на форточку.

– Какой натюрморт пропадёт, – дурашливо простонал парень, который звал Ковальского в бытовку.

Стол шириной в метр и от него до стены больше двух. Ковальский, приняв бутылку из левой руки в правую за донышко, пообещал:

– Фёдор, беги, если с той стороны поймаешь – твоя. Возражений нет?

– Нет, начальник, не побегу – бутылка здесь грохнется.

– Посмотрим! – лицо у Ковальского хищно дёрнулось.

– Посмотрим, – как эхом, отозвался Абдулатипов.

Казалось, о выпивке забыли. Бытовка превратилась в маленькую спортивную арену с болельщиками. Хитрец Фёдор, поняв, что Ковальский всё равно пить не будет, увёл всех от общего поражения на одном поле, чтобы взять реванш на другом.

– Давайте! Чё медлите?!

Он ждал обструкции молодого начальника. Ковальский, не размахиваясь, как ядро, от плеча, толкнул бутылку в форточку. В мёртвой тишине прозвучало:

– Это последнее толкание ядра, второго раза не будет. Понятно?

Фёдор нашёлся первым – действительно, шельма! Захлопал в ладони. Его нестройно поддержали остальные.

Ковальский вышел.

Никогда «перекуса» больше в своей смене он не замечал.

* * *

Вскоре в одну из дневных смен диспетчер завода сообщил Ковальскому, что Самарин приглашает его после работы к себе.

…Александр вошёл в приёмную директора. Там была ещё одна дверь, чуть поменьше, нужная Александру. Не успел заговорить, как секретарь приветливо пояснила:

– Валентин Сафронович предупредил о вас. Как освободится – доложу. Садитесь. У него сейчас гость из Москвы.

Ковальский сел, огляделся. После приёма на работу и разговора у директора больше в этом светлом официальном помещении он не был. Но секретарь его запомнила. Это Александр отметил.

«Росточком ей, наверное, директор до плеча не достанет», – только успел расслабиться Ковальский, как дверь открылась и вышли два высоких, статных, улыбающихся человека. Самарин, прижимая ладонью рассыпавшуюся рыжую шевелюру, энергично говорил:

– …отчёт по результатам испытаний пришлю с оказией недели через две…

– Хорошо, тогда мы всё успеем, – отвечал ладный, в светлом костюме собеседник, похожий на артиста Ланового. И белозубо улыбнулся. – Главный у себя? – спросил он секретаря.

– Да.

– Я гляну, – подавая руку Самарину, сказал «Лановой» и через мгновение пружинистой походкой вышел из приёмной.

– Ковальский, заходи, – пригласил Самарин.

Предложив сесть, он выдержал паузу и спросил:

– Как работается? Наверное, не ожидал: есть много и рутинного, и зряшнего.

– Нормально.

– Все рабочие места освоил?

– Все.

– Это хорошо. – Он сел за стол, заваленный бумагами. – Понимаешь, наращиваются мощности. У вас в цехе перед твоим приходом вынужденно построили восьмую печь пиролиза. Тягой она более-менее обеспечена, смонтировали дополнительный дымосос. А вот, если девятую соорудить, хватит ли тяги без дополнительных дымососов и трубы? Печь должна быть производительностью не менее семи тонн по сырью. Недостаёт этилена, а строительство нового, более мощного производства затягивается. Посмотри методи-

ки расчёта у проектировщиков в отделе, в библиотеке…

– Я считал на кафедре в институте такие вещи. Мне знакомо.

– Тогда готов?

– Да! – подтвердил Ковальский. – Когда нужно?

– Как сделаешь – ко мне…

Александр действительно уже делал подобные расчеты. «Но почему это поручено мне? Есть же проектно-конструкторский отдел? Здесь что-то не то».

Он решил всё посмотреть внимательно. Со старшим аппаратчиком обследовал горелки на всех печах, осмотрел «боров» – большой, выложенный огнеупорным кирпичом и накрытый сверху железобетонными плитами канал в земле. По нему удалялись дымовые газы из печей.

И уже через две недели, сидя за знакомым столом, докладывал Самарину:

– По моим прикидкам, – Александр говорил намеренно без пафоса, решив, что так будет правильнее, – семитонную печь ставить можно.

– Где нашли дополнительную тягу?

– Сила тяги зависит от разницы температур после печи и на выходе из трубы, верно? – немножко смутившись, проговорил Ковальский.

– Допустим.

– Или от разницы давлений в тех же точках, коль давление есть производная температуры…

Самарин согласно молчал.

– Мы нашли у металлической трубы, которая когда-то была проложена вместо кирпичного подземного «борова», метров в пятнадцать неизолированный участок. Там – потеря тяги. Этот участок не виден, проходит между зданием и аппаратами. Его надо хорошо заизолировать – и все дела. Диаметр большой – тысяча миллиметров. На пять тонн нагрузки тяга есть.

– А на остальные? Где нашёл?

– Больше можно набрать, – не торопясь, ответил Ковальский, – недожёг топлива в печах – потеря мощностей. Надо заниматься режимом горения. Потом многочисленные неплотности в печах и в самом «борове» тянут лишний воздух в систему… Если серьёзно поработать – и больше найдётся.

– Расчёты оставить можешь?

– Да, я приготовил пояснительную записку. Вот, тут и расчёты, и перечень мер.

…Прощаясь, Самарин встал из-за стола и проводил его до двери. «Как того «Ланового» из Москвы», – отметил про себя Ковальский.

Вернувшись к столу, Самарин потянулся к телефону. Через десяток секунд веско громыхнул в трубку:

– Дмитрий Михайлович, что же твои технологи-расчётчики, не выходя из кабинетов, не видя цеха, считают? Они у тебя привязаны к стульям? Чиновники!

– Не понял? – прозвучало на том конце провода.

– Заходи прямо сейчас, поймёшь…

…Через два дня, в дневную смену, начальник цеха Чухвичёв попридержал проходившего мимо Ковальского.

– Александр, как же это ты? Расчёты делаешь, резервы вскрываешь? И через голову руководства цеха действуешь, а? Не очень-то…

– Я не думал об этом. Поручили – сделал, – искренне ответил Ковальский.

– Ну-ну, – непонятно отреагировал Чухвичёв. – Не думал он… – И добавил уже более внятное: – Непохоже, что не думал…

III

Позвонила Влада Чарушина. Это – неожиданность для Ковальского.

– Вахтёр знала, что ты после ночной смены спишь, – пояснил посыльный, – но твоя знакомая упрямо требовала разбудить. Настойчивая. Говорит, вместе учились.

Спускаясь на первый этаж, Ковальский чувствовал, что будто идёт на встречу с уже, казалось бы, невозвратным прошлым. Взяв трубку, услышал бодрый и сочный голос:

– Ну, бирючина! Ты таким, вроде, не был. Спит, говорят! Прячешься, поди, от тутошних женщин. Уже запутался?

…Договорились встретиться. Она, оказывается, хорошо

знала город. У неё здесь жила тётка, к ней изредка и наезжала.

«Что сделать, чтобы избежать разговора, подобного тому, который был в последний раз в общежитии, не дать повода к возобновлению прежних отношений?» – уныло думал Ковальский. Ему интересно было увидеть Владу, в этом он признался себе. Соскучился по однокашникам, по студенческому времени. А Влада оттуда, частица той жизни. Уже полтора года прошло, и ни разу никто не появился. Она – первая.

…– Ты знаешь, хочется выпить немножко за встречу, – произнесла Влада.

Ресторанный столик у окна, и Чарушина изредка поглядывала на улицу, словно кого-то ожидала.

– Давай, но только мне нельзя.

– Что так?

– Сегодня ночная смена.

– Скучно как…

Она так естественно огорчилась, что Ковальский вздрогнул: «Неужели думала, что приглашу к себе в общежитие?».

Александр непроизвольно для себя отметил, что перед ним красивая, очень эффектная женщина, которая осознаёт это и верит в себя. И пусть хоть десятки Ковальских будут равнодушны к ней – их дело. Она себе цену знает.

– Тогда и я не стану, – Влада потянулась за меню. – Тем более, я и не очень хотела, так…

Вырез светлой кофточки на её шее вытянулся, с левой сто-

роны обнаружились узорчатая бретелька и край белоснежной сорочки. Будто несколько раз искусно отрепетировано. Так всё элегантно. И клинышек сорочки, и румянец на светлом лице, и влажные глубокие глаза могли в один миг привлечь мужской взгляд и заставить волноваться.

Ковальский отметил это спокойно.

Когда, приняв заказ, официант ушёл, Влада, как бы для порядка, спросила:

– Рассказывай, как тут развернулся…

– Работаю. Живу…

– Чувствую: скучно живёшь. А на личном фронте?

Он решил всё обозначить одним махом и сказал то, о чём промолчал тогда, в последнюю их встречу.

– У меня сын есть.

– Сын?! То-то я вижу, серый такой. Влип?! – На лице её обозначилось искреннее удивление: – Это когда же успел? Значит угадала, когда по телефону говорила, что прячешься. Развернулся в этом городишке пошире, чем в областном! – Она непринуждённо засмеялась. – Наконец-то тебя посадили на якорь. Нашлась одна. Я ей завидую – не промахнулась! Такой муженёк будет! Уж ребёнка-то не бросишь – женишься, как миленький. По-другому не сможешь. Ты в общем-то – потенциально положительный семьянин. Я поняла тебя. А донжуанство твоё возрастное, это пройдёт. Такие потом, перебесившись, бывают очень смирненькими. Надоела своим разговором, сидишь, позёвываешь?

– Просто я после ночной. И снова сегодня…

– Ты работаешь по сменам?

– Да, начальником смены в цехе.

– И надолго?

«Наверняка у неё кто-то есть, чувствуется. Уверена. Спокойна. Даже не стала уточнять про сына. Хорошо! Мне проще», – подумал он, не успев ответить на вопрос.

– Долго так собираешься работать? – переспросила она.

– Я не тороплюсь вверх. Хочется всё самому потрогать руками. Знаешь, нам по основному процессу, пиролизу, всего две лекции читали. А тут целая технология производства олефинов! От одного моего цеха зависит весь завод! Я забегаю в заводскую библиотеку: десятка два уже первоисточников посмотрел. Нам мало давали в институте. Общие принципы и навыки работы самостоятельно.

– Это и важно. Таким, как ты, упёртым, что ещё? Сам докопаешься. Ты – трудяга!

…Они беседовали не спеша. Многое вспомнили. Чаще – с улыбкой. Оказывается, она трудится в областном комитете по охране природных ресурсов. Но ей не нравится.

– Скоро уеду. Куда, пока не могу сказать… А наш Инок – в Казани со своим шефом. И уже в этом году будет защищать диссертацию. Каково? Вот нарезает обороты!

– Мы из неторопливых.

Она всё-таки выпила рюмку водки. И он оценил это как знак: «Прощается со мной».

На автобусной остановке Влада сверкнула глазами:

– Нарочно придумал, что тебе надо в ночь, чтобы от меня отделаться?

Александр опешил. Не мог понять, шутит или ей это действительно важно?

– Ладно, ладно – отпускаю. Всё! Теперь уже навсегда!

Когда подошёл автобус, Влада у всех на виду поцеловала его в губы, притянув энергично за ворот куртки. И вскочила на подножку. Красивая и чужая.

– Ну, вот и всё, – неопределённо произнёс Ковальский.

Весь остаток вечера он хандрил, но, когда приехал на завод и принял смену, открылось второе дыхание. Вернувшись утром и проспав полдня, удивился: встреча с Владой была будто и не с ним. А если и была, то как во сне. Или как увиденный в кино кусок чужой жизни… в их невольном исполнении… Кто-то, против его воли, сотворил эту встречу. Поди угадай, для чего…

IV

Через два дня после свидания с Владой, едва войдя в общежитие, Ковальский услышал незнакомый завораживающий голос. Этот голос доносился из красного уголка, дверь которого открыта. Ковальский быстро приблизился и заглянул: зал полон. Мужчина лет сорока, рослый и смуглый, читал стихи.

Поражал его необычно высокий лоб и уверенная, покоряющая интонация. Когда он закончил, все громко зааплодировали. Послышались возгласы: «Ещё!».

– Хорошо, – сказал человек с высоким лбом, – прочту.

И снова зазвучал выразительный голос:

Многообразно зло природы!
Среди коричневых ночей,
Как тонкостенные триоды,
Мерцают головы врачей.

Он тоже вздрагивает,
Скальпель,
Он тоже, собственно, не бог!..
Перчатки содраны, как скальпы,
С усталых рук,
И левый бок

Щемит и жжёт —
Там бродит сердце,
Как непутёвая вдова.
Врачи, мои единоверцы,
Роняют горькие слова

О том, что снова опоздали.
В глаза не хочется смотреть…
И я смотрю в такие дали,
Что вижу собственную смерть…

– Кто это? – негромко спросил Александр подошедшего вахтёра.

– Владимир Шостко, наш. А этих, которые за столом сидят, писателей не знаю. Кажется, Павлов и Вятский. Так в объявлении значится.

Ковальский потихоньку прошёл в конец зала и сел.

…А где-то трещали фрегаты, фелюги
И вылезала наверх матросня
Крепить паруса,
Задраивать люки
И отпевать хрипловато меня.

Теперь-то он признал Шостко. Два его сборника у Ковальского были. Стихи поражали непохожестью на те, что обычно попадались на глаза. Но в своём общежитии увидеть поэта не ожидал, хотя и знал, что живут в одном городе и работает он врачом на «скорой помощи». Ему и в голову раньше не приходило попытаться встретиться.

Когда вечер закончился, Ковальский решил, что надо обязательно подойти к Шостко. Нельзя, чтобы так просто он ушёл. Живой поэт!

И подошёл.

– Владимир Владимирович, я – Ковальский Александр, инженер. Живу в этом общежитии, если не возражаете, можем подняться ко мне.

– Зачем? – бодро откликнулся поэт.

Ковальский сам удивился своему ответу:

– Поговорим. Есть водка и сало! Извините!..

Шостко непринуждённо расхохотался.

– И потом, я пробую писать стихи. Их накопилась целая тетрадка, – словно продолжая извиняться за грубую приземлённость сказанного, выдохнул Александр.

– Да? – Поэт посмотрел внимательно сверху вниз. – Тогда пойдём!

…«Не начинать же сразу со стихов», – думал Ковальский уже в комнате, доставая сало и водку.

Они выпили за знакомство и Александр подметил: «Пьёт, как нормальный мужик, и крякнул хорошо, по-русски».

– Владимир Владимирович, вы сейчас очень хорошие стихи читали, мне понравились. Но вот в сборнике вашем есть стихотворение, по-моему, называется «Монолог железа»…

– Есть такое! И вы помните?

– Я, может, что-то не понял, но вы говорите, что железо спасёт людей, мир?.. Это сомнительно. Есенин уже сказал, что, скорее, будет наоборот. И сам погиб от железного мира…

Шостко вскинул брови:

– Вы так прочли?

– Ну, да, а как иначе?

– Но там не мой монолог, а монолог железа…

И дело моё прекрасно —
Сделать их неприступней,
Чтоб не дразнила убийцу
Незащищённость спин, —

продекламировал поэт.

– А всё-таки?

– Доживём до… там у меня обозначен 3007 год – увидим.

Выпили ещё по одной и ещё…

– Сало хорошее. Откуда?

– Из деревни. Отец солил.

– Вы – деревенский?

– Да.

– Странно, по внешнему виду не скажешь…

– У вас тоже вид не соответствующий, – проговорил Ковальский. – Похожи на технического специалиста, заводского интеллигента.

Александр, спохватившись, ожидал, что гость воспримет его слова как дерзость и приготовился к этому. Но получилось наоборот.

– Молодчина, угадал мой комплекс. Я сам недоумеваю, куда меня занесло?..

«Он, кажется, несколько захмелел…» – про себя отметил Ковальский.

– Брат окончил авиационный и делает самолёты. У него, как у людей, нормальная жизнь… А я – поэт! – Он замолчал. Потом разлил по последней. Но пить не стал. – Сейчас про-

чту. Подожди водку трескать. Вот:

Поэтами становятся не вдруг,
Вначале это как-то даже весело:
Две тыщи строк!
На ветер!
Для подруг!
И лишь одна – та самая. Поэзия!

А вот ещё одна! Ещё! Ещё!
Так вот они какие, муки творчества!
Лишь у подруги впадинами щёк
Стоят скупые слёзы одиночества.

Выпили по последней и гость загорелся:

– Пойдём ко мне, у тебя больше нет – а у меня есть. Мне нравится с тобой разговаривать. Ты не поддакиваешь…

Ковальский попробовал отговориться, но Шостко настаивал. Вышли на улицу. Моросил мелкий дождь. Путь недальний. Поэт жил на площади около угрюмого кинотеатра имени XX партсъезда. Там цвели на газоне удивительные беленькие цветочки, медовый запах которых очень нравился Ковальскому.

Они шли по мокрому блестевшему асфальту:

– Прочти своё, – почти приказал поэт.

Ковальский порылся в памяти и, не сразу решившись, прочитал:

Я тополёк за пазухой принёс.
Я отогрел его в своей рубахе.
И вот теперь меня он перерос
И превзошёл и в силе, и в размахе.

И я в густой тени его сижу,
Перебирая жёлтый лист опавший.
Стоп: я на него сейчас гляжу,
Как на меня смотрел отец уставший.

– Что за «стоп»? Александр! Вы же не на дрезине едете и не в машинном зале у компрессора стоите на вахте!

Было уже заполночь и на пустынной улице голос гремел раскатисто:

– Нет в поэзии такого слова «стоп»!

Ковальский посрамлённо молчал, досадуя, что прочитал именно это стихотворение.

– Если мои не нравятся, слушай те, которые лучше моих, – объявил Шостко и звучно начал:

Я уйду в заливные луга,
Там братан рыжих тёлок пасёт,
И над тёплой землёю дуга
Семь цветов моей жизни несёт!

– Иван Никульшин! Как и ты – деревенский! Каково, а?

– Хорошо, – убито отозвался Ковальский.

– У Ивана первая книжка выходит. И я – её редактор!

Когда ввалились в квартиру и включили свет, из приоткрытой спальни донеслось:

– Володя, ну сколько можно, ей-богу, второй час ночи!..

Они в одних носках быстренько проскочили на кухню и Шостко пояснил:

– Мы на днях у Иванова-Паймена хорошо одно событие отметили. Вот она и это самое…

Скворчала на сковородке колбаса. Хозяин достал рюмки. Ковальский думал, как же завтра пойдёт на работу, спать оставалось совсем ничего. «Пока вернусь…»

– Владимир Владимирович, а как вы относитесь к Михаилу Герасимову, воспевавшему железные цветы? – спросил, сидя за столом, Александр.

– Как я отношусь? Его ценили Валерий Брюсов и Владислав Ходасевич. Он был одним из основателей литературной группы «Кузница». Председательствовал во всероссийском Союзе писателей. Это много значит. В поэзии он – мастер!

– Но разве «мастер» – это не сомнительная характеристика для поэта, – не возразил, а скорее, подумал вслух Ковальский.

– Может быть. Но цветы, выращенные Герасимовым, цвели вызывающе и ярко!.. Там, где сталкиваются природа и индустрия, находится искусство. И я это понял!

Последняя фраза резанула. «И он говорит о пользе такого столкновения для искусства? Надо Герасимова перечи-

тать… Но я ведь больше и не о Герасимове спрашиваю, мне важно знать: такое «железо» – смерть для человека будущего или спасение? Шостко не готов продолжить этот разговор или он ему кажется не главным?.. Если Герасимов находился именно там, где искусство: на столкновении природы и индустрии, – то почему его стихи почти никто не помнит? А есенинские, в которых боль и печаль по утрачиваемой гармонии с природой, стали народными песнями?..» – вопросы не давали успокоиться, но Ковальский не сказал об этом новому знакомому. Есть ответы, которые надо искать самому, – это он давно уяснил.

…Расставаясь, договорились, что Александр принесёт свою тетрадку со стихами на станцию «Скорой помощи», когда будет дежурить Владимир Владимирович.

– А как вам туда звонить?

– Ну, как? Обычно – «ноль три».

V

Сосед продолжал «выдавать». Оказывается, за пристальный, долгий и многозначительный взгляд на собеседника Свинарёв носил прозвище «глубокий глаз». Постоянно державший в некоем напряжении, помимо его воли, синдром не столько собственной ценности, сколько личной значимости присутствовал у Николая во всём.

– Мне бы институт какой, пусть завалящий, кончить. Ли-

бо, хотя бы, техникум. Диплом нужен! Я бы тогда пробился наверх. Так-то у меня язык в порядке. Подвешен неплохо.

Николай гладил брюки на столе около окна, шумно брызгая изо рта на пожелтевшую марлевую тряпку, которая покрывала и без того гладкую, вычищенную штанину. Аккуратист!

– Всё должно быть без пылинки и без соринки, – заявил он наставительно Ковальскому ещё при его новосельи.

И теперь он продолжал в том же духе:

– Каждый человек должен быть с будущим, а делать его надо каждый день.

Александр не возражал, хотя его интересовали куда более конкретные вещи. Шифоньер, например, стоял на трёх ножках, четвёртая была подвёрнута и оттого большой ящик наверху, называемый солидно антресолью, вполне мог рухнуть с высоты на любою умную и не очень голову. И не в каком-то отдалённом будущем, а прямо-таки сейчас. И не было ни одной свободной вешалки для одежды.

– Помоги мне.

– С брюками? – не понял Александр.

– С учёбой!

– А что я должен делать?

– Ну, контрольные эти разные, задачи… если поступлю в техникум…

– Тебе же некогда учёбой заниматься – одна общественная работа… И женщины. Как я понял, они у тебя не на по-

следнем месте… Это дело вообще на регулярную основу поставлено, при мне уже нескольких приводил…

– Ну, не лигулярно, а так… – обнажив мелкие ровные зубы, довольно рассмеялся Николай.

– О чём ты с ними говоришь? – сказал Ковальский и подумал, что Николай страшно обидится. Но тот и вида не подал.

– Не о математике, конечно, – утробно засмеялся Свинарёв. – В постели они о многом разговаривают. Ты только слушай да на ус наматывай. Ключик надо иметь к ним. Ага. Это – искусство. Им ведь много-то не надо. Изучил я эту породу… Умение слушать они уважают…

«Профессор», – подумал Ковальский.

– Силёнки-то где берёшь, одни мослы…

– Не скажи. Ты, вот, не думая, берёшь в столовой еду. А я обязательно возьму, если есть, капусту, яйца, куриное мясо, свинину – они стимулируют это дело.

– Откуда такие познания?

– Друг – врач, советует, я думаю, прав он… Послушай, позавчера приходила… ну, Марина, помнишь? Ты в ночную уходил…

– Помню.

– Хочешь уступлю? Она тебя приметила… Спрашивала, кто да что…

– Иди к черту!

– Надоела она мне, понимаешь? Хочу по тихому отойти в сторонку, а никак! Разные способы уже применял. В этот,

последний раз, лежим с ней, я и говорю: «Марина, как же так? Вот ты – секретарь большой парторганизации. Мы оба строим коммунизм, а ты в это время от муженька свово ко мне? Не вяжется как-то! Политически не того…». Это я её потихоньку так проверяю, подходы делаю. – Он засмеялся, ткнул пальцем в утюг – обжёгся и, слюнявя его меж тонких бледных губ, продолжал: – А она спокойно отвечает и гладит меня в одном, догадываешься где, месте: «Одно другому не мешает». Понимаешь? «Мне, – говорит, – с тобой в постели хорошо, как ни с кем!» Она – пробивная баба, вот в чём дело! Точно будет в горкоме. А мне это надо! Вот и стараюсь изо всех сил. Она из меня всё выжимает. Выносливая, как конь! Лопочет, что запах у меня из-под мышек её возбуждает, и ничего с собой сделать не может. – Он посмотрел «глубоко» карими глазами на Александра и добавил: – Таких у меня ещё не было…

Вошёл рослый парень Суслов, работавший уже полгода диспетчером завода. Он слышал последние слова. Протягивая руку Ковальскому, прокомментировал:

– Всю водку не выпьешь, всех баб не… обслужишь. Отчего не женишься на этой светленькой из технического отдела? – Он осторожно опустил своё огромное тело на кровать.

– Понимаешь, тут закавыка одна есть, – лицо Свинарёва сделалось сверхсерьёзным.

– Какая?

– В фамилиях. Я хочу свою сменить. Не просто так, а при

женитьбе. Эдак солиднее.

– Ну, меняй! В чём дело?

– Так у неё фамилия – Заплаткина. Не могу. Я – общественный человек. Помню об этом всегда.

– Послушай, – воскликнул Суслов с пафосом. – Это же поправимо – сделай двойную фамилию.

– Какую?

– Ну, – невозмутимо пояснил тот, – её и свою объедини. Будет, как у солидных людей в прошлом веке: Николай Свинарёв – тире – Заплаткин. Весомо!

Николай, похоже, не знал, что ответить, моргал странно: левый глаз его застыл, а правый продолжал дёргаться. Сказал:

– Тебе хорошо! У тебя и рост, и фамилия – будь здоров!

Суслов, прижавшись лицом к стене, начал ржать. Тонкая светлая кожа на его лице порозовела и, казалось, вот-вот лопнет. Когда смех прошёл, потирая лицо руками, предложил:

– Ну, раз две фамилии не хочешь брать – возьми две трети её фамилии и – баста!

– Не понял сходу. Повтори! – заинтересованно откликнулся Николай.

– Повтори, – попросил и Александр. – А то с дробями у него не того, а ты – две трети…

Лицо Суслова сделалось из розового красным, он пояснил, еле сдерживаясь:

– Ну, полная, если возьмём: Заплаткин. А если треть первую отбросить, то будет – Латкин! Это уже звучит, правда?

– А так можно? – в раздумье спросил Николай. Лицо его было более чем серьёзно.

– Консультироваться надо, дело юридическое, – обронил Суслов и, сделав глубокий вдох-выдох, кажется, освободился от напряга рвавшегося из него смеха.

Разговор показался Ковальскому дикостью и он вышел на кухню.

Пока его не было, диалог в комнате приобрёл новую окраску.

– А фамилия по линии отцовской у меня могла быть Давыдов. Отец-то умерший – Давыдов, – проговорил внушительно Николай. – Рассказывают, что поэт-рубака Денис Давыдов после войны с Наполеоном поселился под Сызранью в своём именьице и частенько наезжал в наше село. Там и появились мои корни. У него было пять сыновей. Понимаешь, любовь – не любовь, а жила у него, говорят, зазноба там…

– Чё городишь-то, кто говорит? Годков-то сколько прошло?! Разумеешь? – пытался серьёзно возразить Суслов, но, не сдержавшись, захохотал: – Ври, но меру знай!

– А я знаю, – не обидевшись, ответил Свинарёв. – Приезжай в наше село – увидишь: цельный конец села с фамилией Давыдовых.

– И что, все – потомки поэта?

– Ну, как сказать. Лихой был человек!

Он хотел обидеться на Суслова и сказать что-нибудь такое, чтобы прозвучало веско, но не нашёл нужные слова. Николай твёрдо знал от односельчан, что Давыдов наведывался в его село. «А раз бывал, то в чём вопрос? Значит могло и быть что-то! А если нет, то всё равно фамилия известная! Зря Суслов смеётся. Ему не понять».

– Послушай, а Баратынский не заезжал в ваше село? – очень серьёзно поинтересовался Суслов.

Николай слышал такую фамилию, но не мог припомнить, где. Ответил не спеша:

– Многие приезжали… Жизнь была. – Он по-учительски покачал головой: – Историю своей страны надо знать, а как же! – При этом лицо его являло саму железобетонную уверенность в правоте сказанного.

И всё же, чувствуя скрытую насмешку в словах Суслова, решился добавить:

– Антиресоваться историей и международным положением страны опять же всегда пользительно. Вот, скажи мне: война с Китаем будет аль нет?

– Что ты сразу так? – опешил Суслов.

Свинарёв поднял обожжённый палец кверху:

– Не сразу! Это государственный вопрос! На Даманском инциндент. Это непростое событие. Китайцы подружатся с Америкой. И что дальше?

– Не будет этого, – высказался твёрдо Владимир. – Иначе

– мировой пожар. Скорее, у нас с США отношения потеплеют, если мы не дураки. К этому надо стремиться. Пойдёт сближение, китайцы поостынут.

Свинарёву ответ понравился. Вопросов он больше не задавал.

…Когда Николай ушёл, Суслов спросил вернувшегося Ковальского:

– Послушай, как ты с ним можешь жить в одной комнате? Он же мистификатор какой-то! Центропупист!

– Да мы в разных сменах. Почти не общаемся. Привык.

– Весело тут у тебя. Кино, а не жизнь!

– Весело, – без энтузиазма согласился Александр.

– Я кое-что предприму, чтобы ты мог переселиться ко мне. Согласен?

Ковальский неуверенно кивнул головой.

VI

Наконец-то Александр решился позвонить Шостко.

– На вызове, скоро приедет, – ответил женский голос.

Ковальский, взяв свою заветную тетрадь с наиболее удачными, как казалось ему, стихами, пошёл на станцию «Скорой помощи».

…Женщина у телефона указала на дверь в соседнюю комнату:

– Владимир Владимирович там. У него на вызове умерла

молодая больная.

Ковальский замер: «Идти или нет?».

– Идите, пока нет следующего вызова, – прозвучало за спиной.

Накануне Александр перечитывал стихи Шостко. Теперь выплыли отчётливо четыре строки:

Я делаю всё то, что надо делать…
Но сколько раз в клинической тиши
Я видел, как сгорало чьё-то тело
На ледяном безмолвии души!

«Ну, какие рыжие тёлки и братаны? – Вспомнил Александр стихотворение Никулышина. – Разве можно сравнивать…»

Ковальский открыл дверь. Поэт и врач сидел одиноко за небольшим столом. В одной руке – кусок колбасы, в другой – хлеб. Он механически жевал. Серое землистое лицо с огромным, вполовину лица, матовым лбом угрюмо.

– А-а, стихи принёс, – сказал вяло, не здороваясь.

Ковальский смешался. Уйти поздно. А вести разговор, которого так ждал, казалось, было не к месту.

– Может, я пойду… – вырвалось у Александра.

– Иди, – глухо ответил Шостко. – Тетрадь и листочки оставь, посмотрю. Потом позвонишь…

Ковальский вышел и остановился у зелёной ограды.

Кругом сновали машины, шли люди. Перед зданием за

оградой стояли парни. Там, оказывается, был роддом. Окна его светились радостно и жизнеутверждающе. Долговязый детина весело демонстрировал зелёную красивую коляску.

– Она двойная, смотри! Раскладывается!

Худенькая женщина в окошке счастливо улыбалась.

Ковальский шёл в общежитие между жёлтых коробок домов и сквозь шуршание шин автомобилей звучали в его ушах строчки незнакомого поэта:

Я уйду в заливные луга,
Там братан рыжих тёлок пасёт…

Жизнь продолжалась… О своих стихах Александр сейчас не думал. Хотелось простора и весеннего майского неба. Какое бывает над заливными лугами…

* * *

За приговором Ковальский пришёл недели через полторы. Они условились встретиться в парке со старинными дубами за кинотеатром имени XX Партсъезда.

– Я отдал в редакцию «Волжского комсомольца» несколько стихотворений. Там обещали напечатать, – сказал Шостко, протягивая тетрадь Ковальскому.

В его словах ни восторга, ни удивления. Только исполнение обещанного.

– Отдельные строки просто хороши, вне всякого. Но порой гуляют интонации Пушкина, Есенина…

Ковальский вздрогнул. Ему показалось, что сейчас его собеседник скажет нечто такое, что взбодрит его: такие имена названы!

– Вы показывали ещё кому-нибудь свои стихи?

– Нет, только вам.

– Покажите. Я могу ошибаться. Поэзия – такая штука… Но мой совет: читайте классиков. Хотя бы для того, чтобы не повторяться. В областном центре есть литературное объединение «Молодая Волга», сорок минут на автобусе. Попробуйте поездить, хуже не будет. Помните всегда об образе. Душа отзывается на образ. Чем художественней, то есть образней, текст, тем больше он работает. КПД воздействия текста бывает больше единицы. Ибо читатель воспринимает образы душой. И образы по-своему многократно усиливаются. У каждого по-разному. Это азы, понимаешь?

«Недавно ругал меня за техницизмы, за «стоп», а сейчас это его «КПД» – как понять? – думал Александр. – Хотя тут устная речь поэта, а не стихи…»

– Образ во главе всего! Техническое образование, вернее, мышление – хорошо. Но для поэзии нужно нечто иное… – продолжал поэт.

Они шли по аллее парка, мимо высоких кряжистых дубов. Было пустынно и холодно.

Я видел, как сгорало чьё-то тело
На медленном безмолвии души! —

крутились в голове Ковальского строчки поэта.

«Смогу ли подняться на такую высоту? – волной захлестывала мысль, – поэзия должна мучиться над вопросами, на которые нет ответа, – так он сказал. Но, ведь, это намеренный бег по кругу?»

– Вы верите в существование души? – спросил Ковальский, когда они остановились около мощного дуба и Шостко, запрокинув лицо в холодное пасмурное небо, смотрел на шелестевшие жёлтые, пожухлые листы на кривой макушке дерева.

– Чудной вопрос, существование души очевидно…

– Но ведь столько людей не верит?..

– Это их дело! Труднее всего доказывать, что белое есть белое. Доводов нет, понимаешь?

– Пока не очень, – признался Александр.

– Ещё полсотни лет пройдёт и учёные ткнутся в необходимость признать существование души, а пока они, учёные эти, вовсе и не учёные… Странно, что это говорит врач? Я, отпетый циник, говорю, а они – молчат… – Он погрозил кому-то меж деревьев пальцем: – Погодите! Поплатитесь! Вернее, поплатимся…

Это был тот поэт, с которым они шли совсем недавно ночной улицей. И – не тот. Часть – наружи, а самая мощь – чу-

довищно огромная, невидимая – только угадывалась.

«Какое сомнительное дело – литература. Как всё зыбко и неопределённо в ней, – думал Ковальский. – Надо всего себя принести в жертву – тогда ещё можно на что-то надеяться, а делить себя на половинки – пустое дело…»

Они расстались без намёка на следующую встречу.

* * *

– На столе листок с женскими именами. Святцы какие, что ли? – спросил Ковальский, перекладывая стопки книг.

Свинарёв внушительно пояснил:

– Это список тех, с кем спал. Больше двух десятков за четыре года.

У Ковальского дёрнулось лицо. Николай заметил и добавил:

– Сам понимаешь, город молодёжный, бурлит всё… Но я осторожным стал. Окромя одной – ни с кем. Ну, иногда с Мариной… Она в горкоме уже. Я теперь член городского комитета народного контроля. Ага! А как ты хотел? Все торгаши у нас в кулаке. С которой встречаюсь, не с Мариной, – продолжал он доверительно, – всё нормально. Понимаешь: сплю с ней, фамилия у неё, что надо, а замуж идти не хочет. Нерешительная какая-то. – Свинарёв помолчал немного и, прицелившись своим знаменитым взглядом, спросил: – А ты – монах, что ли? Такой красавец! Хоть с одной встречался

по-серьёзному? Аль нет?

Ковальский слушал, смотрел на него и видел только глубоко посаженные, мерцающие тёмной глубиной карие глаза и мелкие острые плотоядные зубы. Становилось не по себе.

«Тошно, надо всё-таки куда-то переселяться».

…Переселился он вскоре.

Вернувшись из поездки к сыну, Ковальский обнаружил пропажу осеннего пальто, выходного костюма, рубашек и даже перчаток… Не было и красивого малинового толстой вязки джемпера, который он ещё ни разу не успел надеть.

Ребята на этаже говорили, что дверь комнаты была открыта, Свинарёв валялся на кровати пьяный.

Это не походило на Николая. Но косвенное доказательство возможного запоя было: Свинарёв постоянно держал в шифоньере графин со спиртом заводского производства, прозывавшегося «шадымом». Настаивали этот самый «шадым» на дефицитных лимонных корках. Теперь графин пуст и лишь сухие потемневшие корочки, как некие кораллы, покоились на дне скучного сосуда.

Его хозяин всё отрицал, а Ковальский, заявивший, было, о пропаже в милицию, вскоре махнул рукой на всё, убедившись при общении со следователем в явной бесперспективности поиска.

Через неделю после этих событий он переселился в другое крыло этажа, к Суслову.

VII

В один из майских дней, сразу после многоголосых праздников, Ковальского пригласили к главному инженеру.

– Заходите! – сказала секретарь. – Вас уже ждут.

– Ничего себе «ждут»! – искренне удивился Ковальский. – Я не опоздал. Прийти раньше не значит прийти вовремя.

Секретарь мягко улыбнулась.

В кабинете, кроме хозяина и Самарина, незнакомый кряжистый человек лет сорока пяти.

Когда Ковальский после приглашения сел, главный инженер начал с места в карьер:

– В шестом цехе, вот, познакомьтесь – его начальник Ганин Василий Анатольевич, – кивнул он на кряжистого, – увольняется заместитель. Цех тяжёлый, не скрываем. Причём опасный. Без зама долго не может.

Главный испытующе посмотрел на Ковальского. Тот сидел, не шелохнувшись.

– Не удивляет, что предлагаем тебе такую серьёзную должность?

– Нет. Только почему именно в этот цех?

Начальник цеха то ли крякнул, то ли поперхнулся при таком ответе.

«С чего бы это он? – недоумевал мысленно Александр. – Так тяжело ему там работается?»

– Не будем торопиться, – произнёс Самарин. – Сходи, посмотри, через день-два скажешь, что надумал.

– Хорошо. Конечно, схожу. Через два дня буду готов для ответа.

– Но у нас условие, – произнёс главный инженер. Он посмотрел на начальника цеха. – Оставляем условие?

– Конечно, конечно, – торопливо ответил тот.

– Сначала поработаешь начальником смены после сдачи экзаменов. Надо знать всё досконально, а потом уж – и в заместители…

– Сколько продлится работа начальником смены? – Александр задал вопрос, думая про себя: «А кто же в это время будет исполнять обязанности заместителя? Там, наверное, есть претенденты».

Главный легко угадал его мысли.

– У нас есть начальник отделения – практик без высшего образования. Он поработает заместителем столько, сколько надо.

– Понятно, – ответил Ковальский, а про себя добавил: «Опыты ставят надо мной, осторожничают…».

* * *

…Новый цех поразил.

Если тот, в котором он работал, возглавлял технологическую цепочку и давал сырьё всем производствам предприя-

тия, то этот, замыкая её, вырабатывал конечную продукцию.

Жёсткие параметры процесса: температура – до пятисот градусов, давление – около ста атмосфер – говорили сами за себя.

Александр походил по рабочим местам. Почитал инструкции, приехав для этого в «бешеный выходной» – последний день после ночных смен.

В цехе во всём просматривались дисциплина и слаженность. «Немудрено, – заключил Ковальский про себя, – этого требуют его особенности». Он насчитал несколько ситуаций в инструкции, которые, если не принять в несколько минут оперативных мер, могли привести к взрыву.

…Когда Александр вошёл в кабинет, пухлое розовощёкое лицо увольняющегося зама было неприветливо. Ковальский представился и сказал, что хотел бы поговорить.

– Слышал твою фамилию, – отозвался тот как бы нехотя. Потом, не отрывая взгляда от стола, произнёс: – И зачем ты сюда идёшь? – Голос у него тонкий и дребезжащий.

– Работать!

– Здесь нельзя нормально работать, понимаешь?

– Пока нет.

– Сейчас поймёшь! Иди смотри!

Он взялся за ручку и выдвинул левой рукой ящик стола.

– Иди, иди! Смотри!

Идти и смотреть было неудобно. Надо обойти восседавшего за столом хозяина кабинета, но его стул прижат к стене.

– А-а! – спохватился тот. Встал, задвинув стул в нишу стола, и отошёл в сторону. – Смотри!

Ковальский недоумевал: к чему эти манёвры?

В ящике оказались конфеты в ярких обёртках.

– Видел?

– Но… не понял, – ответил Ковальский. Ему начинала надоедать эта морока.

Розовощёкий пояснил, словно школьнику.

– Это «взлётные»! Дошло? Здесь каждую минуту находишься, будто на взлётной полосе. Момент – и ты взлетел. Такая технология.

– И ничего нельзя сделать?

– В Союзе семь таких цехов. Я посчитал: каждый второй год где-нибудь да грохнет. У нас последний раз было в шестьдесят четвёртом году. Такой же цех, только на первой очереди производства – под ноль. И пять смертей. Так что сосём «взлётные»… Ты обратил внимание, что цех на окраине завода? Неспроста: в случае взрыва меньше потерь.

Ковальский намеренно не отреагировал на услышанное. Спросил:

– И куда уходите?

– В Комсомольск-на-Амуре, заместителем главного по технике безопасности.

– Далековато!

«Так вот она какая, моя взлётная полоса, о которой говорил с двоюродным братом Пудовкиным».

– Беги, пока не поздно! – посоветовал розовощёкий.

«Чего он такой раскрасневшийся, словно только что по морозной лыжне бежал? – удивился Ковальский. – Разволновался…»

К проходной Ковальский шёл неторопливо. Пытался всё проанализировать. Советоваться не с кем.

За проходной встретил Сашку Караваева, с которым работал до перехода на дневное обучение.

– Голова, здорово! Я тебя пару раз издали видел. К нам на завод после института вернулся? Зря, думаю. Тут не прорвёшься, всё везде схвачено! И не мечтай в заводоуправление попасть. Не по уму берут… Свои везде.

– Да ладно, Сашк…

– Нечего ладить. Я третий год, как институт кончил. Пашу в рабочих, а у меня ещё и военное училище есть… Вон наш Сергейчев, замначальника цеха, смекнул давно, какие манёвры делать надо. Он может так, а я – нет.

– Ну и какие?

– Навострил лыжи в партком. Говорит, надо немного побыть секретарём, потом инструктором горкома партии. Зачем в борозде-то пыхтеть? Можно и около. Партийная должность – это такая добротная подкладка. Его слова. Из инструкторов горкома на должность ниже заместителя директора не прыгают! Смекаешь?

– Все помешались, что ли, на должностях?! Все трамплины ищут! А кто дело-то будет делать?

– Ладно, Ковальский, поработаешь теперь, поболее увидишь. Кое-что смекать начнёшь… Наивный пока – молодой специалист… А такие, как Сергейчев… Они страну крепко отяжелить могут… балласт.

…Через день Ковальский согласился на переход в шестой цех. «И Хризантеме легче, – вспомнил он о своём однокурснике. – Место освободится, кому, как не ему…»

…А Хризантема, закончив институт, привычек своих не менял. Всё как-то сам по себе. Вскоре женился и выписался из рабочего общежития.

Прошло ещё полгода, Хризантему не торопились назначать начальником смены. Стало известно, что выпивает в рабочее время с дружками. Руководство занесло его в «чёрный список».

Многих сгубила спиртовая река, протекавшая в цехе на окраине завода. Ручейки от неё растекались по всему заводу. И не только…

«У реки – и не напиться!» – провозглашали даже уже начавшие тонуть. Их хватало лет на пять-семь. «Горели синим пламенем» и дым улетучивался в никуда… Приходили другие…

* * *

Два стихотворения Ковальского напечатали через неделю после последнего разговора с Шостко. Такой оперативности

Александр не ожидал.

Свои стихи в областной газете он обнаружил случайно, просматривая подшивки в красном уголке общежития. Номер был прошлого дня.

Ковальский быстро оделся и выскочил на улицу. «У ресторана, в котором мы сидели с Владой, есть газетный киоск, ещё один стоит около кинотеатра! Где ещё? У нас на заводе на автобусной остановке. Где-нибудь да остался хотя бы один экземпляр», – соображал Ковальский, шагая наискосок через двор к киоску «Союзпечать» в начале главной улицы города.

Нужной газеты в киоске не было. Он скорым шагом направился на площадь. И там не оказалось. Около кинотеатра ему повезло.

– Вот три газеты остались, – сказала полная чернявая девица и равнодушно зевнула.

– А ещё, посмотрите, нет?

– Куда ещё-то, солить, что ли?

Ковальский взял и, не удержавшись, в сторонке развернул одну из них.

«Раз газета опубликовала, то, может быть, стихи стоят того? То, что Шостко передал их, – это не по блату же? Не по протекции? Это совсем другое! Или и здесь: ты – мне, я – тебе? Так в искусстве не должно быть! Нет в этом опыта. Трудно разобраться».

* * *

Ковальский всё-таки решил побывать на заседании литературного объединения.

Непростое это дело – выкраивать время для поездок в областной центр при суматошной работе в три смены.

На четвёртом занятии дошла очередь до него.

– Знаете, в ваших стихах, как бы это сказать… – руководитель объединения пожевал губами, выдержал паузу и договорил внушительно: – не чувствуется знания жизни, не виден жизненный опыт. Всё слишком общее. Нет конкретики, без которой жизнь бедна, тем более – искусство.

– А какая конкретика нужна? – упавшим голосом спросил Александр.

Мэтр не спеша пояснил:

– Ну, вот, идёте по улице и у вас развязался шнурок на ботинке. Деталь?

Ковальский молчал, не понимая: надо ли отвечать и что отвечать?

– Деталь! – ответил сам себе наставник поэтической молодёжи. – Вот об этом и пишите!

– А что же тут писать? О чём? – удивился Александр.

– Ну, как? Об этом самом и пишите! Кстати, не пробовали писать прозу? – Завитушки дыма у курившего и одновременно говорившего человека, казалось, смешались в одно с

его словами и получалось нечто искусственное и похожее на шаманство… – Попробуйте, у вас может получиться…

О шнурках Ковальскому писать не хотелось. Он решил, что такие занятия в литобъединении ему ни к чему.

Спустившись вниз, в холле второго этажа увидел известного поэта, у которого вышло уже несколько книг. Его имя в области на слуху.

«А-а, была не была», – решился Ковальский.

Поэт был не один. Рядом – холёная женщина с ленивыми грациозными движениями.

«Конечно, я, как с парашюта, сейчас на них прыгну. Не очень-то. Но куда мне деваться? Когда я ещё со своими рабочими сменами могу его встретить?»

Он не помнил отчества поэта, а по имени обращаться неудобно.

– Скажите, вы не могли бы посмотреть мои стихи?

«Боже мой, я, как Есенин в валенках перед Зинаидой Гиппиус. Сейчас спросят: что это у вас за гетры?»

Женщина томно и вяло взглянула на Ковальского и стала смотреть в окно.

Поэт с расстановкой, негромко выговаривая каждое слово, сказал доверительно:

– Молодой человек, я в своих стихах запутался. Никак не разберусь, а в чужих – и подавно… Извините…

«Барчук хренов, я ещё по стихам твоим тебя понял», – подумал Ковальский и двинулся к выходу.

Уже на улице, окинув взглядом огромное здание, из которого вышел, произнёс:

– Сюда я больше не ездок!

VIII

…Два раза вспыхивали, было, огоньки в личной жизни Ковальского, когда казалось, что он влюбился. Но быстро гасли. Становилось скучно. Не было того очарования, которое дарила Анна.

«Две женщины: Анна и Влада, каждая по-своему, выбили меня из колеи надолго, если не навсегда», – так Ковальский подумал однажды и вынужден был согласиться с этим. Он утратил желание с кем-либо встречаться.

«Не женюсь лет до тридцати – это точно, – спокойно подытожил он размышления. – Ведь это я себе ещё в школе определил. Забыл?»

А мать потихоньку, когда он приезжал, вздыхала:

– Больно уж раньше прыткий был, а теперь сидишь, как старичок… Долго ли так? Жены нет, сын живёт у родителей Анны. Ладно бы, Аня жива была, а то ведь нету её… И женой она тебе не была…

…Ковальский, хотя и определил себе холостяцкий срок до тридцати, но совсем не уверен: жениться ли вообще? Иногда на него находила хандра.

Он начинал подозревать, что по-настоящему счастлив не

будет. Ему словно кто-то нашёптывал это. Часто не мог от этого голоса отделаться. Хотел быть счастливым, пусть не сейчас, пусть намного позже… Хотел и боялся счастья. Инстинкт подсказывал, что счастье недолго, потом может последовать крах. Так уже с ним было. Александр не хотел повтора. И себе не признавался, что начинает бояться такого счастья. Казалось, что сейчас уравновешенная жизнь важнее всего. Важно согласие, лад в душе.

«Хуже, чем старичок, – невесело усмехался он, помня слова матери. – Как она может так угадывать? Ей дано от природы? Она это говорила не только в связи с моим холостяцким образом жизни, её беспокоит моё неверие в жизнь. Я порой так остро чувствую каждый день, уходящий в никуда, в бездну, безвозвратно. И от этого мне не только грустно. Тоскливо. Жалею уже те дни, которые не наступили, которые ещё не прожил. И только моё дело, работа захватывает. Если работа навязывает властно свой ритм, тогда, на время, забываю о зыбкости жизни. И, может, это самые лучшие моменты моего существования? Да ещё встречи с сыном».

Приняв, что счастье быстротечно и обманчиво, и необходимы, видимо, какие-то особые свойства характера, чтобы быть готовым к этому обману, он не постигнул того, чего же ему не хватает. Перестав верить в возможность счастья, пытался холодно понять: это его прорыв в некую суть бытия? И это положительно? Или – ущербность натуры, и от этого многое теряется? Эта захватывающая душу размаг-

ниченность порой лишала воли к активной жизни. Но Александр знал: периоды грусти и тоски чаще всего предшествуют взрывам неодолимого стремления действовать, не жалея себя, чтобы потом радоваться зримым результатам! Таким тогда он себе нравился. Ему не нужны были похвала и одобрение окружающих.

* * *

В этот раз он приехал в село поздно. Уже смеркалось. Так хотелось увидеть сына!

– Мам, я – к Бочаровым.

– Подожди, отца проводим в клуб на дежурство и сходим вдвоём.

…Когда они вошли, Бочаровы чаёвничали в передней. Саша тут же выскочил из-за стола, чуть было не наступив на большого белого кота Колчака, растянувшегося около тёплой голландки. Повис на шее отца.

– Во-во! – сказал Бочаров-старший, – восемь лет уже, а как маленький.

– Не маленький. Я соскучился, – отвечал внук, помогая отцу снять куртку.

Потом с курткой юркнул в прихожку к вешалке.

– Как юла, – радостно проговорила Екатерина Ивановна.

– Говорит: не маленький, – продолжал Бочаров, – а дал ему вчера «тулку» стрельнуть в сороку, он курок не осилил

нажать. Нашёлся мне большой…

– А зато я, – заторопился вернувшийся Саша, – в классе на линейке стою третий по росту. Нормально?

– Ну-ну, – неопределённо отреагировал Бочаров, одновременно освобождаясь от рук внука. Тот, балуясь, вынырнул сзади, прикрыл деду ладошками глаза.

– Саша! – строго посмотрела на него Дарья Ильинична. — Разве так можно?.. Садись…

Внук сел за стол. Начал дуть на чай.

– Да он уж десять раз остыл, – сказал дед.

– Мне интересно, как волны в чашке делаются!..

– Ну, какой он большой? – улыбаясь, обронил Бочаров.

– На вот! – протянул Ковальский свёрток.

– Что это?

– Смотри!

– Рубаха! – обрадовался сын. – Белая!

Они пили чай, потом резались с сыном в шашки на «щелбаны». После четвёртой партии сквитались, получив каждый по два щелчка в лоб. Дед Бочаров в игру не вмешивался. Читал газету. А женщины вполголоса разговаривали на кухне, изредка поглядывая в сторону расположившихся на диване игроков.

…Когда шли обратно, Екатерина Ивановна вздохнула:

– Рубаха – это хорошо, конечно…

– Мам, я немного денег оставил, каждый раз привожу…

– Без матери растёт, без материнской ласки…

– Мам, они его заласкали, по-моему, балуют.

– И это верно, – согласилась она. – Но всё равно…

– Ты – за старое, – засмеялся сын. – Меня непременно женить хочешь?

– Хочу, Саш… А то скоро уже твоего сына женить надо будет…

– Вот найду такую, чтоб матерью сыну стала – женюсь.

– Найдёшь ли такую? – покачала головой Екатерина. — Надо, чтобы любила тебя и добрая была…

Некоторое время шли молча.

Мысли Екатерины Ивановны перескочили на другое.

«Когда мне старик-то гадал на бобах, в войну ещё, то сказал, что без вести пропавший Станислав объявится, когда мне это уже не надо будет. Мне. А он на сына и внука посмотрел бы! Что старик имел в виду? Мне не надо будет – это значит, вернётся, когда я умру? Или при жизни ещё? А мне бы сейчас хоть одним глазком увидеть. И всё! И чтобы Василий не знал…»

– Мам, – вывел её из задумчивости сын, – мне так хочется, чтобы Саша фамилию «Ковальский» носил. Ты-то вот, в своё время, настояла и мне фамилию отца записали, хотя вы и не зарегистрированы в браке были.

– Кто же нас зарегистрировал бы: он – иностранец и война шла…

– Саша даже не Бочаров, мне эта фамилия нравится. Он —

Колесников, по мужу Анны.

– А как по-другому могло быть? – она пытливо посмотрела на него.

Сын стушевался и ничего не ответил.

– Саша, а ты об отце-то, Станиславе, ничего так и не узнал?

Александр ждал этого вопроса. Не сегодня, так в другой свой приезд.

…Он, как мог, занимался поисками отца, но результаты неутешительны.

Когда пришли, спать легли не сразу. Сидели за столом в передней. Был и чайник на столе. Говорили о Саше – сыне Ковальского и его деде – Станиславе, так внезапно пропавшем при освобождении своего родного города Варшавы.

В областном архиве Ковальскому сообщили, что за 1943–1945 годы никаких сведений о Станиславе Ковальском нет.

А до этого он перерыл в сельсовете кипы бумаг, пока не наткнулся на запись в похозяйственной книге за 1943–1945 годы:

> «Ковальский Александр Михайлович г. рожд. 1919
> Ковальская Екатерина Ивановна г. рожд. 1918
> Ковальский Александр Станиславович, сын, 1944 г.»

– Как же так, ведь известно же, что отца звали не Александр, а Станислав.

Ему пояснили:

– Это ж похозяйственная книга, записи в неё вносились

при обходе дворов. Ходили чаще всего школьники. Их приглашал сельсовет. Они спрашивали. Что слышали, то и записывали. Бабулька какая-нибудь сказала, вот и всё… И всех на одну фамилию записали, хотя не были зарегистрированы…

– Ничего себе, – удивлялся Александр, – человек был, как песчинка. Затерялся и следа не осталось?

– Время военное. Что взять? А кто из нас, сейчас живущих, думает о том, что будет через тридцать-пятьдесят лет? Кто кого искать будет? Мы все на глазах живём. Всё, вроде, знаем. Раз он иностранец, наверное, о нём в других местах сведения искать надо, а не тута, – деловито говорила седовласая женщина. – Старшая моя сестра хорошо его помнит. Симпатичный такой, говорит, был.

Ковальский долго не выпускал книгу из рук. В ней был след людей, которые, возможно, не видели отца, но жили с ним в одно и то же время.

– А можно найти тех, которые сделали эту запись?

– Ну, где же их искать-то? Их было много таких… Да и что скажут нового? Ничего…

* * *

В марте он узнал, что в профкоме завода есть туристические путёвки в Польшу. Александр загорелся съездить.

«Пускай у меня нет никаких достоверных сведений об от-

це, но я знаю, что поляки регистрируют родившихся в костёлах. Варшава сильно разрушена во время войны, но бывает же чудо! Один шанс из тысячи, а в данном случае, один костёл из тысячи, может, уцелел. В нём-то вдруг и окажется запись об отце! Надо постараться объездить все сохранившиеся старинные костёлы и проверить документы за 1918–1919 годы. Вот и вся стратегия поиска», – так он думал, сознавая, что его намерения наивны. Но другого пути не видел.

Ковальский подал все необходимые бумаги в профком завода. Ему говорили, что всё в порядке. Но в самый последний момент, когда сделать было уже ничего невозможно, оказалось, что каким-то образом пропала часть его документов. Уклончиво пояснили: теперь уже не успеть, пустые хлопоты… Александр понял, что кто-то просто не хочет брать ответственность на себя, узнав, что у него за границей могут быть родственники. Ватную стену прошибить казалось невозможным…

– Не верю я, что Станислав мог что-нибудь сделать худого. Добрый был, да и молоденький совсем ещё… – успокаивала после этого Катерина сына. – Всё равно объявится, я верю всё больше и больше…

IX

…И началась у Ковальского в цехе, куда он пришёл, такая же стажировка, как и полтора года назад.

Сразу попросил, чтобы его направили в смену.

Исполняющий обязанности заместителя начальника Новиков оказался хорошим практиком – знал цех превосходно. Начинал слесарем, закончил нефтехимический техникум. Теперь – на третьем курсе вечернего института. Запасной вариант, если не потянет Ковальский. «Знание и умение должны работать, тогда они полезны, иначе легко превратиться в резонёра и завалить дело», – вспомнил он напутствие Самарина.

Через полгода Ковальский уже работал самостоятельно начальником смены.

…Всё бы ничего, да любил начальник цеха Ганин пошуметь. Это в кабинете главного инженера он был тихий, а в цехе его голос держал всех в напряжении. Если вызывал к себе в кабинет, то оттуда частенько приглашённый выходил красный, как варёный рак. А если это были женщины, то порой – в слезах.

Ковальский понял, что стычки не избежать и ему.

* * *

Шло самое обычное сменное собрание. Ганин вошёл в красный уголок и сел в первом ряду.

Ковальский уже заканчивал, когда оттуда громыхнуло:

– Нет! У вас всё спокойно так! А во вторую смену захожу в операторную, смотрю: нет обоих старших аппаратчиков

одновременно. А вдруг что случится?

Наступила пауза. Ковальский посчитал, что надо ответить.

– Но я пояснил тогда, что Алексей ушёл в буфет, а Ирина Владимировна отлучилась в бытовку, предупредив меня, – напомнил Ковальский, совсем не ожидая дальнейшего бурного развития разговора.

– А зачем мне ваши пояснения, пусть сами скажут.

– Но я веду собрание. Я – начальник смены, – спокойно возразил Ковальский. – Знаю ситуацию.

– Ситуацию он знает! – почти закричал Ганин. – Много слишком знаете! В следующий раз накажу и вас, и их!

Ковальский оторопел. В зале двадцать человек подчинённых и на глазах у всех на него кричат.

– Вам бы лучше не защищать, а спрашивать с персонала!

– А вы бы троекуровщину не разводили, а в суть вникали: Ирине просто плохо стало. В бытовке задержалась. Мы потом «скорую» вызывали, – ответил Ковальский и удивился своему спокойствию и тому, что попалось на язык это слово «троекуровщина». Можно было и без него.

Ганин вскочил:

– После собрания – ко мне в кабинет! – и порывисто вышел.

«Разве ему к лицу так горячиться, он же первый руководитель в цехе», – невесело думал Ковальский.

Когда рабочие расходились, старший аппаратчик Николай

Румянцев, с которым он быстро подружился и уже несколько раз съездил на рыбалку, приблизившись, вполголоса под шумок обронил:

– Не горячись. Начальника не выбирают. Пойдёшь к нему – больше слушай. Он – отходчивый.

– Но к чему всё это?

– Я тоже думаю, что, если бы криком можно было что-нибудь сделать, осёл каждый день строил бы по семь домов! Народная мудрость.

Ковальский не ожидал такого от Румянцева.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись.

* * *

«Действительно, отходчивый, – думал Ковальский, сидя у начальника цеха. – Но странная какая-то отходчивость».

А хозяин кабинета, не глядя на приглашённого на ковёр, тусклым голосом монотонно поучал:

– Все итээровцы цеха должны проводить политику своего начальника, в противном случае, дисциплины не будет… и бучу на людях устраивать ни к чему…

Ковальский попытался уточнить:

– Василий Анатольевич, но я не устраиваю. Вы в такой форме…

– Опять за своё? – Он повернул, наконец, к нему лицо и вскинул брови.

Наступила пауза.

Ковальский решил: «Если сейчас начнёт орать, уйду из цеха. Чего он хочет от меня?».

Но начальник не закричал, а неожиданно спокойно сказал:

– Иди-иди и думай… Ты – самостоятельный…

Александр встал и уже открыл дверь, когда Ганин произнёс:

– Ты и инструкции, которые я подписал и утвердил у главного инженера, критикуешь на своих собраниях…

Ковальский хотел, было, задержаться и пояснить, как и почему он… Но, перехватив холодный взгляд начальства, передумал: «Прямого разговора не получится, тут то ли интрига какая, то ли дурь просто… вожжа под хвост попала…».

…Вскоре пришёл приказ о назначении Новикова заместителем начальника цеха, а его, Ковальского – начальником отделения.

«Не оправдал доверия, – усмехнулся Александр, стоя у цеховой доски объявлений. – Но чьё доверие? И почему со мной не поговорили?»

Он решил ни с кем из руководства назначение своё не обсуждать и ничего не выяснять.

Назначение всё-таки с Румянцевым отметили: уехали на его самодельной лодке, недавно оборудованной новеньким мотором «Вихрь-25», под Крутец – любимое место Николая

на Волге. Отвели душу рыбалкой.

…Кто же под уху не выпьет? Только тот, кто весьма подозрителен. Они пили мало. Николай – философ. Любил ясную голову.

Ковальский порой уставал от него. Больно уж темы глобальные брал Николай. Ковальский даже пообещал ему, что, как только появятся деньги, купит себе лодку, чтобы рыбачили вместе, но каждый в своей.

* * *

Самарин и Ковальский случайно встретились около заводоуправления. Заместитель главного инженера издали увидел Александра и задержал.

– Послушай, всё хотел поговорить о твоём назначении. – И после небольшой паузы: – Не переживай. Ганин груб, я знаю, он из диспетчеров завода и в технологии слабоват. Но – начальник цеха. Он попросил сделать такую расстановку.

Ковальский чувствовал себя неловко. Молча кивал согласно головой. Когда разошлись, почувствовал облегчение.

X

Теперь рабочее место Ковальского в кабинете, на втором этаже административного здания.

Они сидят с Новиковым в одной комнате друг против дру-

га. В этом большое преимущество. Постоянно общаясь и находясь в курсе главных событий, они вскоре превратили кабинет в центр разрешения многих цеховых вопросов.

Новиков оказался деятельным работником. И аккуратистом. Инструкции, схемы, тексты распоряжений готовились тщательно и продуманно.

Поскольку должность Ковальского напрямую связана с остановками и пусками цеха и целых систем аппаратов, то он жёстко определил в этом порядок. Допустив к самостоятельной работе ремонтников, он сам отправлялся смотреть выполнение мер безопасности. Хотя это и входило в обязанности начальника смены.

Однажды он подошёл к бригаде слесарей, разбирающих фланцевое соединение аппарата. Слесари усердно работали ключами. За их спиной манометр с чуть подрагивающей стрелкой показывал рабочее давление взрывоопасного газа.

– Вы что делаете?! – закричал Ковальский. – Смотрите! – и указал на манометр. Восемьдесят атмосфер!

Ремонтников как ветром сдуло. Послышался звон обронённых на бетонный пол ключей.

Не помня себя, кругами заходили около аппарата. Бригадир, схватив ключи, начал затягивать гайки.

Когда с бледным лицом спустился с аппарата, произнёс:

– Всего две успели отвернуть. Что это с нами случилось? Не понимаю… В соседнем, таком же, цехе вот так в шестьдесят четвёртом году на действующем аппарате фланцы раз-

болтили, цех под корень взлетел. Не верил, что такое может быть. Пять человек погибли, знаете?

– Знаю, – холодно ответил Ковальский. Бригадир молча скрестил руки на груди.

– Ещё раз обтяните болты и через час ко мне. Всё! – Ковальский еле сдерживался, чтобы не накричать.

…Этот случай заставил его заново продумать режим работы в цехе.

Договорились с Новиковым одновременно из цеха не отлучаться. Ходить в столовую по одному. Всё, связанное с вскрытием аппаратов, трубопроводов, компрессоров, начинать только в присутствии Ковальского.

Чтобы не путать схожие, как близнецы, системы аппаратов, Ковальский организовал бригаду маляров и они нанесли красные разграничительные линии шириной в десять сантиметров на всех шести этажах цеха. На каждом аппарате дополнительно поставили крупно его номер и номер системы. Казалось бы, просто, но слесари оценили это по достоинству.

Попадал со своим рвением Ковальский в разные ситуации.

…Пускали одно из основных отделений цеха. Предстояло принять с соседней теплоэлектростанции пар с давлением

100 атмосфер и температурой около 500–550 °С. Чтобы достичь таких параметров в цехе, необходимо заранее часа четыре прогревать трубопровод, сбрасывая пар либо в закрытую систему, либо в атмосферу.

Рёв при этом неимоверный. Персонал в наушниках. Не работать же так и заводоуправлению? Поэтому к 8.00 сброс необходимо закрыть.

Работники ТЭЦ затянули с началом подачи пара и к восьми часам режимных параметров в цехе не достигли. Поскольку существовала угроза конденсации пара, гидроударов и разрыва трубопроводов, сброс его в атмосферу продолжался.

Ковальский находился в аппаратной, когда позвонил старший диспетчер завода. Было уже девять часов.

– Директор требует прекратить, оглушили всех.

– Как – прекратить? – переспросил Александр.

– Так… – неуверенно ответил диспетчер.

– Мы ж взорвёмся! Пусть директор читает инструкцию, ты сам-то думаешь, что говоришь?

На другом конце провода наступила подозрительная гробовая тишина. Потом положили трубку. А через несколько минут Ковальского вновь потребовали к диспетчерскому телефону.

Александр подошёл и услышал приглушённый голос заместителя главного инженера по производству интеллигентного Кострова:

– Ковальский, ты понимаешь, что говоришь? У диспетчера была включена громкая связь. Директор всё слышал.

– Значит уяснил, что не шуметь нельзя? – Ковальскому некуда отступать.

– Понял-понял! Не нарывайся! Скажи, когда прекратишь? Он велел доложить, злой…

– Часа через два.

– Смотри! Не подведи!

– Чиновники хреновы, – уже положив трубку, сорвался Ковальский.

И опять влип. Не заметил, пока разговаривал, как подошла сзади и притихла с каким-то вопросом цеховая табельщица красавица Леночка. Хоть и шумно, но голос Ковальского прозвучал внятно. И она, резко отпрянув, повернулась лицом к окошку.

Ковальский видел, что Леночка улыбалась…

* * *

Проходя мимо красного уголка на обед, Александр услышал стук теннисного мяча. «Откуда у нас теннисный стол?» – удивился он и, заглянув, враз оказался в центре внимания. Три студентки, расположившиеся за столом, покрытым красным сукном, перестали шелестеть бумажками и уставились на него. Игравшие остановились. Мешали и открытая дверь, и он, возникший в торце стола.

Ковальский прикрыл дверь и прошёл к стене, чтобы не мешать.

Игра возобновилась, но вскоре шустрая девица с задорной тёмной челкой, отфыркиваясь, взмолилась:

– Фу… ты меня загоняла… Девочки, кто вместо меня?

Сидевшие за столом переглянулись и не ответили.

– Вот! – Девица протянула ракетку Ковальскому. – Будете? Чего так-то просто стоять? Да ещё молчать.

Александр посмотрел на часы. Оставалось тридцать минут перерыва. Он решил на обед не ходить.

– Она вас быстро под орех, – упредила та, которая с челкой. – Руфина, покажи класс!

Александр неуверенно потянулся к ракетке. «Руфина – имя какое необычное…» Тем, что за столом, он помогал собирать для дипломной работы материал. Руководил проектом у них Новиков. Эту, с челкой, и Руфину видел впервые. Очевидно, из соседнего цеха.

Руфина играла со стороны окна. Ладная и крепкая фигура в гипюровой кофточке и юбке чуть ниже колен четко вырисовывалась на фоне залитых солнечным светом окон.

Слегка, как ему показалось, полноватая, несколько отяжелявшая фигуру грудь притягивала взгляд. Не давала сосредоточиться.

Ясное лицо её, с лёгким светом изнутри и едва намеченными ямочками на щеках, чуть розовело.

«Белоликая! – удивился про себя Ковальский. – Не бледнолицая, а – белоликая! Графиничка с ракеткой! Может быть такое? И вообще, мог ли представить, что увижу у себя в цехе такую царственную волоокую женщину? Наваждение какое-то!»

Солнечные лучи просвечивали лёгкие завитушки у мочек её ушей. Они золотились от этого.

Несколько раз их взгляды встречались и тогда она быстро отводила свой. Будто боялась, что он успеет за короткие мгновения понять что-то такое, чего она не желает…

…Александр проиграл. И внезапно для себя пояснил:

– Больше года не брал в руки ракетки…

Она засмеялась неожиданно весело и открыто. Почти по-детски:

– Я тоже давно не играла… только вот… два дня здесь…

И быстро, не дав ему опомниться, приоткрыв дверь, выскользнула из красного уголка.

«Как будто торопится от меня избавиться». Быстро вышел. В коридоре её уже не было.

«Очевидно, спустилась на первый этаж», – подумал Александр и безотчётно направился вниз.

…Они чуть не столкнулись у бытовой комнаты. Воронёные брови Руфины взметнулись около его лица.

– Боялся, что исчезнете, – вырвалось у Ковальского.

– У меня же там одежда, – сказала она грудным голосом и отступила на шаг назад.

Руфина ростом вровень с Александром. Глаза у неё оказались светло-серыми. Каштановые волосы пахли разнеженным летним разнотравьем. Во взгляде, движениях, манере говорить небольшими фразами он ощутил сдерживаемую, горячую лаву. Почувствовал, что начинает волноваться:

«Кажется, себя больше, чем меня, боится. Хотя и улыбается белозубо», – мелькнуло у него.

– Провожу наверх? – произнёс он и задал уже себе мысленно вопрос: «Сам лезу в капкан?».

– Как хотите, – ответила она.

А сама подумала: «Странно, как он смотрит на меня. Откровенно так! Чувствую его взгляд всем телом… И будто мы когда-то уже говорили о многом. И обо мне. Он меня понимает. Но ведь я не хочу, чтобы меня понимали… я сама… боже, растерялась… у него взгляд такой…».

Лицо её порозовело ещё сильнее. Он заметил и улыбнулся.

У неё металась пойманной птичкой мысль: «Не смогу от него убежать просто так… если начнёт что-либо говорить или предлагать».

Пока поднимались на второй этаж, Александр успел узнать, что она – аспирантка московского института, с которым завод заключил хоздоговор по обследованию нескольких цехов. Приехала на неделю.

Когда шли мимо кабинетов цехового руководства, он вполголоса (чтобы не услышали) спросил:

– Кинотеатр «Восход» знаете?

– Да, – отозвалась Руфина. – Видела.

До двери оставалось три-четыре шага, Ковальский спохватился: «Понимает ли, что надо успеть, там народ, а в коридоре стоять и говорить нехорошо…».

– Буду у входа сегодня в семь вечера, придёте?

– Да, – внятно сказала она. И испугалась: «Очень уж спешу… Но ведь иначе не успеть… кругом люди».

Они начали думать одинаково уже с первой встречи…

* * *

Ему не хотелось встречаться в ресторане и вообще в этом городе. Хотелось куда-то увезти её от глаз знакомых и друзей… Далеко-далеко… Такая осветлённая красота!

Он предложил поехать в Куйбышев. «Если успеем в драмтеатр на спектакль – хорошо! Нет – погуляем по набережной Волги!»

Она согласилась.

XI

Вскоре случилось событие, заставившее вспомнить и несколько по-другому оценить гневливость Ганина по поводу отсутствия на своих местах аппаратчиков.

У Ковальского строго заведено: уходя на обед ровно в двенадцать часов, обязательно заглянуть в операторную. Сегодня понедельник – у Новикова выходной день. Он работал в субботу. Таков порядок для всех заместителей начальников цехов на заводе.

…Ковальский не спеша спустился со второго этажа в опе-

раторную. Знал: на вахте его «родная» смена «Б». То, что увидел, поразило: все вместе со старшим аппаратчиком Румянцевым метались у щитов управления.

– Что случилось?! – громко выкрикнул Ковальский.

– Давление пара на входе в цех упало от 95 атмосфер до 60. Продолжает снижаться, – отозвался Румянцев.

«Но ведь сейчас из тройников, где смешиваются этилен и пар, газ пойдёт в паропровод. Давление пара станет ниже, чем этилена, и…»

– Почему нет пара?! – прокричал в диспетчерскую трубку Александр.

– Саш, не могу от диспетчера ТЭЦ ничего добиться, – ответил стоявший на дежурстве Суслов.

– Тогда остановлю цех. Расход пара снизился наполовину!

– Подожди…

– Некогда. А вы почему не начали останов? – бросил он Румянцеву. – Можем опоздать!

– Начальник смены вышел на установку. По инструкции положено после того, как скажет «добро» старший диспетчер, а он тянет!

– Я даю «добро»! Бежим отключать реакторы! Будьте в операторной! – громко крикнул Ковальский жавшимся к щитам женщинам. – Их не стоит брать – тут целее будут, – выкрикнул он Николаю.

Надо было закрыть у пяти работающих на шестом этаже реакторов по одной задвижке, чтобы предотвратить попада-

ние в пар этилена. После на втором этаже – открыть пять задвижек для сброса этилена в атмосферу.

«Если мы и добежим до шестого, то всё равно прекратить подачу пара – один шанс из десяти», – эта догадка обожгла Александра на четвёртом этаже. Но остановиться не мог. Рослый Румянцев мчался впереди. «Понимает ли, что мы почти обречены?»

Они сделали на шестом этаже всё, что нужно. Под резкий рёв пара бросились назад, на второй.

«Почему не взлетели? – мелькала мысль. – Ведь, когда открыли сброс пара в атмосферу, пахло этиленом, в трубе уже был газ». Ковальский не понимал до конца, что происходит.

Когда открыли на втором этаже три задвижки, метрах в двадцати от них взорвалась ёмкость конденсата водяного пара.

– Ничего не соображаю! – закричал Румянцев. – Вода взрывается!

– Крути давай!

Следующая задвижка подалась легко, а последняя… Ржавый шток не давал штурвалу оборотов.

Всего на две нитки резьбы подался он в руках Румянцева, когда начал взрываться паропровод, идущий с теплоэлектроцентрали, угрюмый силуэт которой с высоченными трубами маячил в двух километрах от цеха. На эстакаде последовательно поднялись облака сизого, словно в военных кинофильмах, дыма.

Не сговариваясь, оба посмотрели на тридцатиметровой высоты краснокирпичную махину цеха. Глянули в глаза друг другу. Ковальский понял: пока не даст команду, Румянцева от штурвала не оторвать. За ним, за Ковальским, последнее слово.

Он бросил взгляд на злополучную задвижку – шток торчал уже на четверть.

– В операторную!

С неимоверной лёгкостью они пересекли по диагонали площадку этажерки.

С противоположной стороны в операторную вбежал начальник цеха Ганин. Громыхнул:

– Что ты наделал, Ковальский?! Остановил цех!

– Остановил, – трогая ушибленное правое плечо, устало согласился Ковальский. – Выбора не было.

– Но весь завод встал!

…На другой день Ковальский сидел в кабинете главного инженера. Оказалось, что на ТЭЦ аварийно упал уровень воды в котлах. Это привело к прекращению подачи пара. Персонал ТЭЦ не мог оперативно отреагировать. А цех, остановленный Ковальским, уцелел ещё и потому, что у обратного клапана на паропроводе не сработала пружина. Весь этилен, попадая в теплообменную аппаратуру и трубопровод, давая локальные взрывы, вылетал на тепловую станцию. Там даже щит управления в котельной загорелся.

Главный констатировал:

– Вначале упустили время для останова и взрыв был неминуем. Но неполадка клапана и ваши, Ковальский, действия спасли и цех, и оборудование энергетиков. Хотя вы действовали не по инструкции.

– В таких случаях необходимо быстро останавливать цех, а уж потом с диспетчером судачить. Он далеко – ему труднее оценить обстановку. Я об этом ещё раньше думал. Поступал по ситуации!

– Мы посмотрели всё. Послушали магнитозапись в диспетчерской ТЭЦ – действовали верно, – вступил в разговор Самарин, – мужественно. И вам повезло. И людей спасли. Можете с напарником отмечать второй день рождения!

…Так, вместе с триумфальным шествием нефтехимии по стране и области, проходили и непростые её будни.

А впереди они окажутся и серьёзнее, и страшнее. И у Ковальского с Румянцевым. У всего завода…

* * *

Следующие дни Самарин и Ковальский занимались внесением поправок в инструкцию по аварийному останову цеха. Новиков руководил его пуском.

Получалось, что диспетчер Суслов, хотя и поступил «по закону», оказался не на высоте. А нарушитель порядка Ковальский – прав.

– В диспетчерской судачат: директору указываешь на ин-

струкции, а сам нарушаешь, – говорил Суслов, почёсывая затылок.

Он сильно переживал и намеревался писать заявление об уходе.

Александр отнёсся к этому вполне определённо:

– Не дури! У нас с тобой были разные условия. Твоя добровольная отставка – чушь!

– Видишь ли, виновата инструкция, которую многие составляли и визировали. Но почему крайний – я? Мне одному расхлёбывать, как бы… – Суслов помолчал. – Не сумел я сделать, как наш мудрейший профессор.

– Что за профессор?

– Трапезников. Большой оригинал. Иногда вредничал, перегибал. Мы на пятом курсе решили над ним позабавиться. В день шестидесятилетия прямо на лекции преподнесли подарок: огромные три коробки, как матрёшки, вставленные друг в друга. Большой алый бант сверху! В последней был ночной горшок с пивом и плавали две вареные сосиски. Мы знали: любил профессор пиво и пропагандировал его! И вот ему такой подарок! Не растерялся мудрейший! Недолго думая, отпил глоток, надкусил сосиску и пустил горшок по кругу: «За моё здоровье, не откажите, дорогие мои! Уважьте старика! Перед экзаменами». А у меня вот не получилось организовать общую трапезу. Весь горшок пришлось пить одному. Надо бы по кругу… Не я инструкции писал, согласовывал и утверждал.

– Больно с хитрой резьбой твоя притча! Усложняешь. Выкинь из головы, – убеждал Ковальский приятеля.

* * *

…Прошло несколько дней и настроение Суслова, кажется, несколько выправилось…

Они с Румянцевым взяли его на рыбалку.

На Волге, около нравившегося Ковальскому Винновского затона, на песчаной косе из жёлтенького песочка, глядя на вечерние огни проходящего с шумной музыкой теплохода, Николай Румянцев предложил Ковальскому:

– Знаешь, давай породнимся! После такого…

Ковальский молчал. Не нашёлся сразу, что ответить.

– Жена забеременела. Если будет сын, а у тебя когда-нибудь дочь, поженим их!

– Я ещё не женат, а ты наших детей женить собрался.

– Но ведь женишься! Мы подождём.

– Ничего себе, если у тебя родится дочь, то мой будущий сын намного младше её будет.

– Рожайте дочь, а мы – сына, во втором заходе. Всё равно что-нибудь да сконструируем. Вот бы свадьбу лет через двадцать сварганить!

– Конструктор нашёлся! – улыбнулся Ковальский.

Но согласился. Куда деваться? Такой парень – замечательная родня!

– Ну, ребята, с вами не соскучишься, деловые такие! – удивился Суслов.

– Жить торопимся, имеем право, – поучительно толковал Румянцев, делая весьма серьёзный вид.

Когда собирались домой, складывая вещички и палатку, Ковальский неожиданно для самого себя сказал Румянцеву:

– Знаешь, облегчу я задачку с вариантами.

– Какими?

– Ну, со свадьбой!

– А-а… Говори, как?

– Девку рожай – и точка!

– Почему так определённо?

– Сын у меня есть. Ему восьмой год… Как раз будет…

– Постой! – удивился Румянцев. – Когда успел? И где он?

– У родителей.

– Ну, ты, Ковальский… везде впереди паровоза! А мать?

– Долгий разговор… В следующий раз… Н-на, лови рюкзак!..

Николай и Владимир были на заводе первыми, кому Ковальский сказал о сыне.

С того дня они ещё сильнее привязались друг к другу, и Румянцев теперь донимал Александра просьбой показать Ковальского-младшего.

XII

– Может, нам податься в Отрадный или Нефтегорск – на твою родину? Мы, кажется, зависли. Два года на должностях без движения, – лёжа на кровати с кроссвордом, раздумывал вслух Суслов.

– Куда конкретно?

– В Отрадный, на комбинат полимерных стройматериалов. Из отходов газового сырья там скоро будут выпускать линолеум, пенополистирол. Или на Нефтегорский газоперегонный. Совсем новое производство – газовый бензин для нефтехимиков. Идёт он и к нам на пиролиз по подземному трубопроводу, как и бутан.

– А кто отпустит? Мы же не отработали положенных трёх лет. Кроме того, меня завод перераспределил из Саратова. Мне и дёргаться нельзя, совестно.

– Да уж. Попал. Сначала пригласили, а потом загнали в тупик, как паровоз. Я-то ладно… по распределению.

– Я решил готовиться в аспирантуру планового института по специальности «Организация и планирование народного хозяйства». Осталось три месяца до приёма, – заявил Ковальский.

– Так вдруг?

– Не вдруг. Работать на заводе, зная профессионально и производство, и экономику – это здорово!

– Ты хочешь защититься и вернуться на завод?

– Думаю так.

– Ничего себе: уйдёшь в аспирантуру, а мне одному трубить здесь в диспетчерах?

* * *

…Три месяца пролетели быстро. Пришла пора отправляться на собеседование. По неопытности и из-за нехватки времени на кафедру Ковальский предварительно ни разу не съездил. Готовился самостоятельно. Полагал, что главное – знания. Когда приехал, понял своё упущение. Странно на него поглядывали сотрудники кафедры.

– В газете было объявление о наборе аспирантов с датами собеседований. Я, кажется, вовремя, – пояснил он своё появление человеку низенького роста с внушительной лысой головой.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – мрачновато сказал человек. – Я – профессор Кудрявцев, а вы? – Он сел в торце стола.

«Ничего себе «Кудрявцев», – чуть было не рассмеялся Ковальский. – При такой-то лысине». Повеселев, сказал:

– Ковальский Александр.

– Работаете?

– Конечно.

– Где? – глаза профессора моргали без останова.

– Начальник технологической установки нефтехимического завода.

Глаза профессора округлились и перестали моргать.

– Так вы – инженер?

– Инженер-технолог, – уточнил Александр. – Окончил политехнический.

– Ну, батенька, вы прямо из варяг в греки!

Ковальский не понял и хотел уточнить. Кудрявцев опередил:

– Вы нам не подходите.

– Как? – вырвалось у Александра.

– Молодых людей с техническим образованием на нашу кафедру в аспирантуру не принимаем.

– Что же мне делать? Я хочу учиться в вашей аспирантуре! Глаза профессора, потеряв округлость, вновь начали ритмично моргать. Очевидно, это было их обычное состояние. Он, улыбнувшись, «подсказал» Ковальскому:

– Поступайте в наш институт. Окончите, а потом уж…

– Почему только так?

– А потому, молодой человек, что у вас, технарей, мышление не то. Не соответствует нашим требованиям.

Ковальский оторопел, но быстро собрался с духом.

– Откуда вы знаете, какое у меня мышление? Я, во-первых, готовился в аспирантуру! Во-вторых, в институте занимался философией. – Он помолчал и, боясь показаться нескромным, добавил: – За одну из философских работ по-

лучил диплом первой степени на Всесоюзном конкурсе. Были и другие.

– Ну и что? – спокойно обронил Кудрявцев. – Вот и поступайте в своем институте, какие вопросы? Философия и экономика – разные вещи.

«Он, как и Шостко, уверен, что мой ум испорчен техническим образованием. А мне-то кажется, что наоборот: техническое образование дисциплинирует. Наделяет конструктивным началом! Но как это доказать высоколобым!?»

Профессор поднялся из-за стола.

– Вы поговорите со мной предметно, тогда решите, какое у меня мышление, – заторопился Александр.

– Нет необходимости. Я уже пояснил…

Ковальский вышел из кабинета.

«Кажется, расхотелось учиться у этого ортодокса. Куда я лезу?» – уныло думал он.

На улице он оглянулся на институтское здание. Оно виделось ему таким же, как и то, в котором засели поэты со своим литобъединением, – неприступным бастионом. Но вся внушительная неприступность эта держалась, казалось, на какой-то весьма сомнительной опоре. Стукни с некой особой умелостью – и грохнется весь бастион разом. Только вот неясно пока, как и с какой умелостью стукнуть…

* * *

…Когда ехал в автобусе домой, понуро глядел в окно. И ясно ощутил, что уже прирос к заводу! Ему нравились четкий размеренный ритм производства, стройная иерархия подчиненности, энергичные инженеры.

…«А если завод, нефтехимия, как мне внушала Анна, моя планида и есть? Куда гоню лошадей? Заводская наука – это тоже наука! И с каким потенциалом! Может, зря бегаю и на полштыка рою по окружности? Копать глубже, на полный штык, надо там, где стоишь. А что? Есть резон».

С этого дня он словно получил мощный энергетический заряд. Неуёмное стремление к результативности стало выделять его. Вся энергия сфокусировалась на работе в цехе.

Александра избрали зачем-то в совет общежития и через полгода, несмотря на его протесты – в комитет комсомола завода.

Но, активный в цехе, Ковальский оставался равнодушным к общественной деятельности. Он был слишком конкретен. По его твёрдому убеждению выходило, что человек должен заниматься только тем, что по душе. Всё чаще находил признаки того, что его место на производстве. И, вероятно, думал так не без оснований.

…Стихи писать не перестал. Но дал себе слово ни при каких условиях их не печатать. И от этого обрёл душевное

равновесие, особую уверенность в себе… будто самодельные стихи, так он их называл, были тайными родничками, подпитывавшими его…

…Часто думал и о Руфине. Хотел понять её. И не мог. Остро чувствовал моменты, когда она словно опускала занавес и он оказывался как бы ни при чём. Сидел в пустом зале, а она уходила, как когда-то Верочка Рогожинская в его детстве, куда-то далеко-далеко, а Александр оставался с ненужным букетом цветов.

…Прошло уже полгода их близости, а он всё никак не мог привыкнуть к новому своему состоянию. Был в городе на площади Менделеева один дом, где филиал московского института имел квартиру-гостиницу. Там и прошли золотые минуты и часы их первых радостных бурных встреч.

Она приезжала не реже двух раз в месяц. То были их праздники.

Если можно, он вывешивал бы в эти дни по всему городу огромные флаги. Но так, чтобы о причине ликования знали только двое: он и Руфина.

* * *

– Совсем не беспокоишься о том, что надо предохраняться, – шептал он ей горячими губами. – Решилась?

– На что решилась? – переспрашивала Руфина, не зная, как отвечать.

– Ну, что поженимся! И сразу начнём рожать! Пока шестерых не будет – не остановимся. Хорошо?

– Саш, ну что ты? В который уже раз?!

– Но я хочу от тебя минимум шестерых ковальчат!

– А что делать с моей аспирантурой?

– Продолжать учиться!

– А с наукой? Ты не поедешь в Москву, я не решусь перебраться сюда. – Она говорила эти слова, а на уме были другие…

– Значит, ещё не собралась за меня замуж, Дездемона?! Умри же!

И они начинали, дурачась, бороться в постели. Она сильная, это Ковальскому нравилось.

…Руфине с трудом удавалось оставаться весёлой с Ковальским, когда он начинал говорить об их совместном будущем. Как только уходил, начинала плакать. Были причины.

Она давно хотела рассказать о своей беде, но он так уверенно настроен на их совместное счастье. Очень хотел детей в «нормальной семье», как он говорил. И непременно много детей…

XIII

В конце ноября 1970 года за большие заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана, и особенно химической и нефтяной отрасли, Куйбышевскую область наградили орде-

ном Ленина.

На базе нефтедобычи бурно развивались нефтеперерабатывающая, химическая и нефтехимическая промышленность. За восьмую пятилетку объём продукции удвоился. На десятках химических заводов теперь выпускалось более ста её видов. Восьмая пятилетка завершалась настоящим триумфом.

Гигант нефтехимии – завод синтетического каучука в Тольятти, на который после выпуска уехали около двух десятков институтских однокашников Ковальского, – стал одним из ведущих в стране. За пять лет там произвели сверх плана тысячи тонн различных марок каучуков. Производительность труда возросла более чем в два раза.

За пятилетку в области заработало около четырёхсот новых предприятий, производств, цехов, установок. Среди них Новокуйбышевский нефтехимкомбинат, третья очередь завода синтетического каучука, азотно-туковый завод.

Социалистическое соревнование в честь столетия со дня рождения Ленина рождало всё новых и новых победителей. Мелькали знакомые и не известные ранее фамилии награждённых орденами и медалями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1971 года за заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности награждены только по Куйбышевской области орденом Трудового Красного Знамени, орде-

ном «Знак Почёта» и медалью «За трудовую доблесть» более трёхсот человек.

Орден Ленина получили Александр Алексеевич Устинов – директор Куйбышевского завода синтетического спирта, директор Куйбышевского завода синтетического каучука Николай Вартанович Абрамов и директор Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего комбината Павел Никитич Узункоян.

* * *

Сплотившиеся вокруг Самарина инженеры-новаторы разработали схему выпуска этилбензола для производства синтетического каучука и пластмасс. Побочный продукт, имевший ранее малую цену, стал одним из основных среди фенола, ацетона, альфаметилстирола и полиэтилена.

Плодотворная идея использования отходов дала толчок почину по всему заводу.

А вскоре другая инициативная группа, проведя реконструкцию, из сжигаемых на свалке отходов производства выделила воск – низкополимерный полиэтилен, нашедший применение в строительстве.

Горком партии на своем бюро поставил вопрос масштабнее: необходимо комплексно использовать сырьё и отходы. И обязал привлечь к этому делу научно-исследовательские и проектные организации. А далее уже дело дошло до коопе-

рации между предприятиями города и области.

Так ценное начинание, зародившееся в одном цехе, объединяло общей целью: работать без отходов. Всё должно идти в дело!

Более того, полезная инициатива вышла за пределы области: министерство рекомендовало распространить её на всю отрасль, а работников завода премировать.

Таков был нехитрый, но действенный приём, заставлявший огромные коллективы трудиться в нужном направлении.

Немало партийных чиновников оказывалось около рабочего человека, будь то простой исполнитель либо главный специалист. Они тоже получали премии и награды. Дела-то вершились большие! И масштабы, и успехи покрывали эту некую неувязку, свободно позволявшую иному партийному деятелю искренне считать себя незаменимым. Попробуй докажи кому обратное… Успехи налицо! Многие партийцы действительно сжигали здоровье и жизнь, выполняя поставленные сверхзадачи.

Всё бы ничего, но и партийное руководство, и газеты подавали первоначальную инициативу – как предложение вовсе не специалистов-инженеров, а рабочих. И это принималось как должное. Никто не роптал. «Это должно обижать инженеров, оно не соответствует действительности», – рассуждал Ковальский.

– Ты не понимаешь кое-чего, – объяснял ему заместитель

начальника цеха Новиков. – Текущий момент каков? – Он многозначительно посмотрел на Александра.

– Каков? – переспросил Ковальский.

– Здрасьте, «каков»? Идёт не просто химизация, а «… плюс химизация» – то есть строим коммунизм, наше поколение должно жить в нём. Так определено!

– И что?

– Волну энергии масс надо поднять, понимаешь? А ты о своих правах каких-то заявляешь… Надо, чтобы каждый человек, начиная с самого низа, понял – он перводвигатель событий!

Он может очень многое! Каждый – участник переустройства мира! Ведь мы первая держава в мире, где будет коммунизм! «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» или вот – «Руки рабочих! Вы даёте движенье планете»! Разве просто так говорится, поётся? Нет! Всё работает на сознание, помогает вершить! Это как горючее! Разве непонятно?

Новиков говорил уверенно и веско. И считал, что на это у него есть право. Он прошёл школу комсомольских активистов ещё до армии. И в армии был активным комсомольцем. Теперь он – член парткома завода.

Глядя в потускневшее лицо Ковальского, добавил:

– Ты – парень башковитый, давай выруливай на столбовую чёткую дорогу. Мы уже советовались в парткоме. Ты должен готовиться к вступлению в партию. Рекомендации будут.

– Я об этом ещё не думал, – отозвался Ковальский.

– Думай, голова! Столько сереньких личностей в общей массе, поняв главное, шагают в ногу, не ломая строя, и делают огромное дело, – уверенно произнёс Новиков и поднял трубку заверещавшего телефона.

– Новиков слушает! – голос у него чёткий и энергичный. И сам весь, как сгусток энергии, данной для каких-то выверенных и несомненно сверхполезных решений.

«Когда он говорил про шагающих в одну ногу – имел в виду и таких, как Свинарёв?» – подумал в это время Александр.

Ковальский хотел, было, затеять разговор ещё об одном. Он недоумевал: зачем надо давать так много наград за обычный труд? Только по области – сотни! Если труд – естественная человеческая потребность, то отличный труд – сам по себе уже награда. И, если хорошо за это платить, то зачем всё остальное? «Тут игра какая-то, должно быть». Так он думал, глядя, как вышестоящий начальник энергично говорит в трубку. И спохватился: «Растолкует сходу, а я всё равно, бестолочь, не пойму. Не буду спрашивать…».

Потом опять пришла неудобная мысль: «А если бы мне дали орден, я ведь не отказался бы? Скорее всего, нет. Так в чём же дело? Думай, голова», – повторил он слова Новикова и неопределённо усмехнулся.

Новиков положил телефонную трубку и сказал, будто они и не прерывали разговора:

– Нужна сплочённость и общность усилий, понимаешь?

– Обратно нет, – намеренно отозвался Ковальский фразой, которую часто говаривал Свинарёв, и улыбнулся.

Новиков невозмутимо продолжил, полагая, что нужны пояснения:

– Наш командир полка говорил, что людей можно разделить условно на два типа: «яйцо в скорлупе» и «яйцо без скорлупы». Вот японцы – «яйца без скорлупы». Они не каждый в отдельности, а легко взаимодействуют друг с другом. Дружны, а потому и сильны. Много делают, потому что одинаково мыслят и действуют, понимаешь?

Ковальский не отвечал.

«А ведь Новиков не так уж и прост, как кажется. У него своя выверенная обкатанная идеология. Он даже и не философ. Он – заряженный на дальний свой прицел практичный человек. Его умение кропотливо находить идейную опору для своих действий, очевидно, важно».

Не дожидаясь ответа, Новиков встал, прихватив со стола авторучку и записную книжку:

– Пройдусь по цеху перед обеденным перерывом. Давай, вместе.

Уже на ходу, закрывая дверь, вполголоса, хотя никого в коридоре не было, но не желая, чтобы в соседнем кабинете механика цеха его услышали, он проговорил:

– Не уединяйся в себя сильно. Будь, как все. Пойдёт тебе на пользу. В коллективе нельзя быть индивидуалистом. Не поймут. Думай, как все. Поступай, как все.

«Ничего не понял», – уныло отозвался про себя Ковальский.

– Пиши заявление в партию, это тебя мобилизует, по себе знаю. Твоё место среди активных людей, иначе не реализуешь себя…

…В цеховую операторную вошли вместе. Оба подтянутые, энергичные. И единодушные. Так казалось со стороны.

* * *

…На установке ректификации их встретил Анатолий Вихарев. Развёл с досады руками:

– Помогите, я один. Не успеваю.

– Как – один? А где Мария? – спросил Новиков.

– Ей плохо, пошла в медпункт, а там её проводили домой. На больничном будет.

– А что же молчишь?

– Не успел позвонить, забегался. Температура верха головной колонны не держится. Был бы третий по штату аппаратчик, как раньше, а то – невмоготу. Нельзя тут щёкинский метод применять. Верните хоть на пуск.

– Где же взять-то его? – отреагировал Новиков. – В остальных сменах тоже по двое теперь. – Он бросил взгляд на Ковальского. – Александр, ему же ещё, – посмотрел на часы, – ещё пять часов вкалывать. Поработай в смене с ним. Попробую что-нибудь придумать до завтра, если не получится, сам

выйду. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Ковальский. – Только давайте сбегаю в буфет – перехвачу чего-нибудь по-быстрому…

– Договорились!

* * *

…В отрасли активно внедряли опыт Щёкинского химкомбината. У щёкинцев нашлось много последователей. В стране к началу 1971 года по этому методу работало около сотни предприятий, в том числе семь – в Куйбышевской области. Успехи вдохновляли.

Щёкинский эксперимент заключался в сокращении персонала за счёт совершенствования организации труда и управления. Это – как бы первый этап. На втором – рост производительности труда должен был определяться прежде всего повышением технического уровня.

В центральной операторной на столе начальника смены лежит газета «Волжская коммуна» со статьёй «Год по щёкинскому методу». Читают по очереди. Анализ и факты заставляют подтягиваться и равняться на передовых.

Передовики в области теперь – объединение «Куйбышевнефтехимзаводы» и завод «Тольяттинский синтезкаучук».

С 1 июля 1969 года по 1 июля 1970 в объединении высвободили более 1900 человек.

Если в первом полугодии 1969 года, то есть до сокраще-

ния, производительность труда возросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 0,1 %, то во втором, с переходом на новый метод, рост составил 9,4 %. А уже в первом полугодии 1970 года она поднялась на 16,5 %, а прибыль – на 32,9 %.

И так достигались нужные показатели.

Обычно газеты на рабочем месте в этом цехе не читали. Специфика технологии особая. Требовала большой внимательности и частых оперативных вмешательств. Но эта статья о насущном. Поэтому ей привилегия.

* * *

В этот раз Суслов и Ковальский приехали с завода в одном автобусе, отработав вместе ночную смену.

– Послушай, твоя москвичка – замужняя?

Лицо Суслова непроницаемо. Что у него на уме?

Они только что вошли в свою комнату.

– Откуда знаешь её?

– Видел два раза вас около дома, в котором гостиница. Москвичку твою весь город уже приметил…

– Ты знаешь, где гостиница?

– Хе, я там неоднократно бывал. И раньше приезжали… Они, москвички, у нас тут не теряются… Но такую, как твоя, впервые вижу. Не пройдёшь мимо, не оглянувшись!

– Иди к лешему! Ей двадцать семь и она холостая. Заму-

жем не была. У меня серьёзные намерения, понял?

– Фи… – вытянул дудочкой губы Суслов. – Неужели так голову заморочила, что ты веришь?

– Володь, отстань…

– Мне-то что? Вот тебе… Я отстану… Только не верю: такая и не попадала в переплёт, к двадцати-то семи годам…

Он посмотрел поверх головы Ковальского и сказал, будто сам себе:

– Красота – штука непростая, гипнотизирует… Не ты первый…

Ковальский не нашёлся с ответом и сказал первое, что на ум пришло, чтобы только закончить ненужный, как он считал, разговор:

– Знаешь, однажды проверял себя на гипноз, некоторые до дури доходят, а я – ничего…

– Саша, а ты можешь ответить, кто ты? – Суслову что-то надо было уяснить.

– Не понял? – ответил Ковальский, открывая скрипучую дверцу шифоньера.

– Не могу привыкнуть… Ты, ну, прямо, не наш, не современный человек…

– Поясни, пожалуйста. Так сказать, транскрибируй!

Суслов помолчал демонстративно, затем растолковал:

– Очень просто: живём с тобой в одной комнате, а я ни разу не слышал от тебя мата… и вообще…

– И всё?!

– Нет.

– Ты ни разу не напился! Подозрительно! Это, ну, никак не укладывается в рамки нормального нашего социалистического общежития. Неуютно как-то. Если бы был из интеллигенции, сказал бы: ты какой-то рафинированный.

– Кончай обзываться.

– Слушай, а возьми меня с собой в деревню свою как-нибудь, а?

– Зачем тебе?

– Ну… – не сразу ответил Суслов. – Посмотреть, все у вас там самодостаточные такие, или как?

– Возьму как-нибудь, – пообещал Ковальский, а про себя заметил: «Поедем – покалякает с Проняем либо с Синегубым, они ему мозги поправят…».

…Когда Суслов вышел, Александр, сидя на койке, призадумался: «Что я знаю о Руфине? Всё… и ничего… Она не рассказывает, я не спрашиваю. Кто был до меня?.. Какое мне дело?.. Ясно, что она не избалована… Наедине неопытна и даже застенчива… Не вижу фальши. Зачем ей морочить мне голову, если говорит, что у нас ненадолго? Она не верит в моё постоянство, а не я… Вот как получается?..

Странно, – продолжал размышлять Ковальский, – я уж думал, что счастье меня обошло. Но жизнь непредсказуема! Какими путями, какими тропиночками нам по отдельности надо было идти, чтобы встретиться? Непостижимо!».

* * *

Он тихо встал, чтобы не потревожить Руфину. Четыре утра. Ночник мягким светом освещал волнующую фигуру, по плечи укрытую простынёю. «Похожа на уснувшую богиню», – подумал Александр, прислушиваясь к её мерному дыханию.

По-детски чистое лицо спокойно. Верхняя губа, чуть припухшая, изредка вздрагивала. Казалось, она сейчас, не открывая глаз, что-то скажет и, как это иногда бывало, тихо улыбнётся: «Не подглядывай, я сплю…».

Он тихо пересел в кресло.

«Странно. Когда смотрю на неё обнажённую, хочется одеть в шикарное старинное розового цвета платье с глубоким декольте и войти с ней в светлую залу, где стоит фортепиано. И она непременно должна запеть старинный классический романс. Она из той, далёкой жизни!.. Как получилось, что Руфина в этом загазованном, отравленном городе со мной среди заводских пыхтящих, свистящих цехов? Научный работник? Но её ли это дело? Когда привозит из Москвы пачки масла, лимоны, колбасу – мне всегда стыдно. Стыдно, как мы тут живём. Самое необходимое – дефицит. Нас оскорбляют. Мы же неплохо работаем! Гремят фанфары! А нормальный быт только в столицах. Ясно, я не поеду жить в Москву. Но как её удержать около себя, здесь? Не имею

права. Мне совестно! Что же делать? Совестно мне за жизнь, которая окружает здесь, слышишь, спящая ты моя красавица!»

Руфина пошевелилась. Ковальский мистически вздрогнул, думая, что она услышала его мысли, и затаился. Она же высвободила длинную белую руку и, медленно выпрямив её, протянула вдоль туловища, успокоив кисть ниже высокого бедра.

«Руки милой – пара лебедей». Как поэт так мог проникновенно сказать?

Александр не лёг спать. Было не до сна. Так волновало её присутствие. И то, что с ним происходит…

В комнате с провалившимся шатким креслом, скрипучей кроватью и убогим шифоньером с двумя потемневшими деревянными вешалками находилось сокровище. Это он понимал…

…Иногда ему казалось: он скоро начнёт выть от того, что нельзя ничего сделать, чтобы всё вокруг было достойно её присутствия.

Александр не находил себе места. А Руфина будто не замечала, что с ним творится…

Она не была избалована.

XIV

Третий день, как закончился капитальный ремонт. Пуско-

вые операции велись с опозданием. Головная установка не в режиме и конечный продукт идёт низкого качества. Работа установок в технологической цепочке до цеха Ковальского сдерживается. Он, словно пробка, заткнул горловину.

Утром после планёрки у директора приехал главный инженер Ренат Агнасович.

Он посмотрел показания контрольно-измерительных приборов, перекинулся несколькими фразами с аппаратчиком, который вёл процесс, и пошёл к столу начальника смены. На ходу взмахом руки властно пригласил Новикова и Ковальского к себе.

Ковальскому показалось, что враз всё в операторной с приходом главного стало другим. Его внушительная крупная фигура, уверенные жесты преобразили её.

– Принесите бумагу. Ну, хотя бы большой кусок диаграммной ленты, – произнёс он в сторону начальника смены, глядя не на него, а мимо, на щит управления.

«Чего туда смотреть, приборы-то отключены? Эта система в резерве», – не понял Ковальский.

Когда принесли бумагу, главный кивнул Новикову:

– Чертите полную технологическую схему установки.

– Зачем время терять, вон же схема висит на стене в раме, – невольно вырвалось у Александра.

Присевший, было, к столу Новиков вопросительно глянул на главного инженера.

– Чертите, чертите!

И Ковальскому:

– Командовать здесь буду я.

«Зачем ему это?» – недоумевал Ковальский, наблюдая, как

Новиков покорно водит ручкой по бумаге. Припомнил: многие поговаривали, что главный скор на расправу.

«Он же не там ищет! Хочет обвинить технолога цеха в незнании схемы? Абсурд! Любой из присутствующих прощупал её руками, без этого нельзя! Помощи не будет, скорее, наказание», – определил молча Александр.

– Ну и где сидит зверь? – спросил главный, когда Новиков провёл последнюю линию в весьма запутанном чертеже.

– Если б я знал, – не теряясь, ответил Новиков.

«Молодец», – мысленно похвалил Ковальский.

– Дело в том, что я много раз пускал эту установку успешно, но такого не было, – проговорил Новиков. – Не выводятся колонны по температуре на устойчивый режим. И не держатся уровни. Хотя внешне всё исправно.

– Чудес не бывает, – веско сказал главный, прямо глядя перед собой.

– Понимаем: причина где-то внутри. Дайте ещё сутки.

– Ковальский, есть что добавить? – взгляд главного требователен, почти суров.

«Надо стоять за Новикова», – мелькнула мысль. Вслух Александр сказал:

– Нужны ещё сутки!

Главный ядрёно крякнул, будто после выпивки. Видимо, ему понравилось, что вокруг народ не из пугливых, можно положиться.

– Хорошо, сутки – не более…

И они пошли в кабинет к начальнику цеха.

…Быстро встав из-за стола, Ганин сходу попал под обстрел. Рукопожатие при встрече было дружеским, но тяжёлые вопросы высокого гостя заставляли втягивать голову в плечи. Это Ковальского до определённого момента забавляло, пока не возникло острое желание воспротивиться манере главного превращать окружающих в виновных школяров.

– У вас самый высокий среди родственных предприятий расходный коэффициент по пару, что-нибудь думаете делать?

Ренат Агнасович уже сидел за столом начальника цеха и так же требовательно, как и в операторной, смотрел перед собой. Только там у него перед глазами были отключённые приборы, а здесь – пустая серая стена.

«Очевидно, привычка такая – не глядеть на собеседника, так проще», – догадался Ковальский.

– Думаем… – начал, было, Ганин.

– Долго думаете. И единичная производительность реакторов у вас ниже!

– А есть ли смысл наращивать мощности, – не сдержался Ковальский, – если нет утилизации тепла, не ставим котлы-утилизаторы. Высок расход энергоресурсов оттого, что,

увеличивая мощности, не оптимизируем процессы.

Главный удивлённо перевёл взгляд на Александра. И тот, ожидая вопроса, замолчал.

– Продолжайте.

Ковальский решился:

– Проектную мощность цеха перекрыли на тридцать процентов. Меняем насосы на более производительные, а продуктопроводы – нет. Предохранительные клапана на большие размеры не меняем. Это ведёт к повышению опасности. Всё на пределе. Кому-то внятно надо сказать: хватит! Лимит давно исчерпан. Может грохнуть, – Александр давно думал о том, что сейчас говорил, и был уверен, что проблему нужно обсуждать.

– Завидный пафос! – усмехнулся Ренат Агнасович.

Ковальского царапнула эта фраза. «Серьёзно не хочет говорить? Была не была». Набычившись, произнёс:

– В конце концов, это неграмотно. А щёкинский метод усугубляет. Персонала всё меньше в обслуживании. Техника стареет. Работаем, как правило, без резерва! С оборудования, технологии надо бы начинать, а не с сокращения людей…

Главный, мотнув головой, бросил в сердцах на дальний край стола ондатровую шапку. Сказал то, чего Ковальский не ожидал:

– Ну, ты достал меня! Пойди и докажи, кому следует, только что сказанное тобой! Против течения хочешь плыть?

Я уже пробовал, чуть шею не сломали.

Ганин и Новиков переглянулись.

«Эти промолчат, – подумал Ковальский. – Они осторожные мужи… Да и время ли сейчас? Цех-то не можем пустить…»

– Зато мы гремим по области как инициаторы встречных планов… И все инициативы подхватываем и… перехватываем, – Александр уже чувствовал, что пора остановиться, но что-то мешало этому.

– Я бы с тобой не стал разговаривать, если бы не твои дипломы.

– Не понял? – сказал Ковальский.

– Ты награждён дипломом второй степени по министерству за экономию энергоресурсов, а там ещё на подходе диплом по объединению. Рацпредложение по перекрёстному охлаждению потоков водноспиртового конденсата твоё?

– Моё.

– Ну, так вот, поздравляю! Экономия за первый год его использования внушительная!

– Ренат Агнасович, а то, что я предлагаю с котлами-утилизаторами – на порядок больше даст экономию, чем то, за которое диплом этот…

– Ну, ты и язва! – Главный посмотрел на остальных присутствующих, будто ища подтверждения. – Где твои предложения?

– В техническом отделе. С отрицательным заключением

вашего зама.

– Забери и неси мне! Будем разбираться. – Он энергично взял со стола шапку. – А пока, Василий Анатольевич, – он обратился к Ганину, – пока не наладите режим и не начнёте давать качественную продукцию, буду считать, что в цехе с кадрами итээр плоховато. И надо смотреть этот вопрос…

«Как же так, – удивился молча Ковальский, – он с нами вместе всё смотрел? Причину сразу трудно определить. Сам это понимает. Ситуация каверзная и требует каких-то необычных решений. Сам не предлагает, но требует. Так разве можно?»

…Когда главный пригласил его к себе, Ковальский воодушевился. Ему понравился такой подход: «приходи – разберёмся». Ну, а потом, здесь?.. И в операторной?..

Главный ушёл, не позволив начальнику цеха проводить его. Ганин сказал, словно межу провёл между Ковальским и собой.

– Ну и завариваешь ты кашу на нашу голову.

– Какую кашу?

– Такую! Ты пытался на равных при нас говорить с главным инженером.

– А как надо? Полагаю, когда говорят специалисты – начальства нет. Все равны, – спокойно возразил Ковальский.

Ему досадно, что и начальник цеха, и его заместитель смолчали. Хотя совсем недавно, каких-то две недели назад, все его предложения одобрили.

– И потом: я ведь прав.

– Голубчик, чтобы нравиться людям, а значит, и начальникам, надо ни в коем случае не давать им намёка, что кто-то может быть разумней, чем они, – наставлял начальник цеха.

«Они, кажется, с Новиковым «японцы – яйца без скорлупы», – подумал Ковальский.

– Но мы не на улице и не на девичнике: «нравится-не нравится»? На производстве – это общее дело! – попытался он поразмыслить вслух.

Ганин терпеливо продолжал:

– Как сказать?.. Общее… Да. Но важно, где сказано и когда? Ты уж поверь мне! Совет, который дают в присутствии других, воспринимается как упрёк. А тут похуже того. Ты втолковывал ему, что лучше понимаешь ситуацию. А сам вместе с нами не можешь вывести установку на режим. Пятый день не даём нормальный готовый продукт. Главного инженера обычно в таких случаях вызывают «на ковёр» в Москву объясняться. Понял, какое настроение у него? Целая отрасль скоро начнёт задыхаться. Каждый отвечает за своё. Вся страна связана в нефтехимии в единую технологическую цепочку. Готовый продукт одних – сырьё для других. Планы, встречные планы, социалистические обязательства многотысячных коллективов связаны друг с другом. Рапорта, митинги, знамёна…

– Это разные вещи, – возразил Александр.

– Разные? Вот съездит в Москву и схлопочет там выгово-

рёшник. Думаешь, кого вспомнит в первую очередь? Тебя, милок, да меня… Мы получим из-за твоей строптивости поболее, чем могли бы… А с учётом желчного темперамента нашего главного… Надо бы смотреть на этот его брык как на природное явление.

– Но ведь это похоже на угодничество! Где-то так можно! Наверное, на стороне, где спокойнее, а здесь? Непростое производство… – не соглашался Александр.

– Я тебе – одно, а ты – другое… И у заместителя его ты теперь будешь, как бельмо…

«В споре нельзя победить, – вспомнил Ковальский давнишние слова Анны. – Всегда противник может сказать, что ты не прав. А я и не собираюсь спорить, пусть Ганин говорит. Мне надо знать, как он мыслит. Он в чём-то прав, только я пока концы не свяжу», – вёл он молча диалог с Анной. Её лицо светило издали, из глубины памяти.

А начальник цеха думал о другом: «Птицу по полёту видно. Наработаемся ещё, возможно, под началом Ковальского. Замах не то что у нас – поболее. Оттого ли, что мы вечерний институт кончали, привыкли с рабочих в подчинении, или потому, что семейные и это заставляет быть покладистыми… Не затыркали бы… Аппетит у него на работу крепок… И вот эта его способность независимо мыслить…».

Если бы Ковальский знал, о чём сейчас думает Ганин! Пожалел бы, что сгоряча сравнил своего начальника с Троекуровым. А может, и нет. Александр понял уже, что Ганин во-

все не злой человек и его несдержанность идёт часто от желания сделать дело лучше. Но столько разных препятствий… Он уже начинал понимать, что одно дело – инженерная работа в технологии, другое – руководить людьми. Не смог же родной дядька работать на стройке прорабом. Когда бригадир, не выполнив норму, настаивал на закрытии липовых объёмов, с досады ударил его по спине подвернувшимся рулоном рубероида и уволился.

«Не такая ли участь ждёт и меня? Я, очевидно, больше специалист, нежели руководитель. Часто всё делаю грамотнее и быстрее, чем многие. Если бы имел профессию, которая связана только с собственной умелостью и работоспособностью! Больше бы успевал! Есть ли такие профессии? Есть! Часовые мастера, зубные врачи… Кто ещё? – думал он. – Вообще врачи. Но ведь это не моё. Очевидно, писательство!? Но этот род деятельности непостижим для меня. Здесь всё решает особый литературный дар. Талант!»

* * *

…Они с Новиковым всё-таки вывели цех на режим. Всю ночь были на ногах. Возились с наладкой контрольно-измерительных приборов. Дважды останавливали работу колонн.

В кабинет вошли около шести утра. Там Ковальский протянул Новикову аккуратный лист бумаги.

Тот деловито принял и прочёл с расстановкой:

– «Прошу принять меня в члены Коммунистической партии, так как хочу быть в активных рядах строителей светлого будущего нашего народа».

– Ну, вот и замечательно! Это – программа на всю жизнь. Она не даст ни хандрить, ни расслабляться… – заключил Новиков.

«Почему он проявляет такой повышенный интерес ко мне? Чувствует, очевидно, вину передо мной. Назначен на обещанную мне должность, а сам ещё только учится на четвёртом курсе. Мужик-то работящий и совестливый…»

* * *

Через неделю на техническом совете у главного инженера в присутствии Ковальского согласно его предложению решили по утверждённому графику установить дополнительные котлы-утилизаторы.

А через год новшество появилось уже на всех родственных предприятиях отрасли. Министерство стимулировало внедрение передовой технологии и техники. В ежеквартальных отчетах предприятий, копии которых оно рассылало, это отмечалось особо.

XV

…Когда Ковальский вошёл в приёмную, секретарь Свет-

лана приветливо улыбнулась:

– Заходите, Александр, Валентин Сафронович говорил о вас. В кабинете двое: Самарин и тот «Лановой», которого Александр видел здесь раньше.

Выйдя из-за стола и протягивая руку, Самарин сказал:

– А это наш молодой, но очень перспективный инженер Ковальский.

Александр кивнул сдержанно головой.

– Виталий Викторович, – представился гость. Руки он не подал и не встал.

Ковальский присел к столу.

Самарин, продолжая, очевидно, начатый до него разговор, произнёс:

– …такие объёмы, такие масштабы – архиважны! Но эти же масштабы и умножают воздействие на среду обитания. Так обстоят сейчас дела в Чапаевске. Я родом оттуда. При выпуске отравляющих веществ столько заболеваний и отравлений было во время войны! И сейчас хлорорганика делает своё… И наша нефтехимия…

– Ты хочешь сказать, надо сокращать производства?

«Кто позволит?» – спросил мысленно Ковальский.

– Нет, я не за это, – чётко ответил Самарин. – Не за сокращение. А за создание малоотходных технологий. За то, чтобы сам процесс, как таковой, был безопасным для окружающих. Науке надо крепко над этим поработать. И отраслевой, и вузовской. Вот увидишь: партия за это дело скоро серьёз-

но спросит. Инженеров надо со студенческой скамьи учить беречь природу. А вы, проектировщики, совместно с исследовательскими институтами должны создать общую концепцию…

– Да… да… Возможно, ты прав… Вы тут, в глубинке, надышались отравой. Острее чувствуете… Давай заканчивать – парень мается, – гость посмотрел на Александра.

Едва они остались вдвоём, Самарин быстро переключил внимание на Ковальского.

– Александр, я понимаю, тебе тесновато в рамках твоей должности, но так получилось. Сейчас открылась возможность заняться заводской наукой. Освобождается должность начальника лаборатории фенола-ацетона. Я предлагаю её тебе. Исследований – непочатый край. Давай решай. Там можно и диссертацией заняться.

Предложение было неожиданным.

– Я не думал о лаборатории, – начал Александр. – В цехе столько можно сделать…

«Наверное, не то говорю», – засомневался Ковальский и замолчал.

– Решай, – повторил Самарин. – Пока есть возможность. Определишься – приходи, не затягивай…

…Выйдя из кабинета, Ковальский спросил Светлану:

– А кто этот Виталий Викторович? Ну, у Самарина который был?

– Главный инженер проектного института, из Москвы. Он

часто бывает, особенно после того, как Валентин Сафронович защитил кандидатскую.

Когда Ковальский был уже на первом этаже, его окликнул Костров – заместитель главного по производству.

– Что невесел?

– Получил предложение перейти в лабораторию фенола-ацетона.

– Кто предложил?

– Самарин.

– Странно… Ну-ка, пойдём ко мне.

Когда они расположились в кабинете, Костров произнёс:

– Буду рассуждать просто. Не хочу тебя захваливать, но сейчас ты на стремнине, на бурном потоке. Ты можешь стать, ну, хоть министром! Понимаешь? А уйдёшь в лабораторию – осядешь в тихой заводи. И все про тебя забудут. – Костров встал и прошёлся: – Это хорошо, что Самарин предлагает. Но говорят же, что корабль может затонуть и в порыве попутного ветра… Примерь на себя. Не такой ли случай?.. А встречный ветер несёт большую силу. Ты на взлётной полосе сейчас… Выбор за тобой и от него многое зависит.

…Через два дня Ковальский отказался от предложения. А через месяц Самарин уволился с завода и принял кафедру общей химической технологии и охраны окружающей среды в политехническом институте.

Ковальский эту весть воспринял с грустью. Калашников, Засекин, Самарин – таких людей, высвечивавших истинное

в жизни, он очень ценил.

«Из близких, подобных этим, кроме родных, у меня только Проняй да Синегубый, – невесело подумал он. – Мои наставники… профессора…»

* * *

В следующую встречу с Руфиной Александр ночевал у неё в гостинице и рассказал ей об Анне и сыне.

Они долго не засыпали.

– Хорошо бы подарить ему сестрёнку, когда поженимся, понимаешь? – говорил он, целуя её в мочку уха.

Её это возбуждало. Она вся подрагивала. Длинные ослепительные ноги мелко вибрировали. Волнение быстро передавалось ему. Он знал, что такие моменты она ждала сама, и помогал ей.

Но сейчас с ней что-то случилось.

– Ты так быстро устала? – спросил он, трогая губами завитушки волос около уха.

– Саша, это же так серьёзно – взрослый сын!

– Ну, какой он взрослый, пацан восьмилетний.

– Ничего себе, – произнесла она, переворачиваясь на живот и пряча лицо в подушку.

Александр потрогал рукой молчаливо притаившуюся голову Руфины и сказал, вставая:

– Не волнуйся, поедем в село, увидишь Сашу и всё ула-

дится. Поедешь со мной? – спросил он.

– Да, – откликнулась Руфина.

* * *

Руфина неплохо пела. Закончила музыкальную школу, была даже дипломанткой каких-то фестивалей.

Вскоре в гостиничном номере она спела и «Калитку», и «Ночь светла». Александр знал эти романсы и слегка подпевал.

– Хочется спеть не вполголоса, а по-настоящему, – сказала она однажды. – И с сопровождением. Но где?

Александр повёл её во Дворец культуры. И там, в репетиционной комнате, аккомпанируя себе на фортепиано, Руфина пела под аплодисменты собравшихся работников Дворца.

Ковальский был счастлив.

Когда закончила петь, Александр, волнуясь, неожиданно для себя спросил:

– А можешь сыграть полонез Огинского?

– Могу, – легко ответила она. И не успел он в смятении что-либо сказать, как в комнате разлилась знакомая удивительная музыка, наполняя сердце щемящей радостью и благодарностью ко всему, что есть и что будет.

Небольшая репетиционная комната в затуманенных глазах Ковальского утратила свои границы. Превратилась в просторную летнюю душистую лесную поляну, посреди ко-

торой, как нарядные бабочки, порхали светлые одноклассницы Шурки Ковальского. А меж ними – самая лёгкая и самая загадочная – Верочка Рогожинская. Собрала букетик летних цветов и издали то ли хотела дать его Ковальскому, то ли призывала вместе порадоваться цветам – протягивала ему, не замечая лукавых глаз подружек.

«Как это давно было и как много всякого потом случилось. Узнала бы меня Верочка, если бы встретила? И какой она стала во взрослой жизни? Я знал её совсем маленькой. Хрупкой и воздушной…»

– Сашенька, что с тобой? Так нельзя… Ты настолько восприимчив к музыке?

Он услышал сквозь смех одноклассниц, шумевших на солнечной поляне, голос Руфины и очнулся.

Окончив играть, Руфина подошла и провела рукой по его лицу.

– Саша!

– Всё, всё, всё… – смутившись, выдохнул он.

Руфина мягко улыбнулась.

Она была похожа сейчас на молодую жизнерадостную учительницу, а он – на подростка-школьника.

* * *

Во всей процедуре вступления в партию особенно «досталось» Ковальскому на парткомиссии в горкоме.

Комиссия удивила своим составом. Все довольно пожилые люди. А одна старушка, про которую говорили в приёмной, что она видела живого Ленина, еле передвигалась. Старая большевичка имела весьма решительное, даже суровое выражение лица.

…Ковальский сел к краю стола и ему начали задавать нехитрые вопросы. На первые два ответил односложно. Третий задала «видевшая Ленина».

– Знаете ли вы, что в нашем небольшом городе есть улица Чернышевского?

– Да, – подтвердил Ковальский. – Знаю. Я живу на ней.

Такой ответ не смутил её.

– А кто такой Чернышевский? – строго прозвучал вопрос.

Ковальский не сразу ответил. «Ну, что она, в самом деле? Один спрашивает, читаю ли я газеты, эта… Может, забыла, поэтому и спрашивает?»

– Что же вы молчите? – старушка отодвинула от себя на середину стола лист бумаги и в упор взглянула на Ковальского. Удивлённо так смотрела и долго.

Ковальский хотел, было, уже ответить, но старая партийка опередила:

– И вы не знаете, что он написал? Какой роман?

– Если иметь в виду «Что делать?», то мы могли бы все не знать о нём, если б Некрасову не вернули потерянную им рукопись этого произведения.

– О чём вы? – строго проговорила старушка. – Не пони-

маю. По существу вопроса можете отвечать?

Так получилось, что всего месяц назад совершенно случайно Ковальскому в заводской библиотеке на глаза попался роман «Что делать?». Пробежав предисловие, поразился тому, что в школе этот знаменитый роман, «глубоко перепахавший» Ленина, его оставил равнодушным. Перечитав в общежитии книгу под ироничным взглядом Суслова, Александр узнал для себя много любопытного.

Пауза затягивалась. Ковальский почувствовал: надо отвечать «по существу», иначе будет поздно.

«Бухнуть, что ли, им всё сразу… или по частям?» – вертелось в голове.

– Работу над романом Чернышевский начал на пятом месяце заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где содержались наиболее опасные, с точки зрения правительства, преступники. Это было в декабре 1862 года.

Лица членов комиссии повернулись к говорившему. Ковальский решил продолжать:

– Кто такой Чернышевский, крепостники понимали уже тогда. Они знали, куда звал Чернышевский передовую интеллигенцию и народ своими статьями. В их глазах он был «коноводом юношей», «вредным агитатором». Они видели, что Чернышевский и его единомышленники готовят взрыв революции. После опубликования в журнале «Современник» в 1863 году цензура роман запретила. Его переиздали лишь в 1905 году.

Председатель комиссии, грузный, седой Рябинин хотел, было, прервать говорившего, но в последний момент не осмелился. Его рука, поднятая над столом, замерла и он не торопился ею пошевелить. «Занятный молодой человек! Про Плеханова не начнёт ли кто спрашивать? – усмехнулся про себя. – Не уморил бы».

Голос Ковальского, спокойный и уверенный, всем пришёлся по душе.

…– Могучей фигурой «особенного человека» – Рахметова автор ответил на вопрос «что делать?» для освобождения России от самодержавно-крепостнического ига. И у Рахметова, и у Веры Павловны были свои прототипы. Об этом говорил сам Чернышевский. – Ковальский сделал паузу. Все молчали. «Им интересно, они всё перезабыли? Напомним». – В образе Веры Павловны отразились черты характера жены Чернышевского Ольги Сократовны, но основной прототип – её сестра Мария, – продолжал он. – Они дожили до Великой Октябрьской революции, Мария умерла в 1929 году, Ольга – раньше.

– Вот вам, Мария Степановна, и ответ! Говорите, молодежь мало интересуется историей? Ещё как! – Рябинин поверх очков посмотрел на Ковальского и предложил: – Может, не будем больше спрашивать Александра, а? Молчание – знак согласия. – Он добродушно улыбнулся, будто не замечал колючего взгляда старой заслуженной большевички.

XVI

Есть за селом Домашка совсем недалеко, чуть в стороне от большака, небольшая деревенька Бариновка. Как только её чуть минуешь и поднимешься через небольшой мост на взгорье, тут тебе и откроется справа – неоглядная степь, слева внизу – огромная луговина. А там, вдали за ней – притулившееся к реке Самаре село Утёвка.

Здесь Руфина и попросила остановить машину. Румянцев остался возиться у старенького отцовского «Москвича», а Суслов, Руфина и Ковальский направились к луговине.

– Сашенька, – Руфина показала рукой в сторону раскинувшегося села. – Что-то на фоне облаков поблёскивает и сливается с ними?..

– Это Троицкий храм, церковь, – откликнулся Александр. Она подошла и прижалась сзади, обняв ласково за плечи.

«И назвала меня так – «Сашенька», впервые при посторонних обняла… Что это? Степь так действует?»

– Очень люблю эти первоосенние дни. Природа грустит так светло. Притихла. Пер-во-осень. Как красиво звучит, – произнесла Руфина.

– Она в раздумьи: и с летом жалко расставаться, и осени не миновать. Бабье лето… И твоё!

Глаза у Руфины повлажнели, слегка потемнев, но Александр этого видеть не мог. Только острее почувствовал её

дыхание.

В осенней вышине, в светлом прогретом воздухе, словно в летнюю пору, на удивление зазвенели жаворонки. Ласка бабьего лета ввела их в заблуждение!

Остановившийся неподалёку Суслов прислонил ладонь к берёзке, вспыхнувшей костром под напором калёных солнечных стрел.

– Саша, а что такое изумрудное внизу… там… – Он показал далеко вниз, на то место, где когда-то, в детстве Ковальского, было озеро, а теперь образовалась ровная долина.

– Это отава украсила луг. Сентябрь встретился с июнем. Теплынь. Вот и откликается всё так, будто начало лета… Но это ненадолго. Скоро 14 сентября – межа. День-летопроводец. Мы попали в самую хорошую пору. Скоро по утрам будет попахивать морозцем.

– Ты крещёный? – спросила Руфина. Она спустилась ниже Ковальского по обрыву и смотрела теперь на него снизу вверх лучистыми, ставшими светло-голубыми, глазами.

– Да, с детства. Мама крестила меня не в нашей церкви, а в соседнем селе. Наша церковь не действует.

– Саш, а вот смотри, – проговорил Суслов. – Попробуй убери купол храма или храм из этой панорамы и всё потускнеет, верно? Словно он притягивает свет небесный. Всё вокруг светлеет…

Ковальский невольно ещё раз оглядел окружающее. Сколько раз сиживал он в детстве у этого ильменька на зорь-

ке. Как часто гонял здесь стремительных чирков. Наблюдал, как учились летать, готовясь к дальним странствиям, молодые медлительные выпи.

…Теплынь толкнула лёт тенетника. То здесь, то там мелькали в округе молодые паучки. У них своё кочевьё. Ищут новое пристанище.

– Саша, а вот это же не паутина? – удивилась Руфина, показывая на рукав своей куртки.

Ковальский подошёл, снял белесую нить и пояснил:

– Это семена степного ковыля, смотри… Просушенные летним солнцем ости легко подхватываются ветром и летят неведомо куда, пока где-то не опустятся. Трава мешает семени добраться до земли. И лишь когда в росистую ночь ость отсыреет, ввинчивает острое семечко в почву. Утром солнце начинает подсушивать её. Ость скручивается и отрывается, уносимая ветром. Семечко остаётся. Из него появляется потом пушистый красавец – ковыльный веер…

Руфина смотрела на Ковальского изумлёнными глазами. Ноздри её мелко и чувственно подрагивали. Она приблизилась и, обняв Александра, поцеловала в губы. Когда их дыхание возобновилось, прошептала:

– Ты рассказывал, как поэт! – И вновь приблизила свои губы…

– Мне завидно! – отреагировал негодный Суслов.

Смутившись, Руфина легонько оттолкнулась от Ковальского.

– Хотите, стихи почитаю, – предложил подошедший Румянцев.

– Хотим! – ответила за всех Руфина.

Николай легко провёл рукой у своего лица, отведя в сторону паутинку, и начал:

– Цветы мне говорят: «Прощай!» —
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Её лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую приемлю…

Голос чтеца оказался на удивление чист и мягок. Он на мгновение затих и, видя, что все внимательно слушают, продолжил:

– И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторимо.

Не всё ль равно – придёт другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой

Пришедший лучше песню сложит.

И песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

Едва Николай закончил, Руфина захлопала в ладоши.

– Замечательно, Есенин в степи!

– Не ожидал! – удивился Ковальский. – На рыбалке ты не читал стихов. Да так проникновенно!

– Там кругом вода, а здесь – степь! Не удержался!

– И Руфины не было, – добавил Суслов, засмеявшись.

После небольшой паузы Николай произнёс:

– Странно, что у Есенина о реке нет ни одного стихотворения. А вырос на Оке.

– Неужто так? – отозвался Суслов.

– Да, – продолжал Румянцев. – Есть такие строчки: «На кукане реки тихо песню поют рыбаки…». Но вот штука какая… – сказал так и замолчал.

– Ну, говори, – не терпелось Руфине.

Николай ответил:

– Я – рыбак, знаю, что такое кукан. Это приспособление из лески, верёвочки или проволоки. На него надевают через жабры пойманную рыбу, понимаете?

– А-га, – сказал Суслов. – И что же?

– Когда сажаешь рыбу на кукан, жабры рвутся, руки в кро-

ви, рыба – тоже…

– И что же? – снова спросил Суслов.

– «Что же»? Вот посади тебя на кукан? Какую песню запоёшь?

Лицо Суслова превратилось в сплошную гримасу.

– Ну, ты, начальник, даёшь, – сказал он. – Так можно испортить, что угодно, не только стихи.

– Вот и я говорю, – невозмутимо продолжал Николай. – Какая на кукане песня?

Руфина заступилась за поэта так энергично, будто тот из их компании, только отлучился куда-то.

– Ну, что вы, ребята, Есенин – гений. Поверим ему! Это же поэзия! Её нельзя иными законами выверять. Только поэтическими. – И добавила задорно: – Какие вы все молодцы! Мне так хорошо с вами!

* * *

Добравшись до села, они пересекли его, не останавливаясь, и оказались на шоссе, ведущем к озеру Бобровое и далее к селу Покровка.

Постояли на высоком берегу озера, наблюдая, как на илистой косе со стороны села пошумливает огромная стая куликов.

Ковальский вспомнил, что на другом конце озера обычно много ежевики. Захотел порадовать спутников.

Когда подъезжали к заветному овражку с ежевикой, наткнулись на Николая Яндаева. Он, как всегда, скакал трусцой на своём меринке. Стадо растянулось в ложбинке между озерами Бобровое и Латинское.

«Примета хорошая, – подумал Ковальский. – Попробую на удачу загадать. Если узнает меня, то у нас с Руфиной всё будет хорошо, нет – не судьба».

Когда приблизились, Александр поприветствовал Яндаева и спросил:

– Сашка-то, брат, в Ташкенте так и живёт?

– А ты кто такой, не припомню?

«Ну, вот… – упало сердце у Ковальского. – Не судьба».

– Вместе учились, я Ивана Головачёва внук, Ковальский.

– А что ж я тебя сразу не признал? Сильно изменился.

– А ты – нет.

– Ну, я что? Мне зачем меняться, остаться бы, как есть…

…Заросли ежевики удивили.

Едва поднимешь плеть, крупные ягоды, одна другой краше, будто подмигивая, манят к себе.

– Царство агатовых глазок, – удивилась Руфина. – Какое у тебя должно быть интересное детство!.. Такие облака, небо, озёра – тебе повезло очень…

«Сколько ел ежевику, никогда не думал, что так можно красиво сказать: «агатовые глазки»!» – порадовался в свою очередь Александр.

…Дома у Любаевых – никого. Вместо замка – дверная

цепь наброшена на кольцо.

Александр прошёл в огород. Ни матери, ни отца там нет.

– Поехали к сыну, – вернувшись во двор, предположил Александр.

– А как же… – начала, было, Руфина.

– Записочку оставлю…

* * *

Посреди широкого двора Бочаровых, куда гости вошли цепочкой, стояли Григорий Никитич и Проняй Плужников.

– Ах, Боже, какие гости! – выходя из мазанки, всплеснула руками Дарья Ильинична. Подошла и погладили Александра по плечу: – Давно приехали-то?

– Да только что. А Саша где?

– Наверное, у Гришаевых, сейчас сбегаю…

Мужики поздоровались.

– Как, дед, жизнь? – спросил, обращаясь к Проняю, Ковальский.

– Да как? Арбуз растёт, – он похлопал по животу, – а вешка, извиняюсь, сохнет…

Суслов хохотнул.

– Ну, дед, – обронил Александр и поёжился от ответа. Ему неудобно, что такое может услышать Руфина, но она о чём-то говорила в сторонке с Румянцевым и, кажется, не слышала Проняя.

– Ты, старый, полегче, – проговорил Бочаров, – а то, понимаешь…

Всё понимал Проняй. Озорно прибавил голосу громкости и возразил:

– Ну, какой же я старый? – Пошевелил губами, закусив край усов. Хитро прищурился. – Старость, вернее, её первые приметы, знаешь, когда начинаются? – Почти серьёзно посмотрел почему-то на Ковальского и, не дождавшись ответа, продолжал: – Она приходит, когда любая молоденькая, извиняюсь, бабёнка, начинает казаться красавицей, смекаешь?.. А я пока ещё бесперспективный в этаком роде… Мне моя супружница всех видней до сих пор. А она на год старше меня, вот ведь как! Такая любовь!

– Красавица, видать? – подыграл Суслов.

– Красоту в щи не положишь, – коротко отозвался дед.

– Дед, а что такое любовь, ты понял? – Суслов весело смотрел на Проняя.

– А ты знаешь?

– Знаю, – ответил Суслов.

– Ну, скажи, я антиресуюсь этим делом давно.

– Любовь – это чувство, возникающее у людей, недостаточно знающих друг друга.

– Да, – неопределённо проговорил дед. – Учёный ты, видать, парень. Запиши мне потом на бумажке – к старости сгодится!

Все засмеялись.

Проняй краем глаза подметил, что и «красивая дамочка» засмеялась, и остался доволен собой.

Пришли сразу Дарья Ильинична, Саша и Екатерина Ивановна. Во дворе стало пёстро и шумно.

– А я очки-то еле нашла, прочитала и прямо спотыкошки бегом сюда. Вас тут столько! Как хорошо-то! – радовалась Екатерина Ивановна.

Начали знакомиться.

* * *

…Когда поели-попили на большой летней открытой веранде, все женщины дружно ещё малость похлопотали, убирая посуду. Потом, забрав Ковальского-младшего, пошли в сад, который, в отличие от огорода, не прямо у дома, а через дорогу. Так почти у всех, кто живёт на Дачной улице.

Мужики остались одни во дворе на брёвнышках.

Проняя так и не отпустили домой (а он и не хотел уходить, а только «для блезиру» собирался). Куда торопиться? Публика такая интересная. Дед и Суслов курили.

Первый заговорил Проняй:

– Счастливый ты, Григорий, около тебя внук. Как ни суди – радость великая! А мои не доверяют нам. Сноха не доверяет. Она, конечно… Ни однова не оставили, чтоб без них. А с ними – это всего на день-два. Пока они, родители, тута… Ну, ладно, это вам не интересно. Меня вот какие мысли жа-

лят, как осенние мухи. – Дед помолчал, то ли собираясь с духом, то ли на «испыток», как он говорил, брал: коли будут слушать, не перебьют, согласен говорить. Все молчали. И он начал не спеша:

– Недавно имел беседу с директором школы. Кое о чём толковали. Так он говорит, что мои рассуждения направлены на подрыв устоев общества. Ты, говорит, зловредные мысли гонишь. А чего я гоню? Они сами висят в воздухе, только от них все отмахиваются, а я – нет. Я присматриваюсь и понять хочу. Вот ты, например, Ковальский… мысли мои…

Бочаров добродушно засмеялся:

– Он, Саша, тебе сейчас морочить голову начнёт. По-другому не может.

– Да не я морочить собираюсь. Помогите, чтобы голова моя из заморочки вышла.

– А что за мысль-то? – Ковальский улыбнулся.

– Да я всё свово поджидал сына, а ему неколи. План по самолётам делает – главный анжинер на заводе. Редко приезжает. Некого спросить… Шишку я родил, понимаешь… Начальника.

– Бывает и такое! – озорно согласился Суслов.

– Бывает, – легко усмехнулся Проняй, – что у невесты жених умирает, а у вдовы муж живёт!

– Что спросить-то хотел? Забыл? – добродушно заметил Ковальский.

Но дед знал, на какие лады нажимать, когда разговоры

разговаривал. Пауза важна.

Он ещё чуток пожевал губами. Обнажив беззубый рот, позевнул.

– Струмент весь, что ли, износился? – улыбнулся Григорий Никитич.

Ковальский не понял, о чём он. Проняй ответил:

– Почти. Да и на кой он таперича? Цыловатца поздно, да и остальное уж неинтересно становится. А как совсем почти слепой Синегубый стал, дружок мой верный, вовсю жизнь набекренилась. Грустный очень. И я с ним. – Он замолчал. Но не надолго. – Да, вот, Сашок, скажи мне: вы у себя на заводе по плану работаете?

– Конечно, как без плана можно?

– А по какому плану? – поинтересовался дед.

– Ну, по заводскому, цеховому, – уточнил Ковальский.

– Хорошо, – произнёс Проняй. – Значит наверняка и встречный план приняли. Об этих встречных планах и в газетах, и по радио строчат. Приняли?

– Так точно, приняли.

– А зачем вам встречный, скажи?

– Ну, как – зачем? Чтоб производительность росла, продукции больше для страны давали…

– Вот твой отец, Сашок, Василий Фёдорович, к примеру, делает севодни две седелки для совхоза. Приезжает за ними эта шельма Белохвостиков. А Василий ему вместо двух – четыре: я, мол, встречный план взял, а через недельку ещё две

сверх плана. А их и не надо столько, седелок-то. Как это? Лошадей-то столько нет!

– Ну, они договорятся меж собой и решат: когда и сколько, – уверенно пояснил Ковальский и взглянул на Проняя.

Лицо у Проняя строгое и задумчивое. Ему всё равно «кое-что» непонятно.

– А сразу нельзя, что ли? Нормальный план брать? И не морочить голову. Без социалистических повышенных обязательств? А то ведь кажный раз переделка плана по всему государству надобится. Зачем заново столько людей тратят силы? Столько бумаги марает зазря? Есть власть. Сразу бы! Раз – и отрезали: вот вам план! И за работу, товарищи!

Ковальский смотрел на Проняя и не знал, что сказать. Не торопясь, начал:

– Нужна инициатива людей, чтобы они с азартом работали. Поэтому принимают повышенные планы и это поощряется…

– Э-э, дружок, инициатива? Ты плати хорошо – вот и будет инициатива, а не медали давай… Как жить-то в городе, если у тебя четверо или пятеро детей, к примеру, как у соседа моего сына. Я видел…

– У нас что самое важное в производстве? – произнёс Суслов и сам же, чтобы Проняй не увёл в сторону, ответил: – Производительность труда. Верно? Верно. – Проняй, он это видел, не торопился соглашаться. – Значит, чем больше продукта даёт одно и то же количество людей, производитель-

ность больше, – сформулировал Владимир.

– Ну, дайте норму повыше, и всё тут! – воскликнул по-молодому Проняй. – Что, не можете сами дать? Верно, не можете? Ведь, если не выполняют норму, надо увольнять. Сколько народу по стране будет безработного. Что с ними делать? Всё разъяхнуться может. Уж пусть работают на маленьких планах и берут встречные… забавляются…

– Какие – маленькие планы? – спросил Владимир.

– Заниженные, – поправился Проняй. – Я так думаю: если постоянно берут встречные планы и социалистические обязательства, значит, спервачка они занижены. – Он, было, замолчал, но тут же встрепенулся, как задремавший кочет: – А знаешь, кто их занижает?

– Кто?

– Начальники! Начальник участка, цеха, что там у вас ещё?.. Ну, конечно, директор и даже министры. Все хитрят. Каждый суслик в поле – агроном, известно… Всем надо, чтобы план утвердили поменьше. Чтобы потом, за выполнение-перевыполнение, получать премии, награды… Я так вижу, дело-то идёт, хотя ни разу директора не видел, тем более, министра… А партия не даёт им такого послабления. Партии нужно больше и больше. Она вовлекает массы против вас – начальников. Вот я и думаю: кто верх возьмёт? Ведь так долго нельзя.

– Дед, ты – стратег! Издалека всё видишь? – вступил долго молчавший Румянцев.

– А это нетрудно. Газеты почитай! Меж строк проглядывает… Кто в газете пишет, чай, сам не верит тому…

Суслов покачал головой:

– Не ожидал такого. Мы там в рабочей горячке не всегда задумываемся…

– Известное дело, со стороны виднее… – обронил Проняй, – и вы мои мысли не опрокинули. Думал, что могу быть не прав, и порадовался бы этому. А тут гляжу: не пришла ещё к вам на заводах задумчивость. И мой сын Аркадий такой же, как вы… Молодняк! Вот я и стал на думах, как на вилах.

Ковальский хотел возразить, но Проняй продолжил невесело:

– Не в силах пока власть заставить так машину крутиться, чтобы на все обороты работала. Либо нет у власти силы такой, либо с машиной чтой-то… А так энтузиазму кругом полно… – Зорко оглядел всех и задал ещё один мучавший его вопрос: – Вот город затянул нас на свою сторону, оторвал от земли, а не подведёт ли? А ну оборвётся где? Внатяг больно… Помнишь, Александр Батькович, сад-то наш яблоневый, который в степи вместе сажали? Хиреть начал… К городу прикрепили, оторвали от села, как вас, и в упадке он… Не зря все эти бултыханья ещё при Хрущёве были: то с целиной, то с кукурузой… Страну надо кормить, народ. С голодным народом власти тяжело справиться будет… Вот выход и ищут… Из одной стороны…

Проняй посмотрел на Ковальского внушительно. Ожидал,

очевидно, от него продолжения разговора о судьбе их общего любимца – сада, но Александру стало не до того…

* * *

Во двор вернулись шумной ватагой женщины и младший Ковальский. Руфина и Саша шли, держась за руки, и улыбались.

– И смех, и грех, – говорила Катерина. – Руфина стала смотреть в колодец, споткнулась и чуть не упала в него, а Сашок схватил её так, что она больше не от испуга закричала, а от того, как крепко вцепился.

– Утонула бы, что папе тогда делать? Он её привёз, – серьёзно сказал Саша. – Мы долго ждали…

– Вот и я говорю, – подыгрывала Дарья Ильинична, – ждали-ждали, когда привезёт. Привёз, а она – бултых в колодец и опять мы одни? Нет уж! Саша нас сразу всех спас!

Ковальский и Руфина несколько раз встретились взглядами и она с тихой радостной улыбкой кивнула ему. «Мне хорошо тут, так хорошо, что я не ожидала», – говорили её глаза.

Увидела, что он понял, высвободила руку и прижала к себе Сашину головку с такими же лёгкими завитушками, как у Ковальского. И Саша не отстранился и не застеснялся. От опытных Дарьи Ильиничны и Екатерины Ивановны этот разговор глазами не ускользнул. Они улыбались.

Александр светился: «Её появление везде вызывает радость. Редкий дар!..».

Ковальский-младший тоже не терялся, у него свой интерес. И он выбрал момент:

– Дед, а ты теперь, когда папа приехал, разрешишь на Гнедом покататься?

Ковальский вопросительно посмотрел на Григория Никитича.

– У Трохиных Фёдор-то конюхом сейчас, его сынишка гоняет на лошадях и нашего заманивает.

– Ну и что? Пускай…

– Да ну, ты когда начал скакать?

– Классе в пятом, по-моему…

– Вот. И наш пусть годика два подождёт. Мал ещё.

– Ну, деда? – младший Ковальский не сдавался.

А старший, поразмыслив, согласился, но с условием:

– Исполнится десять лет – попробуем!

XVII

– Дарья, я тебе тут карасиков свежих принесла. Миколай с утра наловил. Возьми, а то кошки растащат! Мне некуда их, больна много.

Никто и не заметил, как во двор вошла Степанида – соседка Бочаровых.

Она говорила с улыбкой, нараспев, ставя большую эмали-

рованную чашку с карасями на лавку у погребицы. Её широкое розовощёкое лицо добродушно. Она и не скрывала, что ей интересно посмотреть на гостей из города. А караси – только предлог. Всем ясно…

– Я через плетень гляжу потихоньку и никак не пойму, где это, милый ты мой, – она весело подмигнула старшему Ковальскому, – таких красоток находишь. Мой-то старший уже двух городских привозил показывать. Мы тут чуть не брыкнулись. Тощие такие и гордые. А твоя-то! Крепенькая какая! И говорунья! Я слышу.

Щёки у Руфины зарделись, она рассмеялась, чем ещё больше понравилась Степаниде.

– Частушки петь можешь? – неожиданно спросила она Руфину и упёрла кулаки в бока, будто готовясь плясать подгорную.

Руфина молчала. Она весело смотрела на соседку Бочаровых.

– Можешь или нет?

– Руфина романсы поёт, – вступился Александр.

Степанида отвела свои полный руки от того места, где должна быть талия:

– Я романсы не знаю, а вот в этой – души не чаю!

И она мягко и раскованно запела:

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт…

Лица у всех в который раз озарились улыбками. Было видно, что местным соседка по душе. И они ей. А приезжие? И приезжим понравилась.

Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придёт!

От ясного чистого голоса ёкало сердечко.

Будто и нет певунье её сорока пяти лет. Да и что они, эти сорок пять, если почти половина из них – ночки и денёчки вдовьей жизни.

И не успела певунья перевести дух, чтобы тронуть следующее слово, как вступил Румянцев, словно в некое соревнование:

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило,
Я вспомнил время золотое
И сердцу стало так тепло…

Ладно Степанида, но от Румянцева Александр не ожидал.

А Николай, оттолкнувшись от тёмной сохи, подпиравшей угол крыши погребицы, вышел чуть ли не на середину двора, как на сцену, успокоил руки на груди и уверенно продолжал:

Как поздней осени порою

Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас.

Румянцев замолк и не успел Ковальский вслух удивиться, как все захлопали в ладоши. А Степанида, когда аплодисменты утихли, требовательным голосом спросила:

– Это – романс?

– Ага, – смягчив «г», почти шёпотом согласился Румянцев.

– И такую красоту держишь в себе?

– А что делать? – отозвался певец.

– Вечером чтоб все были у меня в гостях, – заявила Степанида. – За один романс пять частушек даю! У меня их, как семечек в арбузе. И это: не надо с собой ничего. У меня своя особая есть наливочка… Главное, чтоб романсы были.

Она замолчала. И тут в тишине прорезался негромкий, но уверенный, притягивающий к себе хрипловатый голос.

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.

Это пел Проняй.

– Всё-всё! Поняла! Согласная я! Дед, приходи на особую и ты. Я от тебя не отмежёвываюсь.

– То-то, ядрёна балалайка, – Проняй остался доволен собой: – У всякой пташки свои замашки. Нет молочка, так сливок дай!

Всем стало смешно.

Ковальский-младший, закашлявшись от смеха, как молоденький телёночек, боднул ненароком Руфину в бедро и сконфузился. Она поймала бережно его неспокойную головушку обеими руками, притянула к себе. Оба дружно рассмеялись.

А тут ещё Владимир Суслов шагнул поближе к Степаниде и попал в центр внимания. Показался около плотненькой соседки Бочаровых ещё выше ростом. Она игриво из-под козырька-ладошки посмотрела на него, как на каланчу. Прищурилась и то ли спросила, то ли предложила:

– Спляшем, что ли?

– И споём, – ответил с верхотуры Суслов.

Она, пританцовывая, пошла по кругу и только хотела запеть, но Владимир опередил.

Стоя на одной левой ноге, правой, как клюшкой, начал выделывать такие кренделя, что его сорок четвёртого размера жёлтый ботинок стал, как живой. Он взъерошил свой обычно аккуратный чубчик и получился разбитной, забубённый гуляка-парень.

– Нате вам наше, – сказал тихо, вроде бы, но все услышали. Пропел уже громко:

Сидит заяц на заборе
В алюминивых штанах,
И кому какое дело,
Ломом подпоясанный…

И тут опять выдал Проняй. Хрипловато, но от души весело пропел:

У Тараса на плеши
Разыгралися три вши!

Вложив пальцы в рот, засвистел по-разбойничьи.

Ковальский-младший вновь стал смеяться, мотая головой из стороны в сторону. А Ковальский-старший невольно подумал: «Там, на заводе, мы – и Николай, и Суслов, и я – какие-то все одинаковые, усреднённые. Разговариваем на казённом языке, точном, но тусклом. Здесь… Не узнать».

Проняй, повернув вытянувшееся лицо, как мог, серьёзно попросил Суслова:

– Спиши слова твоей частушки шабрихе… и мне! Сразу такую красоту не запомнить… Шедевра, а не частушка. У нас таких не могло быть, у тебя в ней индустрия: металл во всём… Да… Не сотрёшь сразу грани-то. Город – он и есть город!.. Не деревня… И про красоту запиши слова, и эти… Я уж и свои-то старые частушки забывать стал. Склероз, – пожаловался Проняй, взглянув на Суслова.

Тот решил пожалеть старика:

– Склероз – хорошая болезнь.

– Разве болезнь бывает хорошей, что городишь?

Владимир пояснил:

– А разве нет? При склерозе ничего плохого не помнишь и каждый раз узнаёшь что-нибудь новенькое…

Старик Проняй после таких слов крякнул и признался:

– Ты мне неяглым сначала показался, а теперь мерекаю: ошибся…

* * *

…Гости уехали только на второй день вечером.

– Ну, как думаешь, Ивановна, получится у Саши с Руфиной, а? – спросила Дарья Ильинична у Екатерины.

Они стоят посреди опустевшего двора.

– У старшего?

– У него.

– Да у них-то, по всему видно, всё уже сладилось. Вот как с младшим? – раздумчиво произнесла Екатерина.

– Тоже вроде ничего и с Сашенькой. Он многое уже понимает… – Взглянула внимательно на Катерину. – Наш Саша нашёл себе не простую женщину. Руфина – дива. С ней нелегко будет… Одно утешает – она, кажется, добрая…

…У младшего Ковальского тоже были вопросы, и не из легких: «Эта красивая добрая тётя Руфина, когда задал ей вопрос, тоже, как все, ничего не ответила. Она назвала меня

«младшим Ковальским». Поправил, что я и не Ковальский, и не Бочаров, в школе в журнале записан – Колесников. И сестра, которую никогда не видел, – тоже Колесникова, так бабуля говорит. Всё обещают переделать фамилию и пока никак. Когда папа приедет один, обязательно спрошу его про фамилию… А то Ковальский, Ковальский… а Ковальский среди нас только папа мой…».

У Проняя с Бочаровым свой разговор.

– Всё вот хотел потолковать ещё по одному вопросу при гостях, при москвичке-то, да не решился. Тебя не хотел конфузить, – сокрушался Проняй.

– Да ты на все свои вопросы давно ответы знаешь, говори кому-нибудь, только не мне… Тебе скажи – ты всё перетолмачишь по-своему.

– Всё может быть, – согласился Проняй. – Но я ведь давно не в счёт. Они сейчас сила – от них многое зависит, от молодых.

– От таких, как твой сын – главный инженер, по-моему, больше зависит.

– Да-да, – пробурчал Проняй. – Верно. Но ему рассуждать, как я вижу, по моим вопросам не с руки. А эти ещё непуганые.

– О чём толкуешь, не уразумею?

– Да всё о том я! Вот смотри, сейчас в городских магазинах шаром покати. Внуки мои любят пирог «лимонник». Так вот, только из Москвы Аркадий привозит им лимон. А здесь

застрелись – не купишь. И колбасу копчёную привозит из Москвы… Разве это порядок? Я уж не говорю про деревню. Разве так можно? Работают везде! И по встречным планам – тоже! А селедки негде купить. Но в столице всё есть. Что ж, там белые люди живут, а мы – негры?

– Ну, какой Проняй из тебя негр?! – резонно возразил, усмехнувшись, Григорий Никитич.

– Верно, хреновый, – согласился покорно Проняй. – Но вот гости приехали и забегала твоя Дарья по магазинам, как савраска. Ухватить хоть бы чего! А там – шиш! Рожки да макароны. И печенье. Так разве должно быть-то? На великом нашем пути к коммунизму? Хрущёв выкрикнул, что будет он к восемьдесят первому году, осталось-то с гулькин нос сроку… Сомневаюсь я шибко что-то. Вот сейчас за зарплату работаем, а никак на всех продуктов не хватает. А потом как жить будем? Всем по потребностям, а совесть-то у кого околела, а у кого и не завелась вовсе. Куда идём-то все?.. Мой разум в тупике.

– Мастер ты неподъёмные вопросы задавать.

– Тебе сколько, Гриша, годов-то?

– Зачем знать?

– Ну, всё ж-таки?

– За семьдесят.

– А мне куда поболее. Я хочу знать, чем всё это кончится. Боюсь, не доживу…

– Что всё-то?

– Всё, что вокруг нас. Столько уложили голов в гражданскую, в коллективизацию и так… окромя этого, а результат будет? Знать хочется.

– И ты хочешь, чтобы тебе эти ребята ответили? Дед, ты наивный, как пионер.

– Не наивный, некуда деваться. Цельные, я знаю, институты есть по этим вопросам. Вот с кем-нибудь оттуда столкнуться бы, а? Часок хоть поговорить бы… Ведь они учёные люди! Многие, поди, додумались и помалкивают. Знают и молчат. Хуже врагов народа. Ждут, когда посмеяться над нами…

– Проняй, прекрати эти разговоры! С меня хватило уже… С тебя, как с юродивого, какой спрос? А мне… не набуркался…

– Ладно. Ты тифтик ещё тот. Эти вопросы надо, конечно, решать в других инстат… инстц… Никак на нужную букву не попаду, – пожаловался он, кажется, вполне всерьёз. – Вот – инстанциях, фу-у – я это слово никогда с первого раза не покоряю… в верхах…

Проняй в тот день ещё приходил. Вроде бы, по делу. И опять разговорился с Бочаровым. Не мог Григорий Никитич по складу своего мягкого характера шугануть старого. Чтоб не баламутил… Обозвал только дедом Щукарём.

Проняй не обиделся:

– Разве я так просто балагурю: глубину вопросов никто не постигает, вот беда какая… В метриках всем понаписали

при рождении, когда и где кто родился. Они и успокоились на всю жизнь. Но ведь не написали никому: для чего родился, зачем? А надо понять, зачем родился. И зачем, для чего вершится всё. А так, ядрёная балалайка, пробренчишь попусту всю жизнь…

XVIII

– Никак не привыкну: ты такой впечатлительный, как ребёнок. Сдерживаешь часто себя, я вижу. Иногда в тебе чувствую такую бездну, что никогда до конца, боюсь, к тебе и не приближусь… Как ты работаешь с людьми? Тебе труднее многих. Ты так тонко реагируешь на запах, цвет, выражение лица человека. В тебе постоянно идёт невидимая работа. Можешь быстро износиться, Саша… Словно взвалил на себя груз, который должны нести несколько человек. А трудишься один…

Руфина и Александр сидят на том самом заветном берегу Самарки, недалеко от осинок, где когда-то он ночевал с Анной в скошенной траве.

День ведреный, а нет того уюта в природе, который был всего недели три назад, когда весёлой компанией приезжали в село на «Москвиче». На широкой, окаймлённой с трёх сторон ветельником поляне не видно, как раньше, паутин…

На правом берегу Самары поднимающийся ярусами чуткий осинник шумит уже не так, как летом. Ни пряных запа-

хов, ни птичьей щебетни…

Ковальский и не понял, как оказался с Руфиной на этом памятном для него месте.

«Как она похожа на мою детскую любовь – Верочку Рогожинскую! – В который раз вновь думал Александр. Мысли вились легко и безоблачно: – Будто это выросшая она, которую видел и помню только маленькой. В последних классах казалось, что наша «химичка» Валентина Васильевна на неё очень похожа. Теперь – Руфина. Да-да, конечно, Руфина – Руфина больше похожа».

Александр нащупал рукой сбоку от себя на старом теле ветлы, на которой они уселись, большой шершавый кусок коры и задумчиво бросил в воду.

«В детстве из такого куска обязательно вырезал бы кораблик».

– Саша-а, ты где-е-е? – Руфина потянула его за рукав ветровки.

– Мой генерал! – Он поднёс ладонь к виску. – Я здесь, жду приказаний!

В глазах Руфины вспыхнул озорной огонёк.

– Я приказываю поцеловать меня.

Он поцеловал её в губы.

– Вот так быстро? И всего разочек? Какие же у меня безынициативные подчинённые, а?

Руфина взяла его лицо в свои ладони и стала, как маленького, еле прикасаясь горячими губами, целовать везде, кро-

ме губ, оставляя возможность говорить нежности.

Александр, поймав её губы, неудержимо потянулся рукой к груди. Она зашептала горячо, не отстраняясь, подрагивая:

– Сашенька, день. Светло! И нас кто-нибудь наверняка увидит. И птички эти! Подождём до дома, миленький.

Когда он успокоился, предложила:

– Саша, давай обсудим кое-что!

– А что обсуждать? Вернёмся в город и подадим заявление в загс. Товарищ аспирантка Руфина Смирнова, вы расписываться умеете? Или только целоваться горазды?

– Ах, ты так! – Она повалила его. Ковальский стал сопротивляться, лёжа на бревне. Они скоро оказались на траве и покатились к обрыву.

– До обрыва метров пять, а там – река, если не успеешь согласиться – нам конец!

– Сашенька, когда я в твоих объятиях, мне ничего не страшно. Но я не умею плавать. И мне больно шею, – пожаловалась Руфина. – Шея моя…

Александр разомкнул руки и попросил показать, где болит. Руфина пальчиком ткнула за ухом и он поцеловал там. Потом хитрый её мизинчик скользнул в другое место – и там поцеловал. Потом… получилось, что болела вся шея… И не только она, бедненькая…

Когда возвращались, Александр почти мистически думал: «Хорошо ли, что мы с Руфиной целовались там, где когда-то был с Анной? Что бы она подумала? Но она всегда хотела

мне самого доброго… Я нашёл себе женщину, а Саше, кажется – мать. Теперь, когда Анны нет, – это благо для всех. Если души бессмертны, то Анна смотрит сейчас на нас и светло улыбается».

От этих суеверных мыслей отвлекла Руфина:

– Сашенька, ты уверен – сын должен в селе расти?

– А где же ещё? – ответил Ковальский. – Я вначале питал некоторые иллюзии: хотел забрать в город, снять квартиру… Но ведь в школу надо его провожать, днём кормить… Как это организовать?

– Саша, а давай сделаем эксперимент?

– Какой?

– Как только защищусь, заберу его к себе в Москву, а? Мы с тобой вместе постараемся все бытовые дела устроить.

– Руфина, ты сейчас, как и я после окончания института, в эйфории. Но защитишься – дальше хлопот ещё больше будет. Не до Саши. У меня другой эксперимент.

– Какой?

– Не придумал пока точного названия. Суть – в патриархально-индустриальном воспитании сына.

– Сашенька, непонятно, поясни.

– Издалека?

– Как удобнее.

– Я считаю, что первые лет двенадцать человек должен жить в селе. В селе всё как на ладони. И отношения людей, и жизнь животных. Это многому учит. Стоит только одно

сенокосное лето провести в артели… Здесь, в селе, я давно знаю, кто чего стоит. И если один умеет только балагурить, а работать не научился, к нему и соответствующее отношение. А если, как мой дед Иван Головачёв, – молчалив, но в любом деле профессор, так это все знают. Уж не говорю об отце Василии Фёдоровиче… И вот думаю: а ведь в городе такого нет. Ребятишки своих родителей в работе не видят. Два раза в месяц взрослые с завода приносят получку – и всё. А какие они в деле, детям не видно. Получается большой разрыв. Сосед по площадке непонятен. Бегает на службу. Какой он вне семьи? Возникнет ли у сына в городе своё понимание, как можно и нужно трудиться?

– А почему патриархально-индустриальное?

– А вот подрастёт Саша и я периодически его начну возить в город. То под ногами асфальт, а то сельская дорога с коровьими лепёшками. Пусть чувствует и ритм города, и знает, как появляются на свет ягнята. Надо уметь запрягать лошадь, подшить валенки.

– Ну, это крайности – валенки подшивать! Он же будущий горожанин. Зачем ему это?

– Получилось так, что он вроде меня – будущий интеллигент в первом поколении. Пусть соответствует. Это поколение из деятельных людей.

– Саша, теперь поняла, почему ты хочешь, чтобы у тебя в семье было не менее шести детей! Ты задумал спасать общество! Заселить его Ковальскими?

Она засмеялась, и он, поймав её за руку, потянул к себе.

…Он целовал, а у неё текли по белым щекам слёзы.

– Руфина, когда ты так плачешь, я теряюсь. У тебя всё нормально? Что у тебя там, в Москве? Ты не рассказываешь…

– Сашенька, потом, попозже… Я не готова… Ты у меня сейчас – единственное чудо! Не хочу ни о чём думать и говорить…

…Когда уже подходили к селу, спросила, заглядывая пытливо ему в глаза:

– Саша, а крепенькая женщина, загорелая такая – Аксюта, когда мы были у Любаевых, ну, которая пришла и быстро ушла, на тебя смотрела по-особенному… Она к тебе неравнодушна. Я это почувствовала. И на меня смотрела настороженно как-то…

– Я тут на глазах вырос, поэтому равнодушных вокруг нет.

– Увиливаешь, конспиратор самодельный, да? Саша, а ещё вопрос можно? – и, не дождавшись ответа, произнесла: – Твой отчим и ты? Вы очень похожи. Знаю, что говорю нелепость, но внешне вы как отец и сын. Эта мысль у меня не выходит из головы весь день, с утра, как его увидела. Что это такое?

– Не знаю, не ты одна так думаешь…

Он смотрел на неё внимательно. А Руфина, увидев ярко-жёлтую бабочку, плавными и красивыми движениями на цыпочках попыталась подкрасться к ней. Во всём её теле,

в стройных и крепких ногах, театрально вытянутой к бабочке изящной руке, красиво посаженной голове, чувствовалась случайно попавшая на эту поляну представительница какой-то особой, нездешней породы людей. Она сама походила на бабочку! Но такую, каких Ковальский никогда прежде не видел.

– Как прекрасно, что землю населяют не только люди, да! – сказала Руфина, наблюдая за порхающей нарядной бабочкой.

Эта фраза удивила его.

Она положила руку ему на плечо и зашагала рядом. Заглядывая в глаза, спросила:

– Почему ты иногда так грустно смотришь на своего сына?

– Не на Сашу я смотрю грустно. На родителей своих, скорее, и на всё это, – он кивнул в сторону речки, огромных вётел за спиной.

– А почему, Сашенька?

Ковальский не торопился ответить. Они подошли к мосту через небольшую речку около села. Рядом, чуть левее внизу и вверху, мелькали стрижи. Он попробовал последить взглядом за одним из них. Но скоро потерял из виду.

– Понимаешь, мы с Сашей оба, как кукушата…

– Кто? – переспросила Руфина.

Александр, усмехнувшись, пояснил:

– Мы с моим сыном, оба… кукушкины дети…

– Это отчего же?

– А оттого, что мы словно были подброшены сюда на время. Я выучился в школе и шагнул в сторону, в город. Он вырастет, будет то же самое. Сначала мои родители лишились меня, теперь Бочаровы скоро останутся одни. Уедет Саша, какая разница, в Куйбышев или Москву. Жизнь пойдёт порознь. Как ни крути.

– Подожди, о чём ты? Разве другие не уезжают?

– Уезжают, – согласился Александр.

– А оставшись, пропали бы здесь, – уверенно произнесла Руфина.

– Не знаю. Посмотри, какая иногда печаль на лицах моих родителей, на лицах Бочаровых. Знают, что здесь нету точки приложения сил. И понимают, что это ненормально. Всё, что они делают тут, на земле, знают – никому не нужно. Потом будет никому не нужно. Наше поколение тихо, с их же согласия, предаёт. Ради лучшей жизни. Но предательство – всегда плохо. Прошлый приезд мы с отцом пошли в сад. Там «московская грушёвка» вымерзла. Стоит яблонька сухая. Я говорю: «Осенью надо посадить другую». А он посмотрел почти виновато, не осуждая никого, и ответил: «А зачем? Для кого? Все вы разлетитесь, а нам с Катериной много ли надо? Пока она вырастет…». Он и в мыслях не держал, я знаю наверняка, а всё равно подтолкнул меня: кукушата мы…

– Я – горожанка… По-моему, всё это, – она запрокинула голову, – этот купол неба, как сказал Суслов, и есть крыша дома. Дом там, где ты всего нужнее, где могут раскрыться

силы и талант.

– Чувствую одно, – не возразил, а продолжал думать вслух Александр, – человеку предначертано полностью раскрыться только, где он родился. Силы его там, где произошло таинство рождения. Сейчас, видимо, такой период, когда люди идут не туда. Им пока позволено так поступать. Но время придёт, и многое станет очевидным… Иначе отчего постоянное чувство вины?.. В этом что-то таинственное…

Руфина не стала отвечать. Только подумала, что непоколебимое стремление понять то, о чём в её столичном окружении вообще не думают, часто размагничивает Ковальского, делает слишком мягким. Он начинает терять себя.

«В нём порою открывается такое, что мне, бедненькой, страшно неуютно становится. А хочется просто жить, порой подурачиться. Он так, кажется, не может, – уже не в первый раз думала она. – Ему когда-то крепко досталось… Может, крепче, чем мне?.. Седая прядь в густой шевелюре на самом виду, над левым виском – как отметина…»

* * *

Приехав в Москву, Руфина не находила себе места. Маялась неотступными мыслями о Ковальском. Плохо спала ночами. Скверно работалось днём. После того, что рассказал Александр о себе и Анне, узнав про сына и увидев его, она окончательно поняла, что не сможет стать женой Ковальско-

го.

«Ну, какая я жена? Он так хочет иметь много детей. Такой цельный и ранимый. Если обману: выйду за него и не рожу? Для него будет такой удар, второй после Анны… Это для нас обоих будет тупик. Возненавидит меня. А я – себя, за то, что лишила его нормальной семейной жизни. Бросить меня он не сможет… Какие красивые у нас могли бы быть дети! Я же вижу: когда вдвоем идём по улице, нам вослед оборачиваются прохожие… Взять ребёнка из детского дома? Но это же не то, что ему нужно… Нет… Лучше в самом начале остановиться…»

Терзания выбивали из колеи. Под глазами появились тёмные круги.

…Она не могла иметь детей.

Это случилось три года назад. Руфина и Борис едва познакомились и успели всего несколько раз встретиться, когда обнаружилось, что ей предстоит серьёзная операция на почках. Борис уверял, что будет вечно любить, какой бы она из больницы ни вышла. Переговорил со всеми врачами, к которым смог пробиться. Не хотел и слушать, что операция может быть неудачной, и она как-то успокоилась. Пришла в себя от внезапно обрушившегося удара. Мать жила в далёком Барнауле. Она решила ей ничего не сообщать. Всё действительно прошло успешно. После операции Борис и его сестра поочередно дежурили около Руфины. Из палаты Борис вынес Руфину на руках и увёз домой, где жил с родителями.

Она была бесконечно благодарна Борису, но особых чувств к нему так и не успела испытать.

Руфина еле ходила, когда Борис отправился с геологоразведочной партией в Сибирь.

Уезжая, настойчиво просил ждать. Заявил, что непременно, как только вернётся, они поженятся.

Руфина кивала согласно головой, не понимая, как быть: ведь это не любовь. Он её любит, но она… Она обязана, может быть, ему жизнью, но это другое!

Прошло полгода. Оказалось, что Борису необходимо задержаться ещё на два месяца.

Она окончательно выздоровела и вновь вернулась к занятиям.

Аспирантка Руфина Смирнова всегда на виду. Её трудно не заметить.

И появился Игорь. И так же, как Борис, стал неистово ухаживать за ней. Руфине он сразу понравился. Решила, что судьба ей улыбнулась.

И уж, было, готовилась перебраться в общежитие, как неожиданно нагрянул Борис.

Весёлый, бородатый… Он страшно напугал Руфину в первый же вечер своими крепкими объятиями. Родителям радостно объявил, что они идут подавать заявление в загс.

А назавтра, когда остались вдвоём в квартире, произошло то, самое страшное, что распахало её жизнь на две половины: до этого дня – и после…

…Она терпеливо ускользала от его объятий. Он же, принимая вначале это за сдержанность, пытался терпеливо добиться своего.

…Настал момент, когда Руфина стала откровенно защищаться. Борис, распалившись, уже не мог остановиться…

Взял её силой, грубо, почти не помня себя…

Так она стала женщиной.

Изнасилованная, рыдала, лёжа на противном рыжем диване… В этот же день Руфина ушла в общежитие.

…Она ждала встреч с Игорем и боялась их. Не знала, как быть. Что говорить. Верила в любовь Игоря. Во имя будущего решилась, перемучавшись, сделать аборт.

…Когда стало ясно, что не сможет иметь детей, стала думать, как уйти из жизни.

Теперь она жила опалённая сознанием того, что лишена са́мого главного, предопределённого женщине природой: рожать, иметь семью.

«Будто выскоблили не только плод, но и большую часть меня. Оставили без будущего…». Она металась, не зная, что делать. Подолгу лежала, стараясь забыться. Уйти от самой себя, хотя бы на время…

…Когда Игорь разыскал её, она была равнодушна к жизни. Дни текли, как в бреду.

Он стал выводить её на улицу, в парк, на прогулки около тихой водицы. И она рассказала о случившемся. Игорь заверил, что не оставит в беде…

Руфина, казалось, приходила в себя. И тут обрушился следующий удар.

Игорь оказался женат…

Его жена выследила их, когда они сидели на лавочке. Приставила к ним детей: девочек-двойняшек.

– Вот, Игорёк, чтоб вам совсем уж не скучно было… Не тебе одному развлекаться, имею право и я… – Сказала так и быстро зашагала к автобусной остановке.

…Игорь клялся Руфине, что давно решился на развод. Мучительно, но он пойдёт на этот шаг.

Она еле слышала его и только тихо покачивала головой. Не было ни слов, ни сил вообще что-либо говорить. Встала и побрела к своему общежитию.

Больше Игорь не появлялся.

Она приняла это с благодарностью.

…Те минуты, когда на озере за посёлком «Сокол», ещё до возвращения Бориса, Игорь подплыл к ней и объяснился в любви, она теперь не хотела помнить. Хотя то были лучшие мгновения её жизни. Объяснения Руфина тогда ждала сильно, недоумевая, почему он медлит…

…Осталась жить только оттого, что сначала не смогла решиться на крайность, а потом… вялая текучка потихоньку затянула. Отстранённо, будто со стороны, наблюдала за собой и недоумевала: «Зачем всё-таки тебе такой жить?».

Руфина пришла к мысли, что наука может дать опору. Заменить всё! «Стану учёной стервой, – однажды усмехну-

лась она невесело. – Глядишь, что-нибудь сделаю настоящее. Ведь я же так мечтала в школе о больших открытиях. Хоть какая-то польза от меня будет…»

Так прошло два года. Всё вроде бы выправилось.

Не подпускала к себе никого, всячески избегая ухаживаний… Случился, правда, один эпизод, но она не понимала, что это было…

* * *

«Почему Саша прямо не спросит, что было до него? Так иногда смотрит, будто что-то знает. Если бы спросил, мне бы легче стало, но он деликатный: «У тебя всё нормально? Что за жизнь у тебя в Москве?» – и всё! И какую часть моей беды рассказывать, решить не могу… Боже мой, как я хочу теперь с ним быть… Будто он один – мужчина, остальные – так…».

Добираться поездом до Москвы около шестнадцати часов. Есть время помаяться бессонницей. Многое передумала Руфина под стук колёс, а говорить Ковальскому о своей беде не решалась…

* * *

Этой осенью Александр и Руфина ещё раз побывали в селе…Саша пока не вернулся из школы и они решили сходить

на Самарку.

– Я так соскучилась по реке. Как маленькая, – призналась Руфина.

Едва вышли за околицу, она разулась и, довольная, шла босиком, временами пускаясь вприпрыжку. Лёгонькое светлое платьице так к лицу ей.

За озером Лопушным на Лушкиной поляне остановились.

– Сашенька, если бы не ты, никогда б такой красоты не увидала!

…Конец бабьего лета. Вновь стоят светлые дни. На Лушкиной поляне, окружённой со всех сторон высоким лесом, зеленеет отава. Ни единой вкрапинки жёлтого или серого цвета. Всё изумрудно-зелёное. Всё разомлело и разнежилось в пропаренном, окружённом старым ветельником, ольхой и липой пространстве.

Не однажды Ковальский косил здесь с отцом траву – это всегда были особые дни. Помнил ещё и то времечко, когда сенокосничали здесь артелью. Были и дед Головачёв, и часто улыбающийся лукавый Остроухов. Теперь это всё вспоминалось как нечто древнее, былинное.

И вдруг он спохватился: а где же жаворонки? Эти неутомимые, неудержимые песенники!

Только так подумал, как в густой чаще подала голос невидимая глазу птаха. Вначале робко, но потом отчётливо зазвучал её голос. И её сбила с толку теплынь.

Руфина оглянулась на Ковальского:

– Сашенька, такая истома во всём…

Александр взял её за руку. Она приложила палец к губам.

– Я так хочу послушать, – и сама же, не в силах противиться, пошла навстречу его рукам.

– На этой поляне всегда пели жаворонки, – шёпотом горячо заговорил Александр. – Может, сейчас нам повезёт!

– От всего этого голова кругом, – ответила она тоже шёпотом и стала его целовать, приговаривая: – Какая сказка, неужели это не сон! Если рассказать кому-нибудь, не поверят, что я… целовалась под соловьиное пение осенью. Это может быть только раз в жизни!

– Это не соловей, – улыбаясь, тихо ответил Александр.

Он слушал, а сам всё смотрел в небесную голубень. И свершилось! Там, в необозримых небесах, над их головами, над Лушкиной поляной проклюнулся звук, вначале короткий, а потом враз полился окрест малиновый широкий перезвон крохотных бубенцов.

Мельтешащая точка в небеси – крохотная птаха – словно нота, прыгающая по невидимым струнам, издавала чудные звуки.

Руфина, закинув голову, искала глазами певца и не находила его.

Александр стал показывать пальцем на порхающую точку в синеве. Руфина крутила головой, завиток её волос около уха щекотал ему нос и от этого ноздри его возбуждённо подрагивали.

Жаворонок на миг замер и вдруг камнем устремился вниз… Упал в шелковистую траву и исчез. Только неизвестная птаха продолжала солировать.

Руфина высвободилась из рук Александра и нескладно, как маленькая девочка, в пузырящемся своём платьице побежала туда, где должен быть чудесный певец.

– Он разбился, бедненький, разбился, – доносился её лепет. Александр стоял, молча улыбаясь.

Через некоторое время донёсся жалобный голосок:

– Сашенька, его нет! Неужели так быстро утащили хищники? Идём искать вместе! Какая несправедливость!

Ковальский подошёл и нагнулся. Их глаза оказались на одном уровне. У неё по щекам текли слёзы. Она не пыталась их смахнуть.

– Саша, было счастье и нет его?! Так жестока жизнь!

– Руфина, ну что ты? Он же просто хитрец, этот жаворонок.

– Как?

– Когда приземляется, сразу убегает далеко в сторону, туда, где у него гнездо. Или где кормится.

– Он нас так безжалостно обманывает? – вполне серьёзно удивилась Руфина.

– Да. Я сколько раз это наблюдал. Слёз на её щеках не стало меньше.

– Сашенька, эта история про нас с тобой.

– Почему?

– Была красивая песня и в один миг – нет её.

Она заплакала навзрыд. Его это обескуражило….

– Миленькая, почему ты примериваешь на нас с тобой? У нас же всё хорошо! Я тебя люблю! А ты – самая красивая женщина, которую когда-либо видел! Живу, как во сне, – у меня есть ты! Не придумывай ничего.

– Да-да, – соглашалась она. И продолжала плакать.

Не сразу Руфина овладела собой. Чуть, было, не вырвалось наружу всё то, что разрывало изнутри последнее время. И она испугалась этой минутной слабости. Ещё не была готова к тому, чтобы рассказать Ковальскому о своей беде.

…Вечером шепнула украдкой, что хочет ночевать в беседке под яблоней в саду.

Ковальский согласился, радуясь, что у неё прошёл непонятный ему нервный срыв…

XIX

«А что, если врачи всё-таки ошибаются и у нас с Сашей всё получится?!» – это спасительное предположение периодически возникало у Руфины.

Мысль гипнотизировала, и она не могла избавиться от неё. Внезапное и непреодолимое чувство к Ковальскому, многократно усиленное желанием быть полноценной женщиной, питало надежду. И она, охваченная этими взаимоусиливающимися чувствами, ждала от близости с Коваль-

ским чуда. Хотела ребёнка!

Но чуда не произошло.

После того, как Руфина поняла свою обречённость, вновь, как в первые недели после аборта, занемогла душевно и физически.

А когда Ковальский начал сниться ей маленьким ребёночком, которого, как своего младенца, кормит грудью, испугалась, что сходит с ума…

…Оставался всего месяц до защиты диссертации. Научный руководитель, сорокалетний преуспевающий доктор наук, последнее время задумчиво смотрел на неё. Она это замечала и старалась, как могла, держать форму.

– Ничего, ничего, Руфиночка, не падай духом. Всё будет нормально. Всё пройдёт и уляжется. Крепись, – так участливо сказал он сегодня утром. А уходя из аудитории, взял её правую руку в свои и, крепко сжав, произнес: – Я с тобой, что бы ни было…

Раньше он её не касался. И не называл так…

«Что он имел в виду, когда говорил «всё будет нормально и всё пройдёт»? Очевидно, только и видит мою диссертацию. Думает, волнуюсь перед защитой. Но ведь это несравнимо с тем, что со мной на самом деле происходит. Рушатся две судьбы! Рушатся? – переспросила себя Руфина. – Наоборот, Сашина жизнь и моя от разрыва только выиграют. Обе! Найдёт себе пару. Его выберут – мимо него трудно пройти. А я стану солидной учёной дамой! Всё! Всё! Решено. – Пальцы

рук, цепко ухватившие спинку стула, почувствовали боль. Опомнившись, она ослабила их. – Всё! Всё! Теперь я его сделаю, свой выбор».

* * *

Светлый солнечный день. Руфина была в лаборатории, когда вошёл бледный Олежка.

Она совсем не обрадовалась этому светловолосому высокому парню. И тому, что с букетом ромашек, тоже не обрадовалась.

– Олежка, опять ты некстати…

– Но почему же? Не виделись ровно семь месяцев и десять дней! Я тебя никак не застану, – мямлил он. Лицо его было усталым.

– Уходи, слышишь! – проговорила Руфина, невесело усмехнувшись, просяще глядя мимо него.

– Руфь, я так… вот цветы…

– Поставь в колбу и уходи, прошу тебя, потом…

– Потом?! – бледное лицо блондина покрылось румянцем.

– Потом, – лишь бы только исчез, подтвердила она.

Оставив цветы, он тихо вышел.

…Олежка со своей любовью свалился на неё задолго до первой встречи с Ковальским, когда она уже оправилась после аборта, пропал Игорь и на радость себе осталась одна.

Ей казалось, что всё налаживается. И тут этот второ-

курсник со своими назойливыми ухаживаниями, подарками. Олег так краснел при встречах с ней. Ходил на все её лекции. Садился на первом ряду.

Он жил с родителями. Отец – профессор-искусствовед, мать – художница. Ухоженный и благовоспитанный.

Руфина долго не подпускала Олега к себе. Пугала разница в годах. Но он умел находить ласковые слова! И был так трогателен. После каждой лекции пытался её проводить.

И Руфина сдалась. Поверила, что перестаёт комплексовать. Ведь совсем ещё недавно и представить не могла, что позволит кому-либо дотронуться до себя.

…В первый раз в постели Олежка оказался неумелым и растерянным. У них ничего не получилось.

Она долго потом отказывалась от приглашений зайти «на чай» к нему домой. Он, как школьник, слал ей записки, твердил, что жить без неё не может. И Руфина сдалась. И опять, когда остались наедине, в нужный момент Олег «потерялся».

После этого стал избегать интимной близости, хотя повторял, что боготворит и не может представить свою жизнь без неё. Называл богиней.

…Она устала. Не понимала, что с ним? Нормальный ли? Твёрдо отказалась встречаться при любых обстоятельствах.

Руфина начала догадываться, что всему виной её красота. «Олежка никак не мог в постели побороть в себе высокое чувство ко мне. Боже мой, что же тогда такое – красота? На каких противоположных полюсах стоят изуродовав-

ший меня Борис и бедняжка Олег? Если красота так губит человека, нужна ли она вообще?.. И что тогда у нас с Ковальским? Коль он так умел, горяч и напорист?.. Неужели это разврат? Какая я ещё дурёха неопытная… Ковальский – спасение? Да! Если бы не моя ущербность…»

* * *

Руфина уже несколько дней лихорадочно проговаривала текст и всё не решалась перенести его на бумагу.

Она одна в пустой комнате.

Белый лист бумаги слепит до рези глаза. Ей становится не по себе. Правая рука начинает мелко дрожать, она придерживает её левой.

«Саша, – вывела она неустойчивым почерком, – я перед тобой очень виновата. Это письмо принесёт тебе столько боли, я знаю тебя. Но так надо. Пока не поздно. Иначе потом будет ещё больней. Дело в том, что я не могу рожать детей. Ни женой, ни нормальной матерью мне не быть. Вот и всё. В этом моя судьба. Я смирилась с этим, но встретилась с тобой и не устояла. Теперь рву сердце и тебе, и себе. Это плата за то, что вела себя так. Дотаилась, дальше некуда.

Мы должны расстаться. Ты создашь нормальную хорошую семью. Дай Бог тебе желанных детей. Но… Сашенька, мы должны оставаться друзьями. Хочу, чтобы твой сын Саша, когда подрастёт немного, переехал ко мне в Москву. Ты

говоришь, что он до двенадцати лет должен жить в деревне. Пусть так. А вот с двенадцати я его заберу в столицу. Он многое здесь получит. Давай об этом думать вместе. Не дал же он мне тогда упасть в колодец. Теперь я обязана ему… Твоя патриархально-индустриальная метода воспитания будет действовать. И – ещё как!

Я попросила руководство и теперь долго, очень долго не приеду на завод…»

Руфина перестала писать. Вспомнились слова Шопенгауэра о том, что если обозреть жизнь каждого человека в целом, то увидишь перед собой трагедию… Тщетные стремления, разбитые надежды, роковые ошибки и в конце – смерть…

– Нет, нет и нет! – проговорила она вслух. – Начало плохое, но я сделаю дальнейшую судьбу сама.

Слова в пустом помещении прозвучали странно. Она не слышала их. Все мысли, всё сознание сконцентрировались на главном: «Я буду учёным и буду этим нужна. А ещё сделаю так, что Ковальский-младший будет моим сыном, а я – его матерью. Никакая другая женщина не сделает для него столько, сколько я».

Такую Руфина выработала генеральную линию. Права она или нет, приняв такое решение? Кто может ответить однозначно? Позавидуем ей: у неё хватило сил на поиск опоры в жизни! И, кажется, найти…

Часто ли встречаются такие женщины?

Когда закончила письмо, уже не чувствовала прежней раз-

битости в теле. Голова стала работать чётче. Словно освободилась от отягощающей сознание вины и поняла, наконец, что может быть полезной для доброго дела, вполне конкретного.

А в комнате через стенку сидел другой, внешне благополучный, но такой же, по сути, как и Руфина, загнанный судьбой человек и тихо казнил себя.

Руфина не поверила бы сейчас, что это её руководитель, всегда предупредительный, интеллигентный Альберт Исаевич.

«Как я всё-таки непростительно опоздал. Надо было раньше всё связать. Но кто знал, что случится этот её производственный роман? Я думал, она надолго остыла ко всему… До-откладывался!..»

Доктор технических наук Бахрах и раньше был неравнодушен к Руфине, но сдерживался. Не давал проявляться своим чувствам. Более того, боялся за свою больную жену… «Если даже и ничего серьёзного, люди всё равно додумают, переиначат. Она может не вынести. Что тогда?» Бахрах смирился. Ушёл весь в работу. Был цепок в делах и результативен. Вскоре о нём заговорили. Бахрах становился звездой на нефтехимическом небосклоне.

«…Но теперь, – продолжал раздумывать он, сидя за пустым столом, – теперь, когда уже полтора года, как умерла жена, а у Руфины – Рубикон, ей нужна поддержка. Именно сейчас, сейчас… И потом, – продолжал он искать дово-

ды «за», – ей надо стать доктором наук. Нужны условия для дальнейшей работы… Где будет жить? Так в общежитии и сидеть?.. После того, что случилось у неё с Борисом (он полагал, что знает достаточно о её беде), она долго не выйдет, не решится выйти замуж. Мы с ней идеальная, – на слове «идеальная» он покачал головой, – пара. Мы нужны друг другу. Находка? Да! Мы друг для друга – находка! У меня есть оболтус Вадим. Ему уже шестнадцатый год. Хватит и одного ребёнка. Что остаётся? Она да я. И наша наука! Немало. Если смогу спокойно и последовательно обо всём сказать ей, должна решиться на брак. Она – умная женщина. Даже не на брак. Можно устроить что-то вроде испытательного срока: не расписываться, но жить. А потом, через годик, пусть решит, как дальше…

Нет! Так не пойдет! – опомнился он. – Нас же загрызут, сплетни пойдут. Надо сразу: в загс – и всё! Один раз!.. Навсегда».

Поразмыслив немного, решил, что разговор с Руфиной должен состояться после защиты. А до того – ни слова…

XX

Письмо от Руфины Александр получит только через три недели. Она не сразу решилась его отправить. А он пока в командировке на Грозненском химическом заводе, куда прибыла целая делегация для подведения итогов соревнования

между двумя нефтехимическими предприятиями.

Грозненский завод – флагман подотрасли. Ковальский постарался все четыре дня пробыть в цехах. Впервые увидел цех, похожий на тот, в котором теперь работал, построенный по схожему проекту.

Поразило одно обстоятельство. Здание полностью раскрыто. Нет кирпичных стен. Построили его когда-то по проекту, предусматривающему кирпичную кладку. Впоследствии заводские специалисты выбрали, где надо, кирпич, укрепив каркас металлическими балками. Разумеется, предварительно всё согласовав с проектным институтом. При наличии в аппаратах и трубопроводах огромного количества лёгкого взрывоопасного газа под давлением до восьмидесяти атмосфер – это существенно.

Он посмотрел чертежи на раскрытие, состояние оборудования. В ветреную и дождливую погоду на этажерках неуютно. Но и меньше опасности. Конечно, морозные и снежные зимы в Поволжье всё усложняли в разы, но можно кое-что предпринять.

Он знал, как часто возникают аварийные ситуации, способные уничтожить весь цех. А если нет стен – можно при взрыве лишиться только части оборудования и избежать человеческих жертв.

* * *

…На заводскую планёрку, которую вёл главный инженер, пригласили и делегацию, побывавшую в Грозном. Делились впечатлениями. Ковальский доложил об увиденном и закончил вполне конкретным предложением:

– Как работник, знающий опасность цеха изнутри, предлагаю, несмотря на наши климатические условия, в ближайший капитальный ремонт раскрыть цех. Не принимать мер нельзя…

– А мы принимаем. И вы – первый их активный исполнитель. Я имею в виду отсечную японскую арматуру, позволяющую нажатием одной кнопки за пятнадцать секунд остановить систему и затем вытравить газ в атмосферу, – уверенно проговорил главный.

– Да, – согласился Ковальский. – Но это не спасёт, если аппарат или трубопровод разорвутся в помещении…

– Ну, все страхи сразу в одну кучу. Довольно. Вот если будете тянуть с установкой арматуры, мы с вас спросим. Цех смонтирован по проекту согласно действующим нормам. Надо будет – раскроем. Садитесь. Спасибо.

«Деловито утопил серьёзнейшее предложение. Сам-то понимает, что делает?!» – возмущался про себя Александр.

Вернувшись в цех, Ковальский составил отчёт о командировке, где особо подчеркнул преимущества раскрытого цеха.

Подумав, тут же написал и служебную записку на имя директора завода.

«Немного строптиво выглядит, но мы с Румянцевым уже были в роли несостоявшихся по чистой случайности жертв взрыва. Иное мое поведение просто нелогично».

…Прошёл месяц. Он дважды, минуя главного инженера, пытался попасть к директору. Не смог. Что оставалось делать, как не поспешить с установкой отсечной пневматической арматуры?

И Николай Румянцев был ему в этом первый помощник. Ковальский вывел его работать днём и они вместе с контрольно-измерительной службой трудились с утра до вечера.

* * *

Как Альберт Исаевич наметил разговор, так и повёл его.

…Руфина расположилась за столом (он намеренно её посадил, зная, что будет непросто). Стоя у окна и глядя невидящими глазами на улицу, изложил всё по пунктам, методично и с расстановкой.

Он дал себе слово – только сухой, рациональный слог. Но под конец всё же не сдержался:

– Очень жалею, что, когда мы встретились, я был уже женат… Лишь при этих словах повернулся к ней лицом и увидел слёзы.

Он не решился подойти. Не знал, какие это слёзы. Что

значат? И Руфина не подошла к нему. Только встала из-за стола и молчала. Его предложение оказалось полной неожиданностью. Он молча прошёл мимо неё и тихо прикрыл за собой дверь.

На другой день в той же комнате они, сидя за столом, тихо разговаривали.

* * *

После недельного отсутствия она появилась на кафедре и ответила Бахраху согласием.

Словно боясь, что уступит Ковальскому, сжигала за собой все мосты…

* * *

Запоздало получив от Руфины страшное письмо, Ковальский бросился на переговорный пункт. Не дозвонившись, рванулся в Москву.

…Александр нашёл её в институте. Встреча произошла на следующий день после того, как она дала согласие Бахраху на брак.

Говорили мало. Оба плакали. Руфина навзрыд. Он молча, давясь слезами и стыдясь своей слабости. Не было ни обвинений, ни упрёков. Была общая беда…

…Вернулся он из Москвы с потемневшим лицом. Суслов не на шутку перепугался: не заболел ли?

От Александра крепко пахло спиртным…

«Не пил же он всю дорогу так, чтоб его было не узнать?» – качал головой Суслов.

Выпив стакан водки, Ковальский лёг в постель.

– Где красота и безоглядная любовь, там хаос. Что и требовалось доказать, – изрёк Суслов, отходя от кровати.

– Иди к лешему, философ нашёлся…

Ковальского мутило!

Проспал он ночь и половину следующего дня. Из общежития не выходил двое суток. Спас Ковальского от прогулов Суслов. Своей рукой написал от его имени заявление на недельный отпуск. Жалко приятеля. Он искренне полагал, что так нельзя: «Мужику тридцать, а убивается, как первокурсник».

XXI

Теперь спасение Ковальского было, кажется, только в работе и в занятиях, которыми себя нагрузил. Вечером мчался в областной центр на курсы английского языка.

Александр решил подготовиться к сдаче кандидатского минимума. С языком было проще, можно посещать курсы ещё и по субботам. Занятия по философии проходили только в будние дни. Он решил готовиться самостоятельно.

Когда собрал всю необходимую литературу, на столе образовалась стопа не менее, чем из двух десятков книг. Философия когда-то была увлечением, теперь становилась, хотя и временной, но крайней необходимостью.

Понимая, что наскоком всё не одолеть, призадумался над системой подготовки. Её Александр себе определил, как понимал, нелёгкую, но надёжную. Решил на все вопросы написать ответы. Каждый объёмом не более двух-трёх страниц с цитатами из первоисточников и ссылками на издания, из которых взят материал. Чтобы облегчить усвоение, решил обращаться только к тем публикациям, в которых, как ему казалось, наиболее доступно излагался материал. И только так, «начерно» пройдясь по всей программе, разобравшись в азах, засесть за основательное изучение по этому выверенному путеводителю.

Он выполнил первую часть своего плана за полгода. На столе лежала пухлая общая тетрадь, вся исписанная мелким почерком. Он настолько освоился с первоисточниками и учебниками, что они уже не повергали его в трепет. Теперь, задумавшись, ставил стакан с чаем на солидный том выдающегося классика философской мысли Гегеля и уже не считал это фамильярностью. Гегель стал предметом его особого внимания. Ковальский изменил бы себе, если бы и в изучении философии не проявил дотошность. Казалось, он забыл, что готовится всего лишь к сдаче кандидатского минимума. Поражало то, что Гегеля никто до сих пор как сле-

дует не оценил.

– Вот слушай, – говорил он Суслову, который при этом не мог не зевать. – Удивляюсь тому, как человечество неслыханно жестоко обошлось с великим мыслителем. Он в одиночку впервые на планете проделал ещё в начале девятнадцатого века огромаднейшую работу: разобрал все арсеналы мыслительных определений, используемых человеческим разумом. И выстроил их в порядке логической преемственности смысла. Он впервые рискнул навести порядок в содержании самого нашего разума. И тем самым заложил основы принципиально новой науки – грамматики разума.

– Зачем тебе это? Ну, не задумал бы одолеть минимум свой, и без Гегеля прожил бы, – недоумевал Суслов.

– Может быть, и так, но я натолкнулся на то, что нельзя теперь не замечать.

– Ты – химик, Александр! И хороший практик. О тебе по заводу легенды ходят, а ты решил теперь податься в философы? Зачем тебе это? Хаос в голове – это плохо.

– Нет, голова садовая! Как раз в этом смысле его «Энциклопедия философских наук» похожа на периодическую систему Менделеева. Она даёт всему порядок, понимаешь?

– Стоп! – сказал, приподнявшись с койки, Владимир. – Могу я на тебя ведёрко воды холодной вылить?

– Валяй, – пожал плечами Ковальский.

– Без обиды?

– Давай-валяй, – вновь пожал недоумённо плечами Ко-

вальский.

– Оставь ты эту философию! Вот сдашь экзамены и – брось, выброс ь из головы…

– Но почему?

– Эта философия – такая же дама, как твоя Руфина, заведёт в дебри. Ты – увлекающийся. В результате будет только беда.

– Но при чём здесь Руфина? – спросив, Александр побледнел.

– А при том! Я могу предположить: вначале – лёгкий флирт с философией. Но потом, я тебя знаю, будешь копать и копать и убежишь либо в аспирантуру на кафедру философии, либо ещё что крутанёшь и – нет Ковальского-производственника! Есть сморщенный скучный кандидат философских наук, преподающий бедным студентам эту бесполезную мешанину понятий и набор тем, от которых большинство просто мутит. Меня лично мутило здорово.

– Но отторжение у студентов от того, что преподаватели философии вязнут в вольном мелкотемье. Надо по Гегелю переходить к системной науке, которой является истинная философия.

Суслов, как всегда, когда у него кончалось терпение, покраснел. Лицо стало от этого даже привлекательнее, живее и энергичнее.

– Я тебе говорю: сорвёшься в философию – в итоге буду вытаскивать тебя из очередного кризиса.

– Да иди ты! Какого кризиса! Ты – химик! Так вот, подобно тому, как таблица Менделеева нужна не только для химии, но и для многих остальных наук, точно так же грамматика разума необходима сегодня всем частным наукам, которые она соединяет между собой воедино. Понимаешь?

– Понимаю, но что теперь конкретно делать? – попытался свернуть разговор Владимир и в последний миг опасливо поёжился: «Сейчас заведётся ещё на полчаса».

– Общество в конце концов придёт к созданию искусственного интеллекта. А раз так, философию надо преподавать будущим инженерам как системную науку, как грамматику разума.

– Понятно, – неторопливо согласился Суслов. Про себя добавил: «…что дело тёмное».

* * *

Первую декаду мая в нагромождении праздничных дней Ковальский просидел над учебниками, штудировал английский и философию. В начале июня сдал философию – на «отлично», а язык – на «хорошо». И не жалел, понимая, что знает его не очень.

* * *

В один из приездов Александра домой Екатерина Ивановна спросила:

– Саша, почему ты с Руфиной не приезжаешь? Али больше не вместе? Всю зиму один.

– Не вместе, мам.

– Что ж так-то, какая бабёнка хорошая?!

Он думал, что на этом разговор закончится, но мать продолжала:

– Разборчивый ты больно. Так нельзя… Она ладненькая такая…

– Мам, – решился Александр, – мы разошлись от того, что у неё не может быть детей.

– Ой, батюшки! – всплеснула мать руками. – Новая беда! Я вижу, ты какой-то смурной. И как это получился такой невезучий, обязательно найдёшь, где горевать? Головушка ты моя садовая… Вон недавно Тамара Заречная приезжала со своими двумя, такие крепенькие… Мальчик и девочка. Про тебя не спросила, когда встретились. Но видела я: очень хотелось узнать. И что же вы теперь, поодиночке опять?

– Да, решили, что у нас останется дружба…

– Дружба? Какая же одна только дружба промеж мужика и бабы? Придумал тоже… Найди себе бабёнку, чтоб любила тебя, и женись, а то пропадёшь…

…Они о многом поговорили, хотя материнские её простые советы иногда забавляли. Но он не возражал. Боялся обидеть.

И Александру стало легче на душе. Умела Катерина засветить светлый лучик…

* * *

…Ковальский и Суслов, оживлённо о чём-то беседуя, идут по главной улице города.

– Братцы-кролики, не узнаёте? – От газетного киоска к ним важно шагнул Свинарёв. Подмышкой – голубенькая папка.

– А, Колюнчик! – быстро отозвался Суслов. – Где пропадаешь? Не видно-не слышно.

– Я сейчас в городском комитете народного контроля. Жена в роддоме. Дел невпроворот, – солидно пояснил Свинарёв.

– Женился? – вполне натурально удивился Суслов.

– Вот ты даёшь! Жена уже дочь родила. Полгорода знает.

– Поздравляем! – протянул руку Ковальский. – Нормально всё в семье?

– Было хорошо, но сегодня мне сюрприз преподнесла…

– Какой?

– Говорит, когда выпишусь и приду домой, тебя чтоб там не было. Видали, что делает? Я у них с мамашей живу, в их

квартире. Вот и фасонит.

– А чего она так тебя? – поинтересовался Суслов.

– Не сложилось, а так, вроде, ничего… Только разок сказала: «С тобой, жеребцом, жить тошно». Чего так?.. Я, правда, не удержался, с одной лаборанточкой кобельнул, пока жена в роддоме. Но она никак не должна была узнать.

– Значит, снова в общежитие?

– Может, и так. Она – настойчивая.

Когда уже расходились, Суслов вспомнил:

– А фамилию-то сменил?

– Конечно! Как же! У меня слово с делом не расходится.

– И как ты теперь прозываешься?

– Фамилия-то?

– Ну, да!

– Красивая – «Старчевский»!

Суслов громко хохотнул.

Когда же новоявленный Старчевский выдержанной солидной походкой, мелькая в толпе голубенькой папкой, зашагал своей дорогой, Владимир не удержался:

– Он там про жеребца какого-то говорил? Мне припомнилось:

> Я бы мог сказать, что глуп он, словно мерин,
> Но лошадь обижать я не намерен!

Владимир любил классиков. А Ковальский – ещё и лоша-

дей. Они дружно рассмеялись.

– Владимир, ты два раза подряд не ночевал в общежитии, где пропадаешь? У Леночки?

– Нет, не у Леночки, – нехотя отозвался Владимир.

– А где?

– У Татьяны. Помнишь, мы с тобой как-то заходили в музыкальное училище? Я тебя знакомил.

Александр вспомнил крупную уверенную брюнетку.

– Она, кажется, замужем?

– Была. Года два назад мужа, строителя, убило плитой.

– Дети есть?

– Сыну четыре года. У неё с матерью – трёхкомнатная квартира, дача. Татьяна – директор музыкального училища, – угрюмо глядя перед собой, перечислил Суслов.

– И одним махом всё устроил себе? – не выдержал Александр.

Владимир молчал, но недолго:

– Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу.
Каждый выбирает по себе
Дьяволу служить или пророку.

Стихи прозвучали неожиданно. Лицо Владимира было непроницаемо.

«Что это с ним? – содрогнулся Ковальский. – За этим кроется что-то серьёзное?»

Для многих на заводе Суслов – «свой» парень, добродушный и непритязательный. Но Ковальский-то знал ему цену.

Суслов переживал, что продвижение по службе у него не столь удачно, как у Ковальского. Часто беды у человека бывают оттого, что не знает он, где его место и какова цель. Суслов понимал, чего хотел. Он признался однажды Ковальскому:

– Я знаю свой потолок, за тобой не угнаться. Но главным инженером когда-нибудь могу стать.

«В чём же теперь дело? Перестал верить в себя?» – недоумевал Александр.

Ковальский решил поговорить с Владимиром чуть позже, в более подходящей обстановке, не на улице…

Они шли молча. Каждый думал о своём.

Когда уже подходили к общежитию, Владимир обронил:

– Только не ровняй меня со Свинарёвым, я немножко другой. Ковальский не нашёлся, что ответить.

XXII

Сразу после ноябрьских праздников Ковальского назначили заместителем начальника цеха.

Ушёл с предприятия главный инженер. Вместо него «дирижировать», так на совещании выразился директор, поставлен бывший теперь секретарь парткома Белецкий. Партийный комитет завода возглавил Новиков.

Для многих это было неожиданно. Но не для Ковальского. Сам Новиков, сидя в одном кабинете с Александром, тряхнув головой, несколько раз произнёс: «Судьба играет человеком…».

Но Ковальскому казалось, что Новиков-то как раз по характеру более партийный работник, чем цеховой технолог. Вся его сознательная жизнь связана либо с комсомолом, либо с партийной и общественной работой. Сам Александр при любой возможности «жался», как он говорил, к «заводской трубе», сделав это нормой поведения. На заводской площадке, в цехе ему всегда интересней.

Место Ковальского занял бывший начальник смены такого же цеха, только другой очереди завода, Дмитриев, который чудом уцелел при взрыве в 1964 году.

Тогда, шесть лет назад, его обнаружили через сутки на лестничной площадке в главном корпусе. Ему повезло: когда рухнули перекрытия, потолочная железобетонная плита накрыла Ивана в углу, зацепив лишь левую руку. Спасатели решали: заниматься плитой или ампутировать руку? И хирург, и газорезчик стояли рядом, каждый готовый приступить к своему делу. Решили всё-таки дробить плиту и резать стальную арматуру. Всё прошло удачно. Только голова тридцатилетнего Дмитриева стала седой да рука потихоньку теперь сохла… Могло быть и хуже.

* * *

– Хочешь, познакомлю с одной дамой? – большое, с ровным матовым оттенком лицо Суслова – само благодушие.

– Нет, – вяло ответил Ковальский.

– Но почему?

– Не знаю… Скучно всё это…

– Э-э, брат, так не пойдёт! Руфина уже около года замужем. За это время ты ни за одну не зацепился. Ненормально. Тем более для такого, как ты… Она во всех отношениях классная дивчина. Но с одной странностью.

Ковальский молчал. Его не интересовали ни странности знакомой Суслова, ни сам этот разговор. Но Суслов решил не отступать.

– Она влюблена в тебя. Уже третий год – такая беда. И ждёт!

– В наше-то время? – усмехнулся Александр.

– Она увидела тебя, когда ты никого не замечал – роман с Руфиной был в разгаре. Переживала в тени.

– Ты – сводня? Или фантазёр? – усмехнулся Александр. – Сам устроился под широким крылом Татьяны. Моя настала очередь?

– Может быть. Отчего хорошему другу не помочь. Имею опыт, – отозвался Владимир, лицо его при этом сделалось серым.

– И что же она? Одинокая?

– Тебя ждёт. И верит… Давно решила для себя: если не выйдет за тебя, то ни за кого!

– Страсти-мордасти… – безразлично проговорил Александр.

– С Леночкой работает в лаборатории. Лена – невольный свидетель того, как она мается.

– Леночкина подружка! – вяло удивился Ковальский. – Кажется, её зовут Настей, такая лёгкая, как козочка? Имя особенное.

– Ну, вот! Я, как всегда, тебя недооцениваю. Верно говоришь: она. Всё-таки ты её подметил!

Они поговорили и, кажется, всё забылось. Впереди был Новый год.

* * *

…Александр увидел Настю после этого разговора во Дворце культуры на балу. В бальном платье. И поразился её грациозности. Когда шёл домой, невольно думал о ней.

«Стоп, Ковальский! Ты же не мальчик! На балу, давно известно, все красавицы! Какой она приходит вечером с работы, ты видел?»

…Где-то через неделю позвонил Суслов.

– Послушай, у Татьяны день рождения, заскакивай вечером, а то ведь ни разу не был у нас.

Он назвал адрес.

…Когда Ковальский вошёл в непривычно большой коридор Татьяниной квартиры, сразу издалека заметил в гостиной среди незнакомых нарядных дам Настю. Она была в голубой водолазке и тёмных брюках. Они встретились взглядами и оба… смутились. Александр поспешил повернуться лицом к вешалке.

А в это время из кухни в коридор, потеснив Суслова к стенке, выплыла пышнотелая дама в лёгком розовом платье. Дама несла солидную эмалированную чашку с винегретом. В центре сочной массы, как мачта, стояла большая деревянная ложка. При виде Ковальского губы у дамы вместе с чёрными редкими усиками диковато шевельнулись:

– Здрасьте!

При её приближении Александр вмиг оказался в незримом облаке, состоящем из запахов духов, помады и неистребимо пробивающегося через всё это пота.

Он, как мог приветливо, ответил в тон:

– Здрасьте!

Дама уверенно, как самоходная баржа, повернув налево, почти удачно вошла в явно узковатую для неё дверь. Всего лишь чуть-чуть задела косяк «кормой».

«Держись, казак, нас, кажется, обкладывают по полной программе», – с этой мыслью он и вошёл в гостиную, в которой огромный Суслов, раздвигая табуретки, как ледокол на реке, пробирался в дальний угол комнаты. Там из проигры-

вателя рвался неудержимый голос Муслима Магомаева.

* * *

Александр проводил в тот вечер Настю до общежития.

А куда деваться? Всё выстроили так, что, едва весёлая компания оказалась на улице, подружкам понадобилось ехать в разные места, но только не туда, где она жила.

Они остались одни. Пустынные улицы. Одинокие прохожие и звёзды – свидетели их первой совместной прогулки.

…Через три дня ему стало неловко за своё молчание. Улучив момент, когда был у телефона один, позвонил ей из цеха. Договорились встретиться.

«Попробую вести себя так, чтобы наш, если это «роман», оказался вялотекущим. – Такое он придумал заранее определение. – Отдаю все права ей. Долго ли выдержит? Больно уж срочно все хотят меня женить. Суслов заодно с мамой».

Он вспомнил, как мать, провожая его недавно, в который раз грустно качала головой:

– Саша, тормозишь ты и брата Петра, и сестёр. Им уже пора семьи заводить, а ты, старший, холостой ходишь. Ждём не дождёмся…

Был ли это лукавый ход, чтобы подтолкнуть к женитьбе вообще, или на самом деле он «тормозил»? Родители по-своему хотели, как лучше. А лучше, когда сын женат.

* * *

Возвращаясь из кинотеатра, они подошли к её общежитию. – Гулять негде да и мёрзнуть не хочется. Пойдём ко мне, я сегодня одна.

«Как она просто и доверчиво перешагивает преграды», – сидя на диванчике в уютной комнате женского общежития, думал Александр. И понимал: того, что может сейчас случиться у них, ему мало. Ему необходимо значительно больше. Надо то, что давало бы надежду на настоящее. А оно, это настоящее, так зависит от множества очень хрупких вещей…

«Мы сейчас словно держим в руках крохотное деревце или росток, из которого может вырасти огромное дерево: и любовь, и будущие дети… Могут быть дети детей. И будет у них своя жизнь. Особая и неповторимая… А может ничего и не быть. Так просто всё?! Один шаг всё решает. И могут быть другие варианты жизней, отдельные друг от друга. И чужие?!.. Ну, и занудой я теперь стал».

– Саша, я быстренько. У меня есть домашние пирожки. Поставлю чайник.

«Домашние пирожки…» – повторил он про себя. И подивился тому, чем она озабочена.

Но тут же подумал: «За пирожки прячется, как и за многое другое. Всё понимает. Я это чувствую».

Когда оказались на столе пахнущие детством пирожки с картошкой, разговор наладился.

Скованность появилась, едва Александр засобирался домой. Стояли в коридоре. Настя, поправляя ему шарф, прижалась сама легонько к нему. Чуть коснулась своими губами его щеки. Это был их первый поцелуй.

Он не знал, что делать. Она мягко улыбнулась и от этой улыбки Александр оробел. Молчал и не шевелился около вешалки.

– Два года ждать… Будто в армии был. Ждала, когда демобилизуешься и мы начнём встречаться, – сказала она ещё там, за столом.

Он и за столом не нашёлся, что ответить… Боялся нарушить установившуюся искренность.

И теперь, взявшись за ручку двери, спросил:

– Я пойду?

– Да, – согласилась она.

«Если понимает, что со мной творится, то в этой её готовности – уверенность в себе: «никуда он не денется?!» А если заморочена моим поведением и готова скорее проводить – другое?».

Александр открыл дверь и вышел.

* * *

Когда шёл в общежитие, вспоминал: «Как там, в кино, пи-

сал в сочинении пацан? «Счастье – это когда тебя понимают»? Подрастёт и ему станет ясно: нужно ещё очень многое в жизни. Понимание необходимо, но недостаточно! Понимание – как корка хлеба для нищего. И всё. Это с нами уже было… Настя! Она явно меня понимает. А что дальше? А я? Мне кажется, и я её понимаю. Очень даже. Ладно, на сегодня хватит», – решил он.

– Доживём до понедельника, – будто нырнув, как в детстве, под одеяло, произнёс он, отгородившись от всего названием фильма, который они смотрели с Настей. – Доживём, а там что будет!

…До понедельника Александр не выдержал. Уже через два дня, в пятницу, позвонил Насте Рассадиной из общежития.

* * *

Жажда жизни и крепнущее доверие к миру вершили своё. Вялотекущего романа у них не получилось. Они, кажется, и не торопили события. Всё шло как бы само собой. Но вскоре Александр уже не мог представить, что кто-то другой, а не он, мог быть около Насти.

…Дело шло к свадьбе. Он был уверен, что женится с «холодной» головой.

Руфина откуда-то узнала о развивающихся событиях, скорее всего, от Суслова, и прислала поздравительную теле-

грамму. В ней три раза повторялись, как заклинание, слова: «Будь счастлив!».

А до этого Ковальский-младший гостил у неё в Москве. Жил в доме у Бахраха и возвратился радостный от увиденного. Руфина и он так сдружились, что писали теперь друг другу длинные послания.

Ковальский вначале чувствовал себя неуютно от деятельного участия Руфины в жизни сына. Потом свыкся. За развитием их отношений уже не успевал. А когда узнал, что она, оказавшись в Куйбышеве по служебным делам, успела заскочить к Бочаровым без него, совсем сдался.

…От Руфины шёл свет, похожий на берёзовый. Тихий и ясный…

* * *

– Ты на меня так смотришь… О чём думаешь?

Настя и Ковальский одни в комнате общежития.

– Хочу угадать, что скажет мама, когда привезу тебя показывать.

– Ты – маменькин сыночек? Всё зависит от неё?

– Забавно, как это будет выглядеть.

– Я ведь не деревенская, не городская. Вполне могу понравиться. Всякое бывает, – Настя весело смотрела на Александра, – что тогда? Обратного хода уже не будет.

– Ты такая миниатюрная, а она наказала, чтобы нашёл се-

бе «бабёнку крепенькую». Ждёт-не дождётся.

– А я крепенькая. Я крепко тебя люблю. Вот и всё тут! Ты у меня один! И на всю жизнь! Я – твоя крепь! Это она поймёт и без тебя, такого неторопливого. А потом, готова нарожать шестерых, как ты хочешь. Куда деваться-то? За маму не спрячешься! – И она, чуть коснувшись, поцеловала его сзади в шею.

Он временами замечал в ней частичку то Влады, то Анны. Лишь Руфина теперь в его сознании была сама по себе. Не похожая ни на кого. И Александр не мог себе определённо сказать: хорошо это или нет. Будто от этого что-то зависело. Словно виноват перед Руфиной.

Он не предполагал, что Настенька, как звал её Ковальский, очень скоро потеснит в нём многое. И в его буднях, и праздниках, веселье и ненастье будет из женщин только она. И в работе, которую Настя примет как часть его самого, как часть настоящего крепкого мужика, который должен уметь делать своё дело в жизни, иначе он и не мужчина вовсе – часть энергии будет её.

– Нам надо было лет десять назад встретиться, – сказал Насте однажды Ковальский.

– Нет уж. Ты меня бы не признал своей, – возразила она. – Я была, во-первых, как спичка, одни глаза. А ты? – Помолчала, глядя на него. – У тебя наверняка голова кружилась, столько было вокруг всяких… Ты тогда ещё был не ты.

– А кто? – улыбнулся он.

– Тот, кто не знал, что есть я.

– И эти годы, что мы встречались с Руфиной, ждала с такой своей верой?

– Да!

– Невероятно! Тогда ты – судьба моя.

– А я об этом и говорю. Меня только Суслов поддерживал. Знал всё наперёд. – Настя уже чувствовала, что могла говорить так.

– Ты – инженер аналитической лаборатории. Анализ – твой конёк! – шутил Александр.

Ему было легко с ней. Они встречались всего три месяца, а могли говорить обо всём. И молчать могли вместе. И это тоже было разговором…

* * *

…В мае подали заявление в загс. Свадьбу решили устроить в селе. Так захотел Александр. А Настя и не возражала. Только улыбалась, наблюдая за его придумками.

Он составил телеграмму родителям всего из шести слов: «Еду невестой встречайте нас готовьте квас». Прочитав, она спросила весело:

– «Квас» – это самогон, что ли?

– Нет! Обижаешь!

– А что же?

– Да так, для рифмы! И всеобщей мобилизации родствен-

ников!

– Теперь понятно, – смеялась она. – Я не ожидала, что ты и почудачить любишь!

Два дня шумел любаевский двор, где под широченным брезентовым навесом стояли свадебные столы.

Первые недели после свадьбы молодые прожили порознь.

Александр искал квартиру и наконец-то нашёл совсем неожиданно по соседству с её общежитием.

У хозяйки, ещё нестарой женщины, внезапно умер муж-пенсионер, бывший капитан дальнего плавания. Только-только приехали из Мурманска в среднюю полосу России – как им давно хотелось. Беда осиротила в чужом городе и она обрадовалась постояльцам.

Через полгода профком завода выделил в коммуналке на трёх соседей шестнадцатиметровую комнату. Ковальские были безмерно счастливы.

Один сосед оказался заядлым рыбаком. Постоянно мыл в ванной рыбу, раков, либо сапоги. Другой, причудливо разместив аппаратуру частью на стене кухни, частью на газовой плите, гнал ночами самогон. Всё это Ковальские воспринимали не более как мелкие недоразумения.

* * *

…Теперь, когда Настя вошла в его жизнь так прочно, Александру иногда казалось, что живёт он очень и очень дав-

но. Похоже, что ему суждено прожить не одну жизнь.

Эти жизни обособлены друг от друга. Первая – когда был мучительно сладко и нервно связан с Анной. Вторая, ломаная и прихотливая, – с Владой и Руфиной. И вот третья – может быть, самая светлая и самая настоящая – Анастасия.

Эти женщины – как точки отсчёта его внутренних взлётов и падений.

Ему верилось теперь, что только Анастасия даст то, чего он ждал от встречи со «своей» женщиной. Ведь он всегда знал, что такая встреча будет. С детства знал!

Анастасия! Как Ковальский сразу не признал её!? Она будто пришла от мамы из детства, принеся ощущения домашнего тепла и надёжности. Такого у него даже с Анной не было.

…Он уже не в первый раз думал об этом: «Мир женщин многообразен и неисчерпаем, как Вселенная. Но всё-таки, почему не разглядел Анастасию раньше? Ведь мы и до встречи с Руфиной бывали в общих компаниях. Не видел её только потому, что был другим? При Руфине не мог видеть никого, кроме неё, – это было озарение. Видел только этот её свет. Он слепил меня. Я летел на него. Всё прекрасно! И всё трагично! Трагическое озаряет всё по-своему, мир становится иным? Нет, остаётся прежним: человек становится иным… Через трагическое мир воспринимается прекрасней? Но это, если хватит душевных сил одолеть боль! А если нет… Не знаю, что удержало. Мог, к примеру, запить. Мог или нет?

После Руфины мог охладеть к работе. Этого не случилось… Разве таким я нужен был бы самому себе? Нет, не нужен. – Ответил он и тут же спохватился: – Саша и Анна! Они постоянно смотрели на меня. Они, и мама, и все, кто мне дорог! Все ждут от меня только хорошего! Верят в меня!».

«А Влада? – возник вопрос, заданный чьим-то голосом, непохожим на его. – Влада – тоже не желала вреда! Разве ты не хотел, чтобы у тебя с Владой было всё красиво и прочно?»

«Хотел, – подтвердил Александр. – Но что-то мешало. Сам не знаю, что? В ней ли, во мне ли сидел неутомимый вредный червячок, подрезавший росточек нашего общего будущего. С каким чувством сейчас живёт Влада? Мы о чём-то говорили с ней, сидя тогда, последний раз, в ресторане, но ведь о главном – ни слова. Не получалось у нас прямодушно вести себя друг с другом. Как она теперь оценивает всё наше?»

От того, что Александр наконец-то обрёл душевный покой с Анастасией, ему казалось, что это не совсем справедливо.

«В глазах Влады я жестокий человек? Для чего-то же она захотела встретиться, когда была в нашем городе?»

Рассуждая так, он начинал путаться. Чувствовал, что такое часто случается, когда хочет быть искренним до конца. Разбираясь в себе, попадал словно в паутину…

Александр начинал думать, что неспособен когда-либо изменить Насте. Предаст, если это случится, не только На-

стю, но и себя. А иногда ему начинало вериться, что Анастасия объединила всех его женщин в себе. И её глазами они смотрят теперь на него. И она от этого стала ещё нужнее. Он часто ловил себя на этой мысли. И находил странным, что Настя не заслоняет собой ни кого из них. И не старается этого делать.

«Бывает ли такое у других?.. И что будет у нас дальше?»

…Глядя на Настю, изумлялся порой. И доходил иногда до рассуждений, которые называл «младенческими»:

«Природа хитроумна. Существует великое многообразие человеческих лиц, характеров, судеб. И это сознательно кем-то создано! Как залог того, что две похожие человеческие половинки найдут себя, – и не раз найдут, и потянутся друг к другу. Многократно. Ибо в судьбах и характерах столько своеобразия, удивительно порой совпадающего с ожиданиями другого… Половинки обязательно найдут друг друга, чтобы дать продолжение рода. И будут этого добиваться. Словно именно на них, на эти конкретные половинки, и возложена как бы персональная ответственность за сохранение человеческой жизни на Земле. Об этом подавляющее большинство и не думают вовсе… Варианты половинок неисчерпаемы?.. – От таких мыслей становилось неуютно. – Неужели есть ещё кто-то? Другая такая же Настенька? И, может быть, не одна. Которая когда-то может завладеть мной?! Как же тогда однолюбы? Они, потеряв свои половинки, уже больше и не ищут другую свою «законную». А она, получается, где-

то есть? Приготовлена? Выходит, некий сбой… Теряя одно и обретая другое – это предательство? Или самое то, разумное, оправданное, что не даёт человечеству резко оскудеть?.. Я либо крепко поглупел, либо не о том думаю. Жена на шесть лет моложе… Положено соответствовать. С непричёсанными мыслями надо что-то делать…»

…Пройдёт совсем немного времени, и Ковальскому станет не до подобных мыслей. Жить и постоянно размышлять о жизни – это всё-таки разные вещи. Настенька сначала одна, а потом и вдвоём с родившейся дочкой Соней, уже, кажется, не оставят времени на это…

XXIII

Вскоре Ковальский возглавил большой технологический цех, вырабатывающий сырьё, необходимое для получения пластических масс, синтетических смол, каучуков, других важных продуктов нефтехимии.

Назначению предшествовали бурные и трагические события в его цехе. Авария разрушила до фундамента основной корпус. Оборудование почти полностью стало непригодным.

Причины взрыва имели механический характер.

Усердие Ковальского и Румянцева не помогло. Отсекающие задвижки, которые они устанавливали и отлаживали, не понадобились. Сильный взрыв этилена произошёл внутри огромного кирпичного здания, нашпигованного химиче-

ской аппаратурой и трубопроводами. Разорвало газопровод по сварному шву, «непровар» которого был около семидесяти процентов. И уникальная защита оказалась неэффективной. Между разрывом трубопровода и образованием огромного газового облака оказалось слишком мало времени.

Этот участок трубопровода, смонтированный более десяти лет назад, специальная комиссия извлекла из груды металла.

Стало очевидно, что если б цех не имел сплошных кирпичных стен, такого не произошло бы. О восстановлении помещения в прежнем виде не могло быть и речи. Тогда-то заводские специалисты и вспомнили про опыт грозненских коллег по раскрытию цеха.

Проектировщики спешно приступили к разработке проекта цеха уже без кирпичных и металлических стен.

Казалось, можно было порадоваться. Но какой ценой всё далось!

Погибли три человека. Один из них – Николай Румянцев. Двое – работники соседних цехов.

Румянцева нашли только на четвёртые сутки под грудой кирпича. Ковальский, руководивший поисками все три ночи, уехал домой. Его друга нашли без него, днём.

Электричка, на которой обычно добирался до завода Николай Румянцев, опоздала на двадцать минут. Беда нагрянула как раз в тот момент, когда все, кроме Николая Румянцева, уже приняли свои рабочие места и находились в опе-

раторной, поодаль от главного корпуса. Румянцева взрыв застал на полдороге.

В день взрыва цеха Настя родила дочь Соню.

Работа комиссии, расчистка завалов требовали оперативности и собранности. Было не до переживаний.

Уже потом, после похорон Румянцева, когда уехали три замминистра и заместитель начальника главка Литвинов, занимавшие просторный красный уголок и рабочий кабинет Ковальского, Александру стало не по себе.

Жене Николая, оставшейся одной с маленькой дочкой, быстренько дали однокомнатную квартиру, единовременное денежное пособие. Нельзя было сказать, что «отряд не заметил потери бойца…»

…И всё-то стоял неотрывно у Ковальского перед глазами розовощёкий белокурый парень в степи около Бариновки, каким он его видел, когда ездили вместе к Ковальскому-младшему. Слышался его завораживающий голос. И стихи, которые он читал. Теперь они воспринимались по-другому:

Тот, кто видел хоть однажды
Эту ширь и эту гладь,
Тот почти берёзке каждой
Ножку рад поцеловать…

Он понимал тогда, что Румянцев немножко влюбился в Руфину и не ревновал. Как можно оставаться равнодушным

около неё?

В первые же дни после аварии у Александра вновь ворохнулся вопрос: что же это такое – индустрия? Прогресс? Вспомнились «железные стихи» поэта Герасимова. Что же такое завод? Деду и бабке Румянцева, тем, кто лежит рядом с ними, завод не даёт покоя и на кладбище. А теперь Николая, человека из другого поколения – убил. И жене ведь, и дочери его уготовил судьбы иные, отличные от тех, которые могли сложиться. Какая всему цена? Своими руками создали чудовище?

Мать Ковальского, когда приезжала в гости, первым делом закрывала форточку в комнате:

– Химией твоей несёт. Ну её к шутам!

И стал в те чёрные дни после взрыва Николай для Ковальского такой же драгоценной частью его «малой родины», как Головачёвы, Любаевы, Проняй, Бочаровы и многие другие, кто окружал его с детства.

…Комиссии вскоре исчезли.

Виновных нашли. Директора от должности отстранили. Поговаривали, что избежал более серьёзного наказания только потому, что писал в своё время «наверх» служебную записку о необходимости раскрыть цех по примеру грозненцев. На этой бумаге стояла подпись и главного инженера. На реконструкцию требовались месяцы. Вышестоящее руководство посчитало тогда, что потери, связанные с недовыработкой продукции, недопустимы. В условиях подъёма волны

социалистического соревнования и встречных планов – как можно?!

* * *

Возглавить соседний цех Александру предложили сразу же после восстановления взорвавшегося.

– Цех – сложный, трудный. – Произнося эти слова, только что назначенный директором Белецкий внимательно смотрел на Ковальского большими серо-зелёными завораживающими глазами. – Конечно, рискуем, посылая тебя, ты – молод. В тридцать лет начальниками цехов у нас редко кто был. Единицы.

– Я начинал в нём. Знаю его изнутри.

Директор поморщился и сказал еле слышно:

– Ты думаешь, это главное, что нужно?

«Опять ставят опыты на мне, – подумалось Ковальскому. – Не получится – заменят, мол, молодой, что ему? Всё ещё впереди – успеет. Вынуждены – я вижу. Скорее, дело будет не во мне, а в том, что цех сверхтрудный. Человека нет, который мог бы возглавить. Ни главный инженер, ни его заместители не решаются взяться. Боятся проиграть. Уступают мне. Но будут ли помогать? Немногие на заводе рвутся заниматься технологией. Быть чиновником проще…»

– Из шести начальников, которые там работали, троих последних, включая Чухвичёва, снимали как несправившихся.

Но в них ли дело? – Сказав это, Ковальский замолчал. Он ещё в приёмной твёрдо решил быть немногословным. «Ещё есть технология, коллектив… и есть главные специалисты, курирующие цех. Что-то здесь, в этой цепочке, не получается…» – добавил Ковальский мысленно.

– Не только в них, – быстро ответил Белецкий. – Но они не нашли способов, которые позволили бы наладить работу. Люди все неплохие, но… – директор едко усмехнулся, – хороший парень – это не профессия… Тебе там многому на ходу придётся научиться, чему они не смогли…

«Почему говорит обо всём туманно? Не верит в меня? Пока не верит. И оттого не хочет говорить конкретно… Или сам не понимает, какие болты да винтики в большой машине заржавели? Значит мне одному там придётся разбираться…»

– Три дня назад, когда говорили о назначении, я просил высказать просьбы, они есть? – спросил Белецкий.

«Ждёт, что начну просить квартиру, обычное дело. Не буду. Сами дадут. Это же абсурд, если, став начальником цеха, буду жить в шестнадцатиметровой комнате в коммуналке на трёх хозяев…»

Вслух сказал:

– Дайте возможность, если понадобится, самому поменять кадры в цехе. Я имею в виду инженерно-технических работников. Нужны надёжные заместители, механик, мастера. Нужны специалисты… И второе: за месяц постараюсь подготовить перечень мероприятий – посмотрите и помоги-

те.

– С первым не торопись, это всегда непросто. А программу? Хорошо, готовь!

* * *

По иронии судьбы Ковальский унаследовал цех от Чухвичёва. Того самого, с которым когда-то одновременно пришли туда, Чухвичёв – начальником, Ковальский – инженером-стажёром. Чухвичёв принимал у Ковальского первый экзамен на допуск к самостоятельной работе.

…Теперь Чухвичёв, водя пальцем по пухлой ведомости, отмечал наличие либо отсутствие передаваемого.

– Вот газораспределительная станция – здесь почти всё… Только, понимаешь, одна неувязка. Ну, ты как-нибудь уладишь. Подпишись о приёмке.

– А в чём неувязка-то?

– Понимаешь, для контроля за состоянием сырьевых трубопроводов – у нас их два и каждый более ста километров – были лошади. На них объездчики ездили.

– И что же?

– Сдохла одна. Вот числится на мне.

– Так актом бы всё и оформили.

– Как-то вовремя не получилось. Потом народ сменился. Одной обходились… Теперь по ведомости… Если начать разбираться, меня тормознут. А надо устраиваться на рабо-

ту…

Рука Чухвичёва спотыкалась ещё на нескольких строчках ведомости. И он начинал каждый раз путанно объяснять…

Ковальский подписал ведомость, не понимая, как будет выпутываться. Где брать лошадь? Недоумевал и по поводу вскрывающихся недоразумений с оборудованием, с документацией.

Когда же, позже, отправился в поле, желая посмотреть «лошадиное» хозяйство, обнаружил в загоне не одну лошадь, а целых три.

– Откуда лошадки-то, чужие, что ли?

– Как – чужие? Наши!

– Но ведь одна должна быть. Вторая сдохла.

– Дак это ещё когда было! – удивился крепкий розовощёкий парень, похожий больше на скотника, чем на оператора газовой станции. – Ещё наплодились. Тут рядом совхозные.

– А когда здесь был в последний раз ваш бывший начальник? – поинтересовался Ковальский.

– Я его здесь не видел. Вот когда на собрание в цех приглашают – там он. Вы первый такой дотошный. Приехали сразу.

– А давно здесь?

– Третий год… С семьдесят второго…

После этого Ковальского уже трудно было чем-либо удивить в цехе.

«Хороший парень – это ещё не профессия», – вспоминал не раз он директорские слова.

* * *

Ковальскому хотелось поскорее понять своих новых подчинённых. Александр подталкивал их к разговорам.

– В заводоуправлении главные специалисты сплошь чиновники. Мы с Борисом среди них, когда вопрос касается нашего цеха, как Гулливеры, а я почти – гений! Ну, честное слово! Они не бывают в цехах. А если и заглядывают, то несут главному и директору ложную информацию. Есть среди них умельцы, которые плетут свою ниточку, потом сматывают в клубочек. Кончик хитроумно прячут. И только они знают, где та ниточка, чтобы вовремя, когда надо, дёрнуть. Другие, попростодушнее, остаются в дураках. Посмотрите: из них мало кто задерживается после работы в своём кабинете, а уж в цехе и подавно.

Говорил это и сравнивал себя с Гулливером низкорослый, большеголовый человек – начальник пиролизной установки Николай Долгов. Он ходил по кабинету, от стола до двери – и назад, прихрамывая. Ступня его левой ноги была сильно вывернута наружу. Ковальский и мастер цеха Мошков, сидя на диване, молча слушали.

– Ну, скажите, разве можно нормально работать, если идут разноречивые распоряжения то главного инженера, то начальника производственного отдела? А переводы с одного сырья на другое? При теперешнем состоянии оборудования

– это почти каждый раз смертельный номер. Печь «летит» через час-два. Либо – сразу. Шесть больших печей в работе на весь завод, не считая мелких в параллельном цехе. Выход одной десятитонной ощутим крепко. Вся цепочка нарушается. Начальника цеха – на ковёр! А он, бедный, замордованный, ему бы пальцем показать, кто рушит дело, а он малодушничает. Не может!

– Николай Алексеевич, ты немножко неправ. Печи, а значит, весь цех, губят и щёлочь в сырье, и вода, и никудышные горелки на печах. А отсутствие резервных ёмкостей для отстоя сырья? Многое губит! Хорошо, ты – гений у нас. Но это никого не интересует. Бед в цехе много, – вступил в разговор мастер Мошков. Говорил он спокойно, поглаживая ладонью левой руки выбеленный ранней сединой большой волнистый чуб.

Долгов, однако, твёрд:

– Я знаю, как выправить дела. И давно знаю! Но всё так поставлено, что не докричаться! На нас крест поставили. А начальник наш и заместитель его никак власть между собой не поделят. Не договорятся между собой. Как кошка с собакой. Какая тут работа?

Долго они говорили втроём в тот вечер. И многое из того, что услышал новый начальник цеха Ковальский, подтверждало его наблюдения…

* * *

Была в цехе и такая беда – заместитель начальника Борис Борисович Бузулукский. Как понял Александр, его поведение парализовало прежнего начальника цеха.

…Ковальский взял за правило каждый вечер в 17.00 проводить совещание инженерно-технических работников – для подведения итогов прошедшего дня и обсуждения задач на ближайшие сутки. И тут-то подтвердилось нежелание, скорее, неумение Бузулукского работать в коллективе. Любой «разбор полётов» выливался в обвинения с его стороны в адрес кого угодно, только не самого себя. Умение уходить от конкретных решений и необъективные выводы заместителя ставили Ковальского в тупик. Он сам недавно работал в подобной должности. Знал её. И его порой брала оторопь от происходящего.

«Не начальника надо было снимать в первую очередь, – сделал для себя Ковальский вывод, – а вот этого мастера разговорного жанра. Как главный и директор не поняли? Они просто не знают положения дел. Кто же на заводе занимается цехом? Заместитель главного обходит его стороной. Вот и Николай Горин – Хризантема, начальник смены, поспешил уволиться… Очевидно, не верит в улучшение…»

* * *

Режим работы Александра установился порой однообразным до уныния. Ещё утром из дома около шести часов он звонил в цех. Если всю ночь и утро пиролизные печи проработали успешно, можно спокойно заниматься своими прямыми обязанностями. Если выходили из строя, весь день шёл кувырком, начиная с утреннего селекторного совещания, на котором директор на всё предприятие по внутренней связи задавал неудобные вопросы, и до того момента, пока не будет пущена аналогичная пиролизная печь. А её, как правило, подготовить вовремя не успевали.

Все уже привыкли к такой лихорадке. Но ведь его-то, Ковальского, как раз и направили в цех, чтобы уйти от этого. Он знал: многие выжидают, что будет. Что с ним будет? Некоторые сочувственно, другие с усмешкой рассуждали: «Это ж такой цех! Зачем, чудак, согласился? Получил звания «Лучший инженер завода», «Лучший инженер объединения». Ну и не высовывался бы… Отличился после взрыва на восстановлении цеха, попался на глаза».

Ковальский и сам не понимал до конца, зачем согласился. Завораживало ощущение пути. И то, что в цехе такой набор процессов, будто иллюстрация к вузовской программе.

Однажды встретившийся на улице Скворцов – однокашник по институту, успевший уже защитить кандидатскую,

спросил:

– Ты сам перешёл, зачем?

Александр ответил неуверенно:

– Понимаешь, кандидатский минимум сдал. Может, тему найду в цехе, диссертацией займусь.

– Да ты что! В пиролизе? На производстве олефинов? Там всё истоптано давно. Всё высосано. Безнадёга. Зря не посоветовался.

Ковальский пожал плечами.

– Куда вляпаешься, в том твоя и судьба, – глубокомысленно произнес «остепенившийся» приятель.

Он ушёл, Ковальский так и остался под мелким моросящим дождичком.

«Странно, я, по сути, оказался один на один с серьёзной проблемой, но не чувствую себя беспомощным, хотя ничего ещё не сделал. Пусть снимают за плохой характер, за неуступчивость. Но не за развал цеха. Опыты так опыты!»

…Прибыв на другой день в цех, отыскал крепенькую папку для бумаг и жирно надписал: «В защиту печей пиролиза».

А вечером, когда закончилось совещание, долго анализировал старые рабочие журналы, которые ещё днём попросил принести технолога цеха.

Получалось, что средний межремонтный пробег печей за последние два года был где-то около пятисот часов, то есть значительно меньше месяца…

Невеселые кружились мысли. Всё сошлось клином на

этом цехе. И конструкция печей самая старая, давно уже новое поколение их работает на заводах, и самый короткий межремонтный пробег. И щёлочь в сырье при высоких температурах вызывает межкристалльную коррозию. Отсутствие резервных ёмкостей в парке вынуждает часто переключаться с одного вида сырья на другой. Деформируя трубы, эти переключения выводят из строя печи. При температурах около 500–800 градусов трубы быстро закоксовываются.

Рабочие опытны и исполнительны, а технология?.. С неё надо начинать! Но ведь в цехе эти причины известны. Но устранить их в нынешнем общем обвале непросто.

В тот вечер он вложил первый листок в свою ставшую позже знаменитой папку. Запись на нём была лаконичной:

«Межремонтный пробег печей в цехе за год увеличить в два раза, для чего:

1) сократить до минимума их внеплановые внезапные переводы с одного вида сырья на другой;

2) исключить попадание с сырьём щёлочи;

3) путём внедрения ряда мероприятий уменьшить отложения кокса в змеевиках;

4) модернизировать систему горения;

5) повысить общую культуру обслуживания технологии и оборудования».

«Только бы у меня было время на всё это. Не поторопились бы убрать. Год нужен!» – выходя с этой мыслью из кабинета, Ковальский усмехнулся. Он начал уже отчётливо по-

нимать, какую глыбу взвалил на себя, приняв цех.

Ему не терпелось действовать.

XXIV

– Чтобы решались твои проблемы, надо сделать их достоянием всех! Ты намерен всё взвалить на себя? Не вытянешь. Пока ты – начинающий начальник, выворачивай всё наизнанку, потом поздно будет… Руководство завода должно знать все сложности. Вот послушай: был случай в жизни моего двоюродного брата. Он мне его однажды красочно рассказал… У них командир полка был большой матерщинник. И на плацу обычно гонял всех матом. Побаивались его, не связывались. Вёл себя надменно. Всем доставалось. «Что стоишь, как корова на сельхозвыставке? Соедини ноги!» Прапорщик отвечает: «Они у меня кривые, товарищ полковник». «Какой покойник? Я – полковник. И заметьте, действующий! И живой!»

Однажды на плацу он давал обычный разгон перед строем. А тут женщина шла мимо. К родне приезжала. Военный городок, всё рядом. Услышав отборную матерщину, она вначале оторопела. Но, на свою голову, «очнулась» и попыталась вмешаться: «Товарищ полковник, разве так можно? Сплошной мат…». «А как можно? – выпучил глаза ухарь-командир. – Ты как на плацу оказалась?». Женщина молчала. «Пошла вон! Корова!».

Потом она говорила капитану Седову, двоюродному моему старшему брату: «Ты… ты понимаешь, он перед всем строем назвал меня коровой! Разве это офицер?».

И вот идёт партийное собрание дивизии. Повестка дня: повышение боевой готовности. Собрание ведёт начальник политотдела дивизии. В зале около пятисот офицеров и прапорщиков. Когда начались прения, выступил и Седов. Рассказал всему залу с трибуны о случившемся и выдал: «Если командир не извинится перед женщиной, напишу о случившемся начальнику политуправления армии, в газету «Красная звезда» и в комиссию партийного контроля, товарищу Пельше. Моё слово твёрдое!».

Комдив – отец родной, не стал заставлять полковника извиняться. Только сказал внятно после собрания: «Полковник, если он напишет, мне не быть командиром дивизии, вам – командиром полка!». Полковник, набычившись, молчал. «А если напишет в газету – позор на всю армию». «И на все прилегающие к армии окрестности», – донёсся из окружения задорный голос.

Полковник извинился в присутствии капитана Седова…

Мораль в том, что надо проблему обнародовать, сделать достоянием окружающих. Тогда её так или иначе надо будет решать не тебе одному. И тебя не попытаются потихоньку придушить.

– Мудрый твой брат. Ты не в него ли?

– Не от мудрости мой брат так поступил, а от безысход-

ности. Тогда, после случая на плацу, он подошёл и потребовал от полковника извиниться перед женщиной. Тот и его послал куда подальше и пригрозил, что ему выше капитана не быть…

– Ну и как? Стал майором твой брат?

– Он – полковник.

– Знаешь, в чём мораль твоего рассказа? – задумчиво произнёс Ковальский.

– Я же сказал.

Ковальский будто не слышал его, ответил не спеша:

– Мораль в том, что можно оставаться самим собой, несмотря на грязь вокруг тебя и унижение. В любых обстоятельствах. Может, это трудно. Порой даже гибельно. Но только так складывается значительная судьба!

Суслов долго молчал, потом раздумчиво произнёс:

– Ковальский, ты мне непонятен: то ты мечтатель, поэт. Весь в стихах либо в философии. То такой твёрдый и рациональный! Ты кто вообще-то? Тебе мораль читать мне не под силу!

– Ты у нас поэтом становишься, – парировал Ковальский.

– Как это?

– Последняя фраза, которую произнёс, вполне сойдёт за стихотворную строку. Ритмично очень.

– Да? – неопределённо произнёс Владимир. – Надо же, я стал говорить стихами. Это к хорошему не приведёт…

…Рассказ Суслова запомнился Александру и вскоре при-

годился.

* * *

– Послушай, Борис, – обратился утром следующего дня Ковальский к мастеру Мошкову, – Николай Алексеевич Долгов работал в цехе заместителем начальника. Как получилось, что сейчас на этой должности Бузулукский?

– Очень просто. Бузулукский был начальником цеха в соседнем производстве. Там два цеха объединили в один. Он остался без должности. Тогда Долгова понизили, а его дали нам.

– Долгова переместили безо всяких причин?

– Чухвичёв упрекал Николая Алексеевича в мягкости и увлечении всякими экспериментами. Приструнить персонал некому. Приходится, мол, начальнику дисциплиной заниматься. Зато от Бузулукского одни накачки, но ни единой мысли. И дисциплины нет особой. Если что не клеится, все бегут к Долгову. Он все тонкости технологии знает. Ему беспрекословно и подчиняются. Это начальников, естественно, злило. Они как технологи слабы. Поэтому он обоим был помехой. Но и между собой начальник и заместитель не дружили. Разные очень. Одинаковы в одном: сами первыми решения не принимали.

– Почему его не трогают?

– Загадка. Бузулукскому всё сходит с рук. Правда, он ни-

чего не нарушает: раньше времени с работы на рыбалку либо на охоту не срывается. Даже не курит и не пьёт. Аккуратист такой. Он это… – Борис запнулся, – …и жён чужих не трогает… ага… Такой положительный…

– И не работает! – добавил Ковальский.

– Точно – и не работает, как надо! Трудно зацепить его. Налицо безнаказанность бездействия. Ярмо для цеха этот Бузулукский.

Ковальский стал внимательнее присматриваться к своему заместителю и вскоре совершенно искренне удивлялся: «А зачем такой вообще нужен?». Все оперативные и рутинные дела вершились начальниками отделений. Перспективой, кроме Долгова, никто не занимается вообще. Ковальский стал легонько подталкивать Бузулукского, желая, чтобы тот вплотную занялся технологией. Делал это осторожно, щадя самолюбие своего зама. И почувствовал молчаливое, но упорное сопротивление. А вскоре всё прорвалось:

– Почему всё время меня учите, подсовываете мне работу? Я, в конце концов, на пятнадцать лет старше вас и уже был начальником цеха. А вы только начинаете!

Ковальский был ошарашен.

– Но ведь я говорю о ваших обязанностях: вот шестая печь постоянно коксуется раньше всех. Мы её уже замордовали с остановами. Разве системный анализ и поиск решения не ваши задачи?

– Там есть профессор Долгов!

– Он тоже обязан. Но пока не может чётко всё разложить. А вы в стороне.

– Я не должен подстраховывать каждого инженера в цехе!

– Это не подстраховка, суть в другом. Надо цех вывести из прорыва. Это можно сделать только всем вместе и под нашим руководством.

– Был тут до вас один руководитель – Чухвичёв, теперь вот вы. Я не мешаю – дерзайте!

«Какая дичь, – ужаснулся Ковальский. – Либо это вызов, либо не понимает, что делает. Переговорить его нельзя. То ли гипертрофированное чувство личного превосходства, то ли уверенность в безнаказанности. Но, в любом случае, он не намерен тащить цех из ямы ни лично, ни со всеми вместе… Чирикает, будто воробьёв наглотался…»

Так началась между ними, как её назвал Ковальский, «локальная дурильня». Он понимал, что противостояние обещает быть долгим и нудным. Видел, что может в цехе справиться вообще-то и без заместителя. Но он был. И часто его, Ковальского, распоряжения, начинания, проходившие через заместителя к персоналу, искажались так, что это корёжило Александра. Мириться с этим он не мог.

– Я это, тогда… – мялся Мошков, – не сказал до конца… Он, Бузулукский, не раз заявлял, что в начальниках Чухвичёву осталось ходить недолго и начальником цеха будет он. А тут вы, понимаете? Я и сейчас вижу у него такие намерения…

– Тараканы, – досадливо махнул рукой Ковальский.

– Не понял, кто и что? А-а… – стеснительный Борис мотнул головой, – я не хотел лезть в это дело!

* * *

– Начальник, вот презент принёс, можно? – У Долгова под мышкой два солидных куска трубы от змеевика печи.

– Что это?

– Так называемые «калачи» – переходы от одной трубы к другой.

– Но к чему это?..

– Возьми и посмотри на свет.

Ковальский взял один из кусков легированной жаропрочной трубы, подошёл к окну. Внутри эллипсной поверхности её, на металле и на отложениях кокса, ясно виднелись небольшие жёлтые полосы.

– Щёлочь?

– Да, межкристаллитная коррозия. Выщелачивание легирующих добавок хрома и никеля. Труба становится как бы уже не жаропрочной. Добавки уносятся и появляется прогар. Печь выходит из строя.

– Откуда всё-таки берётся щёлочь? Я просмотрел все анализы сырья за последний год. Ни разу её не было. Анализы делаем раз в сутки. Проскакивает между отборами проб?

– Отчасти так, – Долгов завис над столом, наклонив голо-

ву и жестикулируя над ней правой рукой – такова его обычная манера говорить. Продолжил: – Думаю, щёлочь проскакивает часто, поскольку поставщики отмывают ей сернистые примеси. Потом удаляют щёлочь водой.

– Как зафиксировать? Нам надо быть доказательными! Дело серьёзное, – Ковальский вновь потрогал тяжёлые «калачи».

– Её в рабочем сырьевом потоке мало, скорости велики, а отстойников на пути движения нет. Вот и не улавливаем до печей. Если бы установить большую ёмкость! Но для этого надо ждать останова на капитальный ремонт всего цеха.

– А почему раньше не поставили ёмкость?

– Два раза говорил об этом с бывшим начальником, но он меня за чудака держал, отмахивался…

– А заместитель?

– Самодур. С ним вообще нет желания о серьёзных вещах говорить.

– Опять тараканы! – вспомнив разговор с Борисом, произнёс Ковальский. – В одной банке.

– Мало-мала, моя совсем не понимала… – ковыряя перочинным ножом в трубе кокс, отозвался Долгов. – Поясните?

– Да ну вас! Это мои дела… придёт время… Надо то, что наковыряли, в лабораторию отдать. Пусть скажут, есть ли хром, никель и щёлочь. Тогда поговорим.

– Если и не подтвердят, всё равно виновата щёлочь.

– Так уверен?

– Уверен. Почти во всех печах, которые выходили аварий-но, были такие вот жёлтые разводы. У меня всё записано по датам.

…Когда Долгов ушёл, Ковальский вернулся к столу, сел в кресло.

«Что сделать, чтобы объединить Мошкова, Долгова, Бузулукского и молчальника, механика цеха Поспелова, который постоянно в тени? Если не будет слаженности, ничего не получится. Каждый сам по себе. И у каждого застарелые обиды друг на друга и на всех. Нужна общая цель! Она есть! Поднять цех! Но это не работает. Необходима конкретизация. «Поднять цех» – это сразу не осилить. Нужны локальные задачи. Они, как раздражители или, скорее, возбудители, должны заразить, разбудить интерес. Личный интерес – великий двигатель. Унылое ежедневное топтание на месте изнурительно».

Он решил дважды в неделю заходить в заводскую библиотеку, в бюро технической информации и просматривать всё, хотя бы косвенно касающееся мировой практики производства этилена и пропилена.

«Надо искать и внедрять новое», – определил он себе стратегию.

* * *

– Сколько печей аварийно остановлено за последние две

недели? – голос директора суров. Зелёные его глаза блестят, голова с тёмно-русыми, слегка вьющимися волосами похожа на рысью.

Идёт общезаводская директорская планёрка. На ней, в присутствии более полусотни начальников цехов и отделов, вопросы, накопившиеся в цехе, с маху не решить. Но всё равно обидно: Белецкий каждому вначале даёт некоторое время на короткий доклад, а Ковальского поднимает вопросом. Что означает эта нарочитая суровость? Она должна мобилизовать всех в помощь злосчастному цеху? Или это принародное признание: в улучшение дел с приходом нового начальника верить пока не приходится?

– Две печи, Вадим Петрович, – поднявшись, отвечает Ковальский. – Две…

– Как – две? Я помню, что четыре. Вы должны в лицо каждую печь знать!

– Не договорил, извините. Две вышли из строя по вине цеха и две – по вине производственного отдела.

– Как так? За всё, что творится в цехе, отвечает его руководство, а вы киваете на заводоуправление! – Лица в зале оживились. – Захарычев! – директор обратился к начальнику производственного отдела. – Сколько печей сожгли и кто виноват?

– Ну, зачем наводить тень на плетень, Ковальский? У вас все печи аварийные. То, что мы даём распоряжение о переводе, не значит, что мы виноваты! Сами переключение дела-

ете? Вы и отвечайте!

– Надо иметь либо достаточный сырьевой парк, либо стабильную бесперебойную подачу сырья. Тогда печи будут целы. Никто этим не занимается. Всё свалилось на цех. Цех загнали! Обвинить проще, чем обеспечить стабильность подачи сырья.

– Григорий Андреевич, – обратился директор к Захарычеву, с невозмутимым видом вальяжно стоявшему у первого ряда кресел, – ответьте ещё раз: сколько изуродовали печей по вине цеха?

– Всем очевидно – четыре.

– Садитесь оба. Ковальский, вы не готовы сегодня отвечать за цех. Вам негоже будет выглядеть так в следующий раз. Многословны…

– У меня назрели вопросы, я готов…

– Вопросы задавать буду я. Вы обещали дать мне предложения, где они?

– Предложения есть.

– Тогда в чём дело? Подходите. А сейчас садитесь.

В зале захихикали. Не злорадно. Молодого начальника объезжали. Все в своё время прошли через это.

«Хорохорься-не хорохорься, а знай своё место. У начальника цеха всегда уйма неполадок и проблем. Его легче других посадить на крючок, – прошептал ему на ухо матерый Солдатенков, начальник отдела технического контроля завода. – Будь гибче, а то сломают».

После планёрки Ковальский зашёл к начальнику производственного отдела.

– Григорий Андреевич, вы же прекрасно понимаете: частые переводы с одного вида сырья на другой – смертельны. Сейчас практически все печи требуют срочного ремонта. Все!

– Садись, – предложил Захарычев. Ковальский послушно сел, лишь бы скорее начать разговор. – Видишь ли, поставщиков трудно одолеть. Годами привыкли работать в рваном ритме. А чтобы увеличить объём парка, нам надо иметь площади, а их нет. Есть склады твёрдых материалов. Их можно убрать, но ведь какие затраты!

– А на ремонт печей разве тратится меньше? По-моему, никто не хочет в заводоуправлении поднапрячься – оттого все и страдают.

– А ты попробуй скажи это директору!

– И скажу.

– Давай, говори!.. Посмотрим, что из этого выйдет…

– Раз понимаете, что вина не только наша, почему соврали, что печи угробили мы? – Ковальский уже не мог остановиться.

– Чудак! – хохотнул Захарычев. – Неужели при народе буду доказывать, что директор не прав? Ты что?

«Да этот такой же, как Бузулукский. Его не переговоришь. И совести ни на грош… Они и обедают в столовке часто вместе… Два сапога – пара…» – Ковальский в упор смотрел на

собеседника.

Решение пришло неожиданно:

– Ну, вот что, ни одну печь теперь не смейте трогать без ведома начальника цеха, то есть без меня. И все переводы только днём, до 18.00 часов. В выходные запрещаю все переключения. Будем учиться работать наново.

– Круто как! Ты понимаешь хотя бы, что говоришь?

– Знаю, – уже спокойнее произнёс Александр. – Технологией должны заниматься специалисты, а не ловкачи…

– Голова садовая, ты хоть знаешь, кто такие специалисты? Вот Кузьма Прутков считал, что специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

– Всех балагуров в заводоуправлении не переговоришь! Вас тут сорок сороков – Ковальский резко закрыл за собой дверь.

– Ковальский, ты – чудак! Не понимаешь, что говоришь и делаешь! – громыхало за тонкой дверью.

…Вернувшись в цех, Александр написал соответствующее распоряжение начальникам смен, предупредив, что неисполнение его карается отстранением от занимаемой должности незамедлительно.

После вечерней планерки Долгов спросил:

– Александр, ты видел, как довольно ухмылялся Бузулукский?

– Да, он необычный сегодня какой-то был…

– Вот-вот… Понял, что ты подписал себе приговор. Не се-

годня-завтра надо будет переключать печь – возникнет большой шум. Тебе не устоять – сомнут. Это – тупик! Неужели Бузулукский будет нашим начальником? Дурдом!

Ковальский промолчал. Долго после его ухода сидел в кабинете. В тиши после официального окончания рабочего дня думалось продуктивнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.